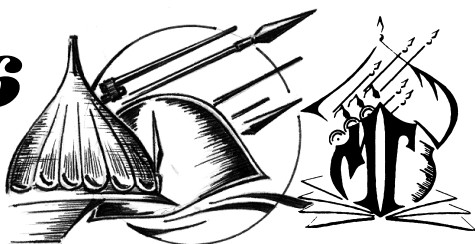

Россия, Русь! Храни себя, храни!

5-6
2023

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Валерий ГАБРУСЕНКО. Между Сталинградом и Курском	3
Ростислав ИЩЕНКО. Они убили в себе человеческое	9
Евгений ЕВТУШЕНКО. Тупик мирового правительства	57
Владимир МАЛЯГИН. И вместе нам не сойтись	62
Андрей ФУРСОВ. Сталин показал выход из тупика	106

ПРОЗА

Владимир ГУРЬЯНОВ. И дал Бог силы. Повесть. Окончание	14
Антон ЛУКИН. Рассказы	70
Татьяна ГРИБАНОВА. Морок. Рассказ	116
Анатолий ПОДОЛЬСКИЙ. Амнезия. Рассказ	122

ПОЭЗИЯ

Анатолий АВРУТИН. Пламень и пепел. Стихи	50
Василий КИЛЯКОВ. И долог день, как век. Стихи	97
Валерий ЛАТЫНИН. Гранильщик слов. Стихи	102
Любовь БЕРЗИНА. Необъяснимая Россия. Стихи	140
Анна РЕТЕЮМ. На светлой земле. Стихи	147

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Вячеслав РУМЯНЦЕВ. СВО: выстоит ли политический режим	151
--	-----

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

Владимир БОЛЬШАКОВ. Фиаско сотворённых кумиров	162
---	-----

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Вадим КОЖИНОВ. Загадка 1937 года	172
---	-----

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Сергей МИХЕЕНКОВ. «Я сгорел не дотла...»	206
Николай ПОЛУНИН. Стихи	211

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

Владимир МАЛЯГИН. Троцкий против Сталина. Так кто же победил?	215
--	-----

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Светлана МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО. Иноагенты «Литгазеты»	222
Андрей АНТОНОВ. В ответ на санкции...	225
Максим ВОРОБЬЁВ. Такой страны больше нет!	229
Фёдор ШИМАНСКИЙ. Егэ и болонский процесс	231
Андрей СОШЕНКО. Им не место на российском телевидении!	234
Анатолий СТЕПАНОВ. Сомнительные личности...	236

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	238
Владимир ПРОНСКИЙ. Пусть не рвётся красная нить. К 100-летию со дня рождения Бориса Можаяева	246

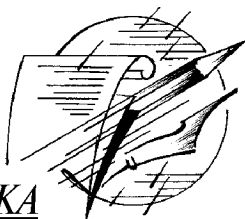
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Людмила ВОРОБЬЁВА. «На меже откровенья и боли...» О книге Анатолия Аврутина «Временная вечность»	253
Вячеслав ЛЮТЫЙ. Мать-и-мачеха. Город в поэзии Дианы Кан	270

МЕЖДУ СТАЛИНГРАДОМ И КУРСКОМ

19 ноября 1942 года началось контрнаступление Красной Армии под Сталинградом, 23 ноября замкнулось кольцо окружения 6-й пехотной армии Паулюса и пяти дивизий 4-й танковой армии Гота, а 2 февраля 1943 года остатки окруженных фашистов сдались в плен. Закончилась Сталинградская битва — переломное сражение Второй мировой войны, которое решало судьбу нашей страны. Отныне стратегическая инициатива перешла в руки советского командования. Наиболее проникательные германские генералы поняли, что война проиграна. Нет, немецкая армия оставалась ещё очень сильной, но война перешла в другую фазу — на истощение, которую Германия, как они справедливо считали, выдержать не сможет.

Следующую этапную стратегическую победу Красная Армия одержала через полгода после Сталинградской — в сражении на Курской дуге, после которого немцев уже безостановочно гнали на запад. А какие события были между этими двумя судьбоносными битвами? О многих из них энциклопедии, учебники и популярные книги по истории

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

говорят как-то вскользь, а военные мемуаристы — не очень охотно. Даже знаменитый маршал И.С. Конев, которого первые два года войны преследовали неудачи, предпочёл не вспоминать неприятности и начал свои мемуары сразу с Курской битвы. Возможно, потому, что стратегическая инициатива — это ещё не гарантия от тактических неудач. Попробуем восстановить хронологию событий.

Прежде всего отметим, что победа под Москвой в 1941 году породила у Верховного Главнокомандующего чувство эйфории, и он, мало считаясь с мнением Генштаба, поставил перед армией на 1942 год неосуществимые задачи, которые в итоге закончились катастрофой под Харьковом и на Керченском полуострове. Но затем, даже после сталинградского триумфа, когда и командиры стали опытнее, и военная промышленность полностью встала на ноги и обеспечивала войска всем необходимым, он намного скромнее и реалистичнее оценивал возможности Красной Армии.

Первой была операция «Искра», блестяще подготовленная и проведённая Ленинградским фронтом (комфронта Л.А. Говоров, представитель Ставки К.Е. Ворошилов) и Волховским фронтом (комфронта К.А. Мерецков, представитель Ставки Г.К. Жуков). Всего за шесть дней, с 12 по 18 января 1943 г., при неблагоприятных условиях местности (незамёрзшие болота, много речных преград) и мощнейшей обороне врага, у Шлиссельбурга была прорвана блокада Ленинграда — пробит коридор шириной 8—11 км. По нему вскоре была проложена железная «Дорога Победы», и сухопутное снабжение города-героя теперь уже не прерывалось.

Однако развить успех не удалось. Фронтальные удары по Синявинским высотам (а для их обхода и охвата возможностей не было), с которых противник мог обстреливать «Дорогу Победы», приводили к огромным потерям. Здесь надо признать, что немцы вообще умели очень грамотно организовывать оборону. Несмотря на эти неудачи, значение «Искры» невозможно переоценить. Она не только резко улучшила снабжение города и Ленфронта, но и подняла моральный дух жителей и защитников Ленинграда.

20 января 1943 года войсками Калининского фронта (М.А. Пуркаев) была завершена Великолукская операция с окружением и уничтожением немецкого гарнизона и освобождением Великих Лук. В плен попал сам начальник гарнизона. Операция, имевшая фронтовое значение, была проведена исключительно грамотно и, хотя она оказалась в тени Сталинградского «котла», её не зря называют «Мини-Сталинградом».

27 января, когда окружённый в Сталинграде противник ещё не успел поднять белый флаг, войска Воронежского фронта (Ф.И. Голиков, представитель Ставки А.М. Василевский) на Верхнем Дону окружили и уничтожили 2-ю венгерскую и 8-ю итальянскую армии (в составе последней был и немецкий корпус) из группы армий «Б», наступавшей ранее на Сталинград. Операция, получившая название Острогожско-Россошанской, была проведена стремительно, всего за две недели, и стала одним из образцов продуманной наступательной тактики — противник превосходил нас в людях в 1,8 раза, в самолётах в 1,5 раза. В плен было взято 86 тыс. вражеских солдат и офицеров (почти как в Сталинграде), линия фронта прорвана на ширине 250 км и отодвинута на запад на 140 км.

Без перерыва, с 24 января по 2 февраля, этот же фронт при поддержке левого крыла Брянского фронта (комфронта М.А. Рейтер, координировал действия фронтов А.М. Василевский) провёл Воронежско-Касторненскую операцию, в результате которой были уничтожены 9 немецких и 2 венгерские дивизии (по сути, уничтожена 2-я армия — основная остающаяся сила группы армий «Б»), полностью освобождены Воронежская и большая часть Курской области. В обеих операциях потери немецких войск и их союзников по разным оценкам составили не менее 320 тыс. человек — больше, чем в Сталинградском «котле».

С 1 января по 4 февраля проводилась Северо-Кавказская наступательная операция, целью которой было освобождение Северного Кавказа, окружение и разгром немецкой группы армий «А». Командующий Южным (бывшим Сталинградским) фронтом, 62-я и 64-я армии которого вынесли основную тяжесть боёв при обороне Сталинграда, А.И. Ерёмко был обижен, что уничтожение окружённой армии Паулюса было возложено не на него, а на командующего Донским фронтом К.К. Рокоссовского.

Но Андрей Иванович обижался напрасно. Рокоссовскому была поручена тактическая задача, а ему — стратегическая, с которой он, к сожалению, не справился: перекрыть немцам путь отхода на север, соединиться в районе Ростова с Приморской группой (И.Е. Петров) Закавказского фронта и замкнуть кольцо окружения, в то время как Северо-Кавказская группа (И.И. Масленников) будет громить и гнать немцев на запад в «котёл». Первая часть стратегического замысла была успешно решена — оккупанты понесли большие потери, от них был очищен почти весь Северный Кавказ, однако одна часть войск противника сумела закрепиться на Таманском полуострове (выбили немцев оттуда лишь в

октябре 1943 г.), другая — проскользнуть в Донбасс у Ростова. Ставка сделала свои выводы: 2 февраля Ерёменко был заменён более решительным Р.Я. Малиновским, а 24 января Приморскую группу объединили с Северо-Кавказской и превратили в Северо-Кавказский фронт под командованием не менее решительного Масленникова (о нём см. «МГ», 2022, №5-6).

В результате успешной Воронежско-Касторненской операции по фронту немецкой группы армий «Б» образовалась брешь протяжённостью около 400 км, открывшая дорогу на Белгород, Харьков и в северную часть Донбасса. В эту брешь 29 января устремились войска Юго-Западного (Н.Ф. Ватутин), а 2 февраля — Воронежского фронта (Ф.И. Голиков). Начались Ворошиловградская («Скачок») и Харьковская («Звезда») наступательные операции, в подготовке которых приняли участие маршалы Г.К. Жуков и А.М. Василевский. За две недели войска продвинулись на 120—260 км, громя разрозненные войска немцев. 8 февраля был взят Курск, 9 февраля — Белгород, 14 февраля — Ворошиловград, 16 февраля — Харьков. Армии вышли на подступы к Запорожью и Полтаве. 5 февраля подключились и войска Южного фронта (Р.Я. Малиновский), которые 17 февраля освободили Ростов, вышли на р. Миус и оттеснили группу армий «Дон» на 90—130 км.

К сожалению, на этом наступление захлебнулось. Причин было несколько. Во-первых, Ватутиным и Голиковым, а вместе с ними и Ставкой была допущена грубая ошибка в анализе данных разведки — концентрацию вражеских войск у Красноармейского и Полтавы они приняли за начало их отвода за Днепр. Во-вторых, опять были переоценены возможности наших войск, которые были ослаблены в непрерывных трёхмесячных боях, далеко оторвались от баз и аэродромов, а потому испытывали острую нужду в пополнении, оружии, горючем и боеприпасах и слабую поддержку авиации. (Ватутин был особенно увлекающимся полководцем — он любил рваться вперёд, не оглядываясь ни назад, ни по сторонам.) В-третьих, на нашу беду командующим воссозданной группой армий «Юг», составленной из остатков разбитых групп армий «Б», «Дон» и просочившейся у Ростова части группы армий «А», был назначен лучший полководец вермахта Э. Манштейн. Он сумел убедить Гитлера оставить Харьков и Донбасс и дать ему необходимое пополнение с других участков Советско-германского и с Западного фронта (в том числе и отборными дивизиями СС).

Применив тактику подвижной обороны (её потом как образец изучали в зарубежных военных академиях), Манштейн

19 февраля начал контрнаступление против войск Юго-Западного фронта, нанёс ему ряд мощных ударов, а затем, перегруппировав силы, направил их против Воронежского фронта. 15 марта он взял Харьков, 18 марта — Белгород. Многие наши части оказались в «котлах», пробиваясь из окружения, несли большие потери. Красная Армия откатилась на 100—150 км, но на линии Курской дуги врага остановила. Да, стратегическая задача — дойти до Днепра — выполнена не была, войска понесли большие потери, но и враг, понеся немалые потери, тоже не выполнил главной задачи — окружить и уничтожить вырвавшиеся вперёд войска Юго-Западного и Воронежского фронтов.

В том же феврале, с 15-го по 28-е, силами Северо-Западного фронта (С.К. Тимошенко, представитель Ставки Г.К. Жуков) была проведена Демянская наступательная операция — ликвидация «мешка» у г. Демянска на юго-востоке Новгородской области. Скоротечность её может ввести в некоторое заблуждение.

Демянский выступ, в котором концентрировалось до 100 тыс. гитлеровцев, существовал с 1941 года. В январе-феврале 1942-го наши войска полностью окружили его, но уничтожить не смогли — немцы создали мощную оборону и организовали регулярную связь с «котлом» по воздушному мосту, которому наша слабая в то время авиация почти не противодействовала. В апреле 1942 г. немцы пробили «Рамушевский коридор» и надёжно его укрепили (через каждые 300 м вдоль коридора соорудили доты и дзоты). Попытки перерезать «коридор» осенью и в декабре 1942 г. оказались безуспешными. Чтобы не повторять судьбу армии Паулюса, Гитлера убедили начать отвод войск, и 1 февраля такой приказ был подписан. Отход противника осуществлялся по тщательно продуманному плану (который предусматривал, в том числе, уничтожение всего и вся на оставляемой русской земле), в результате чего главная задача фронта — окружить и уничтожить Демянскую группировку — решена не была. Увы, наши потери при этом оказались существенно больше, чем потери противника, а выведенными немецкими солдатами были пополнены войска Манштейна на юге.

Наконец, 21 марта 1943 года была завершена Ржевско-Вяземская наступательная операция. Это была не просто операция, а затяжная кровопролитнейшая битва, «Русский Верден». Продолжалась она с 5 января 1942 г., т.е. год и почти три месяца. Но о ней нужен отдельный рассказ.

В конце марта линия фронта стабилизировалась, на три месяца наступило затишье, обе стороны начали подготовку

к решающим летним сражениям. И всё-таки, несмотря на ряд неудач после Сталинградской битвы, Красная Армия в зимне-весенних боях добилаь несомненных успехов. Были разгромлены группы армий «Б» и «Дон», огромные потери понесли группы армий «Север» и «А», от оккупантов было освобождено 480 тыс. кв. км оккупированной территории (из общей площади 1795 тыс. кв. км).

В день 25-летней годовщины Красной Армии в приказе № 95 от 23 февраля 1943 года Верховный Главнокомандующий, говоря о последних успехах в наступательных боях, одновременно указал: *«Из этого, однако, не следует, что с гитлеровской армией покончено и Красной Армии остается лишь преследовать ее до западных границ нашей страны. Думать так — значит предаться неумному и вредному самообольщению. Думать так — значит переоценить свои силы, недооценить силы противника и впасть в авантюризм. Враг потерпел поражение, но он еще не побежден. Немецко-фашистская армия переживает кризис ввиду полученных от Красной Армии ударов, но это еще не значит, что она не может оправиться. Борьба с немецкими захватчиками еще не кончена — она только разворачивается и разгорается. Глупо было бы полагать, что немцы покинут без боя хотя бы километр нашей земли. Красной Армии предстоит суровая борьба против коварного, жестокого и пока еще сильного врага. Эта борьба потребует времени, жертв, напряжения наших сил и мобилизации всех наших возможностей».*

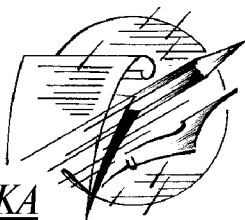
Читая этот приказ (подписанный ещё до неудач Юго-Западного и Воронежского фронтов) и читая историю Великой Отечественной войны, можно заключить: на Сталинграде «учёба» многих наших полководцев и штабов не закончилась. Потребовалось ещё несколько «уроков», чтобы сравняться, а после Курской дуги и превзойти нашего врага в полководческом искусстве.

ОНИ УБИЛИ В СЕБЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

В некоторых случаях мне кажется, что если бы Америки не было, её надо было бы придумать. Она, как Шурик в «Кавказской пленнице»: создаёт, создаёт проблемы, а потом выясняется, что «кто нам мешает, тот нам поможет».

Например, с начала нулевых годов текущего века США приступили к операции по политическому захвату и подчинению Украины. Параллельно Вашингтон проводил мероприятия по бандеризации и русофобизации этой страны. В целом всё получилось. К 2014 году захват Украины и полное подчинение её политических элит были оформлены. Бандеровщина стала ведущей политической силой (остальные могли только объяснять, почему они, такие «умные» и «популярные», не могут убрать из власти нацистов, которых «на Украине нет»), а русофобия — основой государственной политики.

В том же 2014 году на Украине началась гражданская война бандеровцев с умеренными, а к 2022 году США смогли даже спровоцировать непосредственное военное столкновение Украины с Россией. Причём «умные» и «популярные»

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

украинские политики, отодвинутые бандеровцами от власти и жаждущие к ней вернуться, так и не смогли объяснить, почему нацисты, которых на Украине «нет» или «исчезающе мало», уже более года воюют с российской армией и не собираются останавливаться. Откуда эти «отсутствующие нацисты» черпают силы для пополнения полумиллионной (а на пике численности почти миллионной) армии?

Вроде бы у США всё получилось, все свои планы они реализовали. Но давайте взглянем на предмет под другим углом. США не просто так выбрали именно Украину на роль Антироссии. И далеко не только потому, что на Украине жили русские. Соответственно, каждый вновь появившийся «украинец» — это исчезнувший русский. На самом деле США спокойно могли бы и Казахстан на роль Антироссии выбрать — там существует сильное националистическое движение. Причём в 90-е оно по накалу русофобии и по охвату населения давало сто очков вперёд украинским националистам.

В 2004 году США даже готовы были удовлетвориться Антироссией-Грузией. Тогда только закончилась вторая чеченская война, Северный Кавказ ещё бурлил, и Вашингтон имел основания надеяться, что харизматичный юный Мишико сможет возглавить великий поход народов Северного и Южного Кавказа против Москвы. Тем не менее основная ставка всегда делалась на Украину.

Происходило это потому, что Украина была наиболее мощной советской республикой после РСФСР, почти ни в чём, кроме размера территории и численности населения, не уступала России, а по некоторым показателям, в том числе по таким важным, как продовольственная безопасность и транзитный потенциал, серьёзно превосходила её. Да и численность населения Украины, с учётом размеров России и необходимости прикрывать и защищать от сильных противников самые отдалённые регионы, вполне соответствовала задаче, которую ставили перед Украиной американцы. В целом, у Киева не должно было возникнуть проблем в вопросе сдерживания Москвы. США рассчитывали очень дёшево, а скорее всего даже с прибылью, удерживать Россию вне Европы при помощи Украины.

Повторю, что все свои планы американцы реализовали. И что мы имеем в сухом остатке? Речь о сдерживании России Украиной уже давно не идёт. Не вопрос даже, уцелеет ли сама Украина. Если кто её и может сохранить, то только Россия и только в ущерб своим интересам. Все многолетние американские усилия привели лишь к тому, что сейчас ведётся дис-

куссия на тему: когда и как Украина окончательно исчезнет, между сколькими государствами будут разделены её территории и как будет легитимирован этот раздел. Также дискусионным является вопрос: что будет делать с бывшими украинскими территориями Россия, и какие проблемы сможет создать Москве необходимость возвращения их к нормальной жизни.

Проблема освоения обширных территорий, населённых многочисленным нелояльным населением, действительно могла бы стать неразрешимой для России, но и в этом вопросе США подсуетились помочь.

В 1992—1994 годах численность населения Украины составляла 52 миллиона человек. Затем оно медленно сокращалось за счёт естественного вымирания. За тридцать лет превышение смертности над рождаемостью составило около 10 миллионов человек. Это значит, что к началу 2020 года на Украине должно было бы проживать около 42-х миллионов человек, а проживало, в лучшем случае, около 32-х (данные хлебного подвоза дают численность реального населения 25—27 миллионов).

В результате развязанной американцами войны около 12 миллионов покинули Украину в западном направлении (Европа, Латинская Америка, США, Канада, Израиль), около пяти миллионов — в восточном (Россия и другие страны СНГ). Остаток в 10—12 миллионов может показаться уменьшением, но неспособность Украины после года боёв и потерь убитыми, пленными, умершими от разных причин поддерживать численность своей армии, несмотря на тотальную мобилизацию, подтверждает оценку численности населения подконтрольной Киеву территории Украины в 10—12 миллионов.

Расчёт прост: мужчины составляют половину от общего числа (6 миллионов), половину от всех мужчин составляют старики и дети, то есть они находятся в возрасте, не подлежащем мобилизации (остаётся три миллиона). Половина от этих трёх миллионов не может быть призвана из-за болезней, а также по причине занятия политических постов, службы в силовых структурах или обладания дефицитной (необходимой для обороны страны) специальностью. Остаётся 1,5 миллиона.

Посольство Польши во Франции официально дезавуировало слова своего посла о том, что Варшава вынуждена будет начать войну с Россией, если Украина не устоит. Поэтому будем оценивать и анализировать не то, что сказал посол, а то, что заявило посольство.

В июле прошлого года Зеленский сообщил, что численность ВС Украины достигла 900 тысяч человек. На данный момент украинские военные оценивают численность ВСУ в 600 тысяч человек, из них 350 тысяч на фронте. Учитывая минимум 400 тысяч выбывших из рядов ВСУ по разным причинам, можно сказать, что 2/3 доступного мобилизационного ресурса в полтора миллиона уже исчерпаны.

Понятно, что в первую очередь на фронт старались отправлять наиболее подготовленных и мотивированных. Так что оставшийся мобилизационный ресурс качественно резко уступает потерянному. К тому же большинство из этих людей совершенно не мотивированы воевать. Этим объясняются как испытываемые Украиной трудности в процессе мобилизации, так и жалобы военных на низкое качество поступающего пополнения и его недостаточность для компенсации потерь. Украина скребёт по дну мобилизационного бочонка.

Поскольку с момента получения независимости Украины США имели серьёзное (с начала нулевых годов) определяющее влияние на украинскую политику, а с 2014 года уже десятый год руководят ею в ручном режиме, развал украинской экономики, финансов, административной и политической систем, а также украинская демографическая катастрофа — это плод американского управления.

С одной стороны, для нас это проблема, поскольку Россия получает слабо заселённые неуправляемые территории с уничтоженной в ноль экономикой. С другой, меньше остаётся людей на Украине — меньше бандеровцев, которых надо «перековывать», возвращая им человеческий облик, а это сизифов труд.

К тому времени, как война завершится, непосредственные военные потери Украины вполне способны достичь отметки в миллион человек, ещё миллиона 2-3 непримиримых русофобов покинут страну и уйдут на Запад после развала фронта. Итого, к концу американского эксперимента на Украине должно остаться 6-8 миллионов человек, из которых примерно половина русских (лояльных России), а остальные конформисты.

Под чутким американским руководством Украина смогла за тридцать лет практически преодолеть свою русскость, отказаться от неё. Но ничего не даётся даром. **Убив в себе русского, украинцы убили в себе человека.** Они превратились в перекасти-поле без собственной культуры и традиций, готовое прибиться к любой цивилизации, которая согласится их более-менее сытно кормить.

С учётом сохранивших свою русскость жителей Украины, ранее перебравшихся в Россию бывших украинских (а ныне российских) граждан, а также жителей освобождённых территорий, включая Крым, Россия приобретёт около пятнадцати миллионов населения (из которых от половины, до 2/3 уже приобрела), остальные растворятся в толерантном европейском человеке.

Остаётся только поблагодарить США, решивших за нас сложный украинский вопрос, своей политикой очистивших южнорусские земли от бандеровских русофобов для новой волны русского заселения. Население Украины будет восстанавливаться медленно (на полное восстановление уйдёт больше столетия), экономика на первых порах существенно упростится и сконцентрируется вокруг сельского хозяйства, разработки полезных ископаемых и обслуживания транзита, включая морские порты. Но для России такой вариант скорее благо, ибо невозможно понять, как бы она смогла интегрировать 30—40 миллионов компактно проживающих бандеровцев. А так — нет украинцев и меньше проблем.

И ДАЛ БОГ СИЛЫ

ПОВЕСТЬ

5

В начале декабря выпал снег. Легкий, сверкающий первозданной белизной. Ветра не было, и снег опушил ветви деревьев, накрыл крыши домов, повис на телефонных проводах. В клубе было назначено колхозное собрание, чтобы подвести итоги полевого года, рассудить все вопросы, определить натуроплату на трудодень. Заранее объявили также, что после собрания будет концерт художественной самодеятельности. Поэтому на собрание пошли всей семьей, взяли даже Мишутку.

Судили, рядили, спорили и дымили самосадам долго. Но наконец пришли к общему согласию и утихли.

— А теперь, — сказал торжественно председатель колхоза, — будем чествовать и поощрять передовиков социалистического соревнования. Начнем с нашей главной ударной силы — трактористов... За наивысшую выработку Почетной грамотой Жерновской МТС и отрезом на костюм награждается тракторист первой бригады Краснов Тимофей Егорыч.

Окончание. Начало в №4 за 2023 г.

ПРОЗА

Тимофей, как всегда сидевший в последнем ряду, у стены, не поверил своим ушам. Но председатель повторил:

— Тимофей Егорыч, ты где у нас? Давай на сцену — костюм примерять будем.

Как во сне, под аплодисменты Тимофей поднялся на сцену, получил Почетную грамоту и тяжеленный сверток из плотной коричневой бумаги с шерстяным отрезом и, растерянный от неожиданной награды, стал спускаться в зал.

В первом ряду справа, у самого прохода, откинув голову и поджав губы, на Тимофея смотрел Витька Бугров. Он был категорически против награждения Краснова, убеждал членов правления, что это решение будет иметь нехорошие последствия. Трое поддержали было его. Но председатель колхоза дал слово главному бухгалтеру Иноземцеву, который с цифрами в руках объяснил, что в переводе всех работ, которые выполнил Краснов, на мягкую пахоту (показатель такой есть на селе) рядом с Тимофеем и близко никого нет. Даже Иван Седов отстал от него почти на двести гектаров.

— Решено, — жестко сказал председатель, — Тимофей первый по праву. А последствия, о которых ты говоришь, Виктор... Объясним! Мы его наградили не за то, что он в плену был, а за то, что в колхозе по-ударному работает. Всем бы так упираться, как Тимофей, мы бы быстро колхоз укрепили.

Несогласные открыто спорить с председателем не стали, но мнения своего не поменяли.

Беда, не знал этого разговора Тимофей... Когда спустился со сцены, наткнулся на презрительно-ненавидящий взгляд Бугрова и услышал слова, от которых качнулись стены клуба и люди превратились в сплошную темную массу.

— Выслуживаешься, предатель. Не выйдет!

Кто-то насмешливо добавил:

— Чёрного кобеля не отмоешь добела.

Иван Седов, сидевший недалеко, негодуяше сказал:

— Чиво на человека взъелись? Завидки взяли? Садитесь на трактор, поустебывайте с зари до зари — все завидки как рукой снимет.

Но Тимофей уже не слышал слов Ивана. Пошатываясь, он вышел из клуба и неуверенной походкой, не разбирая дороги, спотыкаясь о прикрытые снегом замерзшие кочки, направился домой. В голове бухало, под левыми ребрами сдавило, было трудно дышать. Что-то свихнулось в нем. Он думал... нет, пожалуй, не думал уже, а как-то отрешенно и холодно без конца говорил себе: «Надо уходить... Надо уходить... Надо уходить...»

Тимофей не стал открывать дверь дома. Положил на крыльцо Почетную грамоту со свертком. Не торопясь, открыл дверь

погребницы, уверенно нашел веревку, перекинул ее через матку и сделал петлю...

В открытую дверь заглядывал голубой вечер. На небе сиял молодой месяц. Крепчал мороз.

— Тимоня-а-а! — раздался душераздирающий крик Груни.

Снова ангел-хранитель раскрыл над Тимофеем свои крылья, в последний миг отвел его от бездны, не позволил содействовать душегубство над собой. Груня прибежала и крикнула в последний миг...

Утром Тимофея отвезли в больницу. Он был не в себе. Доктор долго осматривал его, а потом сказал Груне:

— Будем лечить. Но главное, что сейчас ему нужно, — покой, покой и еще раз покой. Никаких волнений! Иначе нервный срыв может повториться. Видимо, сказывается контузия. Да и сердце... Буду с вами откровенным: по состоянию здоровья ваш муж — инвалид. После курса лечения будем ставить вопрос о переводе его на инвалидность. Работать ему ни в коем случае нельзя, тем более на тракторе. Иначе сами понимаете, могут быть большие неприятности. Психическое состояние тоже вызывает опасения. Лечить будем, но наберитесь терпения.

Груня выдержала приговор твердо. Потому как была уверена: осият они с Тимофеем и эту беду. После всех несчастий да руки опускать? Ни в коем разе! Выходит она Тимоню!

В селе никто не узнал, что Тимофей Краснов хотел наложить на себя руки. А вот то, что он попал в больницу с нехорошим приступом нервной болезни, узнали сразу. Потом и слушок пошел, что не жилец Тимоха — одолела его хвороба и контузия, долго не протянет...

Груне стали сочувствие показывать: ждала, ждала и вот тебе на — дождалась, опять жизнь без просвету. Груня терпела и в разговоры не вступала, отмалчивалась. Еще перед свадьбой, когда она выходила за Тимофея, мать строгонастрого наказала ей: «Сор из избы не выноси. Всё, что будет между вами, между вами должно и остаться. Даже матери родной не всё говори. Так-то семья крепче стоять будет».

Наперекор всем слухам Тимофей выправился. Не так, чтобы очень, но живой блеск в глазах появился, стал расспрашивать о колхозных делах, попросил привезти сынишку. И долго держал Груню за руку.

Когда пришел срок выписываться из больницы, доктор затеял разговор об инвалидности. Стал объяснять: что, как и для чего. Тимофей молча кивал головой, а сам думал: «Ишь

чего! Инвалида хотят из меня сделать. Руки и ноги целы, голова на месте — какой я инвалид?»

Через день после выписки Тимофей снова сел на трактор. И проработал на нем без малого двадцать лет.

Часть пятая

1

Прошли годы. Вроде обтерлось всё, улеглось, смирилось. Уже никто в открытую не корил Тимофея пленом. Однако для односельчан он оставался бывшим пленником. А потому в массовых гуляниях по случаю Дня Победы не участвовал. Первые годы не приглашали, потом стали звать, но Тимофей не ходил. Остерегался, что подвыпившие мужики заденут его за живое, упрекнут походя, и снова он будет мучиться и страдать. Но сам праздник отмечал обязательно. Надевал чистую рубаху, садился за стол и три раза выпивал по полстакана крепкой самогонки. Первый — за убитых и без вести пропавших, второй — за тех, кто домой возвратился, а третий — за Груню, которая, пожалуй, единственная во всем белом свете верила, что жив он, Тимоха, и ждала.

После очередного медицинского осмотра Тимофею категорически сказали: «Хочешь пожить — уходи с трактора». Он и в этот раз пошел бы наперекор медикам, да Груня уговорила его, просила пожалеть себя. И доводы привела такие, что Тимофей задумался. Сын Мишка сельхозинститут закончил — раз, дома есть все необходимое для жизни: холодильник, телевизор, стиральная машина, даже новый мотоцикл марки «Урал» — два, полон двор живности: корова, теленок, два поросенка, полтора десятка овец, гуси, куры — три. Чего еще надо для жизни? Деньги?

И деньги есть. Оба зарабатывали хорошо.

Видя, что муж угрюмо молчит и отводит глаза, Груня расплакалась и отчаянно сквозь слезы выговорила:

— Да поживи ты ради меня! Не заслужила, что ли? А?

Тимофей обнял жену и погладил темной мозолистой ладонью по ее седеющим волосам.

— Ну, что ты? Не заслужила... Что бы я без тебя делал? У меня одно спасенье — Груня... И коли просишь, уйду с трактора. Но дома сидеть все равно не смогу.

Груня обрадовалась:

— Да кто ж тебя на привязи держать хочет? Сходи к председателю, поговори. Он тебя уважает, подыщет работенку полегче.

— А чего подыскивать? В мастерскую попрошусь, кузнецом. Дело знакомое. Да и охоч до железок.

Груня настороженно спросила:

— А не вредно тебе в шуме-то?

Тимофей улыбнулся и ответил:

— Шум-то родной, веселый. Какой вред?

И стал Тимофей колхозным кузнецом. Да не простым, а первостатейным. Чудеса с Павлухой-молотобойцем творили на наковальне. Не только по производственной части мастерами были. Своим умом да приметливостью освоили художественную ковку. Подглядели у разрушенной церкви остаток железной оградки — работу прежних мастеров — и отковали с Павлухой ограду для клуба еще лучше — с пиками, железными цветами и дубовыми листьями на воротах.

Пошла по округе добрая слава о кузнецах. К тому же Тимофей оказался большим выдумщиком на разные приспособления для улучшения работы сельхозтехники. Было дело, год выдался влажный. День — солнце, два — моросит. Уборка зерновых затянулась, комбайны с трудом подбирали прижатые к земле валки. На башмаки подборщиков налипала влажная земля, комбайнеры то и дело останавливались и очищали их. Не только в Озёрках, везде, где лили дожди, мучались комбайнеры с этими башмаками.

Покумекал Тимофей, покумекал и вот что придумал. Взял кусок полиэтиленовой трубы от водовода, распилил ее по вдоль и сделал из половинки нечто подобие лыжи. Накрепко закрепил ее на башмаке — и пошел комбайн по полю без задержки. Полиэтиленовая лыжа легко скользила по сырой земле. На следующий день все колхозные комбайны были оснащены Тимохиными приспособлениями, а через неделю новшество применяли уже во всем районе.

В том же году Тимофей с Павлухой изготовили электроподъемник для разгрузки большегрузных автомашин с зерном. По окончании сельскохозяйственного года Тимофей получил несколько свидетельств о рационализаторских предложениях. Главный инженер Красников в полушутку, в полусерьёз стал называть Тимофея своим заместителем. Председатель Борис Александрович Видинеев за руку с ним здоровался.

В почет Тимофей вошел. Был первым трактористом по округе, а теперь первым кузнецом и рационализатором.

С Украины, с завода сельхозмашин, даже инженеры приезжали совет с ним держать, как разные там трудности в машинах устранить. Тимофей с душой к ним, что знал и умел — подсказывал. А самому любо: для целой страны он, Тимофей

Краснов, старается. Это тебе не хурлы-мурлы, а государственной значимости дело. Вот так.

Однако жил на селе человек, которому были не по нутру успехи Тимофея. Бугров продолжал то в открытую, то за спиной, исподтишка, портить кровь Тимофею, корить пленом и называть предателем. Чего тут было больше: зависти, ревности, убежденности в своей правоте или глубокой обиды за то, что Груня досталась не ему, за то, что вернулся с войны калеккой, — Бог его знает. Только мстил он Тимофею постоянно и откровенно. Если бы это делал просто Витька Бугров — черт бы с ним. В конце концов, можно разобраться с ним по-мужски. Но Витька был не простым колхозником, а уже председателем колхозного профкома. С ним считались в правлении, а некоторые и заискивали перед ним. Как же? Кому квартиры в новом доме, кому путевка в санаторий, кому туристическую путевку, кому поддержку при подведении итогов соревнования... Да мало ли что мог сделать председатель профкома в те времена.

Тимофею не находилось санаторной путевки по профилю лет пять. Честно говоря, он особенно-то и не просил ее. Считал санаторную жизнь праздным препровождением времени, а может быть, и разгульной. Каких только историй он не слышал про эту жизнь... Но однажды после профосмотра врач категорически сказал: «В санаторий! И как можно скорее. У вас истощение нервной системы, ишемия и целый букет других болезней». Заключение врача узнал председатель колхоза и стукнул по столу ладонью: «Чтобы путевка для Тимофея Краснова была». Деваться Бугрову было некуда, путевку в саратовский санаторий «Октябрьское ущелье» выхлопотал. И Тимофей поехал лечиться.

2

Спустя неделю ранним утром в кабинете председателя колхоза раздался междугородный звонок. Звонил встревоженный главный врач санатория Петр Андреевич Надейкин.

— Борис Александрович, у нас ЧП. Ваш ветеран войны Тимофей Егорович Краснов пропал. Вторые сутки ищем своими силами. Нигде нет. Сегодня обратимся за помощью в милицию. Решил вас поставить в известность. Может, посоветуете что. Он раньше не пропадал? У него же ранение в голову..

Председатель тоже затревожился:

— Такого с ним не бывало. Возможно, к родственникам повидаться поехал и застрял у них? Я узнаю их адреса у жены.

Главврач сразу отверг это предположение:

— Вряд ли, Борис Александрович. Полупальто в палате висит, все вещи на месте. Только шапки нет. Не мог же он в такой мороз без пальто в гости поехать? Не дай Бог, пошел належке по терренкуру и заплутался в лесу. Сегодня будем искать по всей Кумысной поляне.

— Хорошо. Я выезжаю к вам. Через час буду, — решил председатель и поднялся из-за стола.

...В приемной главного врача санатория толпился наряд милиции. Здоровые краснощекие ребята заговаривали с молодой большеглазой секретаршей. Старались завести знакомство. А в кабинете главврача намечали план поисковых работ. В первую очередь решили обследовать терренкур и прилегающие к нему тропы, а также многочисленные, скованные морозом лыжни, по которым можно ходить, не проваливаясь в снег. В помощь милиционерам главврач выделил работника, отвечающего за физическую культуру в санатории. Он хорошо знал, куда ведут тропы и лыжни на Кумысной поляне, а также расположение лыжных баз и детских лагерей.

Когда председатель приехал в санаторий, поиск уже начался. Главврач подробно проинформировал его о предпринимаемых мерах и сокрушенно заключил:

— Бог даст, сыщем живым. А вообще-то у нас санаторий кардиологический, контингент пациентов пожилой. Всякое бывает...

Отметая плохое предположение, председатель сказал:

— Тимофей Егорыч в войну два года считался без вести пропавшим и выжил. Не может быть, чтобы он в трех соснах заблудился.

Главврач развел руками:

— Будем надеяться...

Председатель долго молчал, что-то прокручивая в голове, а потом неуверенно спросил:

— А у вас здесь кузницы поблизости нет?

— Нет. Причем здесь кузница?

— А мастерской какой-нибудь? — не унимался председатель.

— И мастерской нет. В котельной есть подсобка с токарным станком, где слесаря болты и трубы нарезают. Да и сверлильный станок. Верстак с тисками — вот и всё наше богатство. А при чем здесь мастерская?

— Да видите ли, Петр Андреевич, Краснов у нас кузнец. И не простой кузнец. Любит свое дело без памяти. Он и в отпуске-то, считай, каждый день в кузницу наведывается. К вам, честно говоря, я его чуть ли не силком отправил.

Главврач вздохнул и понимающе сказал:

— Знакомо это... Природа, что ли, у русского мужика такая, что работать — так до упаду. Для своего здоровья и пальцем не пошевелит.

На всякий случай решили сходить в котельную санатория, которая находилась выше по ущелью и дымила двумя высокими железными трубами. К обеду мороз обмяк, пошел густой снег и развесил на голых ветвях дубов, что росли по крутым склонам ущелья, пушистые белоснежные кружева. На высоких рябинах, посаженных вдоль дороги, светились оранжевые гроздья ягод, порхали бойкие синицы.

В просторной кочегарке было тепло и уютно. Ровно гудел огонь в топках. В одну из них кочегар ловко, словно играючи, подбрасывал уголь. Красное пламя озаряло его увлеченное работой вспотевшее лицо. Он не обратил внимания на вошедших. Но когда председатель окликнул его по имени отчеству, бросил лопату, подбежал к нему и испуганно спросил:

— Что случилось? Аль беда какая?

— У нас-то все в порядке. Все живы-здоровы. А вот у тебя что произошло? Как ты сюда попал? Ведь тебя милиция разыскивает.

— Как милиция? За что? — изумился Тимофей.

— За то, что Краснова лечиться послали, а он кочегарить вздумал. Тебя вторые сутки ищут по всему лесу. Всех на ноги подняли. Эх, Тимофей Егорыч, что же ты, как дитё малое...

Тимофей виновато опустил голову и не знал, что сказать.

А дело-то как было. Неуютно почувствовал он себя в санатории. Кормежка неплохая, чего зря говорить. Даже фрукты давали. Четыре раза в день в столовую ходил, а вечером стакан кислого молока выпивал. Это, считай, пятый раз в день питался. Постель тоже хорошую дали, и в душе с горячей водой хоть каждый день мойся. А вот ходить по разным процедурам ему не понравилось. Сюда пришел — рано, говорят, туда прибежал — опоздал, время прошло, в ванную сунулся — там бабулька гольшом бултыхается, крик подняла. А в другом месте положили Тимофея на топчан, надели черные очки и велели лежать спокойно. Уснул крепко, даже самому понравилось. По-хорошему-то и дали бы выспаться всласть. Нет же! Разбудили! Сеанс, говорят, закончился, приходите завтра. Словом, маята, а не лечение. Соседи по палате, тоже ветераны войны, сочувствовали Тимофею и успокаивали: погоди — пообвыкнешься.

Отводил душу на свежем воздухе, на лесной тропе, которая зигзагами круто поднималась на вершину горы, шла ле-

сом, а затем также зигзагами, но более пологими, спускалась к санаторию с противоположной стороны. Потом обратил внимание на котельную, которая дымила в конце спуска, чуть выше санатория. Ну, как не зайти? Зашел, понятно. Ради интереса. А там кочегар Фомич, одногодок Тимофею, тоже фронтовик и бывший комбайнер из Питерского района Заволжья. Наговорились — словно меда напились. Знамо дело, хлебопашцы всегда интерес друг к другу питают.

Словом, Тимофей нашел утешение от скучной санаторной жизни. После прогулки и обеда стал навещать в гости к Фомичу, да и пропадал там почти до ужина. Фомич жил в Саратове второй год и сильно тосковал по деревне. А тут такой собеседник. О чем только ни говорили! И слушали друг друга с большим вниманием и уважением.

Однажды Фомич спросил у Тимофея:

— Егорыч, а почему ты награды не надел? В санаторий все ветераны при орденах приезжают.

Тимофей смутился и уклончиво ответил:

— Да к чему? Чай, не на парад приехал...

Фомич не согласился:

— Зря. При орденах к нам больше внимания. Не надо каждому объяснять, что ты ветеран войны. По наградам и так видно.

Тимофей невесело улыбнулся и неожиданно для себя признался:

— Да нет у меня никаких наград, Фомич...

— Как нет? — удивился тот. — Сам же рассказывал, что два раза представляли к наградам.

— Представляли... Но, видать, плен всё перевесил... Да Бог с ними, этими наградами. Не всем же при орденах ходить, — нарочито весело закончил Тимофей.

— Опять зря говоришь, — не согласился Фомич, — заслужил, значит, должен получить награды. Пиши в Министерство обороны, расскажи всё, как было. Не может быть, чтобы потеряли документы. И плен здесь ни при чем. Сам, что ли, ты побежал сдаваться? Воевал? Воевал. Должен получить награды.

— Да хотел я написать... А раздумался — не стал. Кому до меня там? А если и найдут бумаги, то прочитают, что я в плену был. И выбросят мою писульку к чертовой бабушке. А то, чего доброго, на себя еще лихо накликаешь...

На том разговор и закончили. Но мысль написать, куда надо, все же засела в голове у Тимофея.

Однажды Фомич встретил Тимофея расстроенным. В родной деревне тяжело заболел младший брат, а Фомич не может к нему выехать, поскольку третий кочегар отбыл на два дня в Москву, и подменить Фомича было некому.

— Давай я тебе подмогу, — предложил Тимофей.

— А как ты подможешь? — удивился Фомич. — Дежурить, что ли, за меня станешь?

— И подежурю. Чего здесь сложного?

— Да я не про это. Ты же в санатории... Кабы конфуз не случился. Нагорит нам обоим.

— Не нагорит, — убежденно сказал Тимофей. — Я позавчера ни на какие процедуры не ходил. И думаешь, кто спохватился? Так что езжай спокойно. За сутки здесь ничего не случится. Брат есть брат. А то будешь потом себя корить.

На следующий день, рано утром, Тимофей заступил на смену и спокойно, даже с удовольствием стал выполнять работу. Она была знакомая, поскольку Тимофей одно время кочегарил в котельной мастерской и даже имел соответствующий допуск.

Но в то же утро на планерке у главврача выяснилось, что ветеран войны Тимофей Егорович Краснов целый день не ходил на процедуры и лечащий врач не может его найти. И всё закрутилось. Напрасно у Тимофея сложилось мнение, что в санатории нет никому дела, лечится он или нет. Как на грех, товарищ по палате, которому Тимофей сказал, что сутки его не будет, отпросился домой и, понятно, не мог объяснить ситуацию и успокоить врачей. К тому же Фомич не успел за сутки и вернулся к вечеру второго дня. Вот сырбор и разгорелся. Не приедь вовремя председатель Видинеев на поиски кузнеца, скандал закончился бы плохо. Пожалуй, Тимофея выписали бы из санатория за нарушение режима, а Фомича и вовсе могли уволить с работы. И только старший милицейского наряда седой капитан остался доволен:

— Хорошо, что живого нашли, а не труп.

После серьезного внушения главного врача и председателя колхоза Тимофей стал примерным пациентом и в оставшиеся две недели не пропустил ни одной процедуры. Санаторий пошел на пользу: меньше болела голова, он не стал задыхаться при быстрой ходьбе.

— Какой же ты, Тимоня, стал свеженький, розовенький, — радостно встретила Груня мужа. — А брыкался, ехать не хотел.

Председатель колхоза ту историю не вспоминал и ни разу не укорил Тимофея. Один Бугров при встрече ухмыльнулся и съехидничал:

— Тебя, Тимоха, куда ни посылай — хоть на войну, хоть в санаторий — всё одно без вести пропадешь.

Тимофей молча проглотил насмешку.

3

Был конец августа. Природа нежилась под лучами еще горячего солнца. Задумчивая тишина и торжественное спокойствие, царившее повсюду в лесах и полях, с грустью напоминали о том, что погожие деньки сочтены и жди ненастья.

Ранним утром, когда солнышко уже всю сияло в зелени деревьев и на глади пруда, а в низинах стоял голубой туман, Тимофей уехал на молоковозе в Петровск. Редко он там бывал. Только по крайней нужде. Нынче в самый раз такая и появилась.

Лопнула резина на колесе от люльки мотоцикла. В самый неподходящий момент. Со дня на день пора картошку копать и свозить с поля в погреб, а здесь такая незадача. Без мотоцикла как без рук. Обегал всё село — нет ни у кого лишней резины, даже плохонькой. Иван Седов посоветовал съездить в Петровск. По слухам, там в культмаг привозили недавно резину для «Урала». Может, не всю расхватали.

Уговорившись с шофером молоковоза, что тот заберет его обратно с вечерним рейсом, Тимофей пешком дошел до центра города, где находился культмаг. До открытия магазина оставалось около часа, и Тимофей отправился коротать время в расположенный рядом небольшой парк, огороженный чугунным забором. В центре его находилась братская могила красноармейцев, погибших в гражданскую войну в лощине под Петровском. Над могилой стоит памятник «Борцам за Советскую власть». По рассказам Груни, здесь лежит ее отец. Тимофей долго стоял у памятника с непокрытой головой. Потом сел на скамеечку и стал с интересом разглядывать ухоженные и, несмотря на ранний час, уже политые клумбы ярких осенних цветов.

К расстройству Тимофея, в положенный час культмаг не открыли. На стеклянной двери висело объявление: «Магазин закрыт на учет». Вот те на! За сорок верст добирался, чтобы уехать несолоно хлебавши? Постучался осторожно. Через стекло видел, как ходят девицы в магазине, но на него — нулём. Осерчал Тимофей и молотнул по двери кулаком. Открыли... Но объяснили, что во время учета торговать нельзя, хотя два колеса для «Урала» в наличии есть. Посоветовали дождаться директора магазина. Может, она разрешит под свою ответственность.

Директор появилась только после обеда. Миловидная женщина с густыми русыми волосами оказалась человеком общительным и уважительным. Она внимательно выслушала просьбу и доводы Тимофея, мягко улыбнулась и сказала: «Не волнуйтесь. Конечно, поможем вам. Заходите».

Через несколько минут вспотевший, но счастливый Тимофей вышел из магазина с колесом резины на каждом плече. Вообще-то он поначалу хотел купить одно колесо, но передумал и взял оба оставшиеся. Запас не помешает. Хорошо, что деньжонок впрок прихватил. По пути зашел в заводскую столовую, с удовольствием пообедал в небольшом чистом зале. Про себя отметил, что молоденькие поварахи в белоснежных халатах и высоких колпаках варят совсем даже неплохо. Правда, щи жидковатые и не такие наваристые, как на полевом стане в бригаде. Видимо, мяса не хватает.

На молокозаводе Тимофей выбрал укромное место рядом с эстакадой, на которую выгружали фляги с молоком, положил друг на друга колеса, накрыл их пиджаком и сел, как в мягкое кресло. До начала вечерней приемки молока было еще далеко, и Тимофей задремал.

Солнце село, влажная прохлада вывела Тимофея из дремы. Он встал, надел пиджак и, довольный покупкой, стукнул кулаком по упругой резине. Двор молокозавода стал потихоньку оживать. Одна за другой подходили машины с молоком. Премели фляги. Лаборантки проверяли молоко на жирность и кислотность, а потом его скачивали в заводские емкости — танки — для дальнейшей переработки.

Тимофей с интересом наблюдал, как шофер новенького голубого цвета «газика» легко и сноровисто управлялся с тяжелыми флягами. Был он уже в годах, пожалуй, одного с Тимофеем возраста. Синий комбинезон ладно сидел на его плотной квадратной фигуре. Кирзовые сапоги были смазаны гуталином, а на массивной голове красовалась фуражка с лакированным козырьком, из-под которой топорщились короткие седые волосы. Похоже, мужик следил за собой и знал себе цену. Играючи подхватил с эстакады одной рукой молоденькую лаборантку, гыгыкнул, довольный, опустил на землю и слегка шлепнул ее по мягкому месту. И вразвалочку пошел в контору оформлять документы. Тимофей усмехнулся выходке шофера и как-то вскользь подумал, что где-то видел этого мужика. Ишь, хряк какой. Седой весь, а с девками заигрывает.

— Тимофей, здорово, — окликнул его шофер из только что подъехавшей машины.

Это был старый знакомый Тимофея из совхоза «Тракторный» Николай Соловьев. Их вместе призывали на фронт в

1942-м. Запомнили тогда друг друга, а снова увиделись в 1948-м. С той поры изредка встречались в районном центре.

Николай был человеком прямым, добродушным и словоохотливым. Встрече с Тимофеем обрадовался и тут же выложил все семейные новости. А семья у Соловьева была большая — трое сыновей и две дочери. Не без гордости он сообщил, что старшего сына избрали председателем сельсовета, средний работает главным агрономом в Татищевском районе, старшая дочь — завучем в саратовской школе. Не забыл похвалить и зятя: «У-у-у, голова! Заместитель генерального директора на заводе».

Во время разговора подошел кряжистый шофер с синего молоковоза. Как со старым знакомым, поздоровался с Соловьевым, а заодно протянул руку Тимофею. Надо сказать, что рукопожатие кузнеца всегда было крепким, но здесь Тимофей почувствовал большую силу — шофер сдавил его ладонь, словно тисками. Когда близко увидел его лицо с глубоко посаженными рысьими глазами, широким приплюснутым носом и тяжелым квадратным подбородком, у него снова шевельнулась мысль, что где-то давным-давно он видел этого мужика. Тимофей в догадки играть не привык, так сразу и спросил у него:

— Кажись, встречал я тебя раньше, а вот где и когда — запомнил. Ты, часом, подо Ржевом не воевал?

На секунду рысьи глаза изучающе впелись в лицо Тимофея. Даже спустя десятилетия по его скорбному, аскетичному выражению можно было безошибочно определить, что перед тобой бывший узник. В какой-то миг Тимофею показалось, что мужик вздрогнул, но ответил на вопрос спокойно:

— Нет, под Ржевом не был. На Украине воевал. Хотя хрен редьки не слаще. Досталось всего... Ну, мужики, мне пора.

И опять Тимофею показалось, что шофер излишне торопливо сел в машину и быстро уехал.

— Откуда он? — спросил Тимофей Соловьева.

— С Конёвки, — пояснил тот. — Но не местный. Лет пять назад приехал, сошелся с одной женщиной и живет у нее. Шофер хороший. Видишь, новую машину дали. А ты чего им интересуешься?

— Да говорю же: видел его где-то, лицо знакомое...

— Обознался, наверное, — заключил Соловьев, но потом хохотнул и добавил: — Хотя такую морду не больно сыщешь. Не приведи Бог встретить на узкой дорожке. Да чёрт с ней, его мордой, ты мне скажи, как сын твой живет?

Тимофей заулыбался. Приятно было рассказывать о Мишке. Окончил институт, работает главным инженером в колхозе Романовского района. В отца пошел, хороший специалист по технике. Зовет их с матерью к себе жить. Колхоз построил Мишке большой каменный дом — всем места хватит. Двое внуков растут. Гостевали у сына прошлым летом. Понравилось. Комнату ему с Груней отдельную выделили. Все условия есть. Живи — не хочу. Только через неделю тосковать по дому стали. И засобирались назад. В гостях хорошо, а дома лучше.

Соловьев одобрительно закивал головой и заключил:

— Совершенно верно сделали. Я так скажу, Тимофей: старое дерево не пересаживают — засохнет. В родных стенах всё лучше: ни тебе никто не помешает, ни ты никому. Это уж когда до края дойдем, тогда пусть делают по своему разумению. А пока на ногах, в своем гнезде век коротать надо.

Тимофей поинтересовался, почему Соловьев ездит на допотопном «газике». Неужто в совхозе не нашлось для старого шофера машины получше? На что Соловьев ответил:

— Сколько раз предлагали новую — отказываюсь. А эту куда? Кому она нужна? Спишут, снимут что получше, и в утиль. А мне она родная. Почти четверть века назад новенькой ее получил... Вот и думаю: пусть буду у нее первым и последним хозяином. Вместе на пенсию пойдем.

4

...Домой, в Озёрки, возвращались уже при свете фар. Тимофей не согласился забросить новую резину в кузов, как предлагал шофер, а пристроил ее в кабине и успокоился. Так-то оно сохраннее. Он был в добром расположении духа. Поездка в Петровск удалась. Резину купил с запасом. Теперь лет пять можно ездить и горя не знать. Понравилось ему, как обошлась с ним директор магазина — с виду барыня барыней, а услужливая, с пониманием. Не как некоторые: всё с рывка да с пырка.

Тимофей тепло улыбался, вспоминая встречу с Николаем Соловьевым. Как был в 42-м худой, высокий, с кустистыми белыми бровями, общительный и разговорчивый, таким и остался. Только брови стали седыми. Был он постарше Тимофея и уже в то время имел троих детей. Из-за них отстал от воинского эшелона и чуть не попал под трибунал как дезертир. А в то время с такими долго не разговаривали: хлоп и всё тут. Война...

Почему отстал? Да понадеялся на дежурного по станции Жерновка, который сказал, что эшелон отправится в Аткарск

лишь к обеду следующего дня. И в ночь ушел в поселок Тракторный, чтобы накоротке повидаться с семьей и утром возвратиться обратно. Скорый был Соловьев на ногу, обернулся, как и задумал. Только эшелона на станции уже не было, ушел в предрассветные часы. Не раздумывая долго, бросился догонять его по шпалам, и к обеду заявился в военную комендатуру станции Аткарск с просьбой отыскать эшелон.

Вместо помощи его посадили в камеру. Через час допросили, объявили дезертиром и сказали, что будут судить военным трибуналом. Весь багровый от негодования, Николай вскочил со стула и горячо заговорил:

— Я не дезертир! Я коммунист! Вот мой партийный билет. Посылайте меня на самый горячий фронт — ни капли не стужуюсь, буду бить фашистов. Я не обманываю. Детишек хотел повидать...

Поверили. Коммунистам вера была. И в комендатуре, видать, на его счастье, люди не без сердца оказались. Позвонили куда-то, выписали бумажку и посадили уже в другой воинский эшелон, который через два часа ушел на фронт.

Тимофей перебирал в памяти события минувшего дня и думал, как расскажет о них Груне, как будет она с большим интересом слушать его, выпрашивать подробности, удивляться, как Тимоня сумел купить колеса в закрытом магазине, и теперь не надо ходить ни к кому на поклон, чтобы свезти картошку и тыкву с огорода. Конечно, расскажет о Николае Соловьеве, который очень по нутру ему, Тимофею, за простодушный расейский характер, за то, что любит свою семью, что предан своей старенькой машине и считает ее почти живой.

Несколько раз, вспоминая встречу с Николаем, Тимофей задумывался. Не выходил из головы коневский шофер. Где же он видел этого мужика? В Петровске? Нет. В Саратове? Нет. А больше Тимофей нигде не бывал. Вот чертовщина, привязался ко мне этот хряк, думал Тимофей. Главное, затревожились мы оба, когда посмотрели друг на друга. У меня что-то екнуло в груди, и вздрогнул он, рыскнул глазами в сторону. С чего бы, а?

Картошку выкопали в самый раз, засухо. Свезли на мотоцикле домой, спустили в погреб и довольные, просветленные сели ужинать. Хорошая сухая картошка в погребе — это всегда радость для сельского человека. Чего бы там ни болтали по радио, что жизнь скоро будет совсем сытая и богатая, а со своей картошечкой надежнее и спокойнее. Жизнь приучила его на Бога уповать, а рассчитывать только на свои силы.

Управились с огородом вовремя, потому как к вечеру подул сильный ветер и небо сплошь затянуло дождевыми облаками. А в ночь разразилась гроза. Одна за другой вспыхивали ослепительные молнии и раздирали черное небо до самой земли. Почти непрерывно дубасил гром, его осколки с треском разлетались по округе, задевая крыши домов, верхушки деревьев и стихали далеко за селом. Потом хлынул ливень, он шел, не переставая, почти до самого утра.

Тимофей спал плохо. То и дело ворочался с боку на бок и мешал спать Груне. Сильно болела голова. Потому на рассвете он тихонько встал, надел галоши на босу ногу, вышел во двор. Окунул голову в бочку с холодной ливневой водой, набежавшей с крыши, и держал ее до тех пор, пока хватило воздуха. Умылся, с удовольствием фыркая, растер ладонями лицо, уши, голову и, не вытираясь, сел на ступеньку крыльца.

Над селом стоял густой синевато-белесый туман. Он был настолько плотным, что поднявшееся солнышко не могло осилить его и походило на мутноватое оранжее пятно. Напоенные и омытые ливнем отяжелевшие трава и листья деревьев словно застыли. Но вот солнце поднялось выше, прошило туман тысячами золотых лучей и заиграло в стеклах домов и зелени деревьев. Весело заискрилась росная трава.

В голове у Тимофея посвежело и полегчало. Добрыми глазами он смотрел на утреннюю росную свежесть природы и тихонько, по-детски улыбался окружающей красоте. В такие минуты у Тимофея сваливался с души груз прожитых лет. Ему становилось легко и светло. В саду, прямо перед крыльцом, нарушая утреннюю тишину, мягко шлепались на землю перезревшие яблоки. Их ароматный дух стойко держался во влажном, неподвижном воздухе. Тимофей подумал, что надо поднять из погребца и вымыть дубовую бочку, привезти ржаной соломы для мочки антоновки. Самая пора.

Потом в посвежевшей голове Тимофея вдруг четко и ясно возникли события трехдневной давности, когда он ездил в Петровск за резиной. Отчетливо представил шофера, которого где-то видел, но так и не смог узнать. Улыбнулся простодушию и откровенности товарища по военному времени Николая Соловьева. Неожиданно прозвучали в ушах его слова по поводу давнего знакомства Тимофея с шофером молоковоза из Конёвки: «Обознался, наверное... Хотя такую морду больно не сыщешь». Эти слова, как на заезженной пластинке, повторялись и раз, и два, и три, пока Тимофей каким-то неизвестным ему чутьем не отбросил их, оставив только одно: «Морда». От напряжения памяти застучало в висках. Он спустился с крыльца, подошел к бочке и снова окунул

голову в холодную ливневую воду. И снова держал ее в приятной, облегчающей прохладе, пока хватило воздуха: «Уф-ф-ф!»

Тимофей опять сел на крыльцо, с удивлением рассматривая свои пальцы, совершенно побелевшие от холодной воды. А в ушах медленно, с перерывом продолжало звучать: «Морда... Морда... Морда...» Память погружала Тимофея всё глубже в прошлое. Вдруг его словно током ударило: «Морда! Так это же охранник из лагеря пленных! Он! Точно он!» В ожившей памяти Тимофей, как наяву, сличил шофера молокозавода с русским охранником лагеря, который без предупреждения стрелял навскидку в голодных, изможденных пленных красноармейцев. То же лицо, та же фигура, та же уверенная походка вразвалочку. Поседел, правда, располнел... Точно он. Я не обознался, думал Тимофей. Прав Соловьев: такую морду не больно сыщешь. И ни с какой не перепутаешь. От, сволочь, где спрятался. Погодь, погодь — я тебе всё припомню... То-то ты дёрнулся, когда я сказал, что видел тебя где-то. Погодь, не так задержась у меня...

5

Весь день Тимофей работал молча, в тяжелой задумчивости. А к вечеру поднялся по железной лестнице в комнату, где располагался заведующий мастерской, проходили собрания и планерки, помялся немного и попросил у заведующего отпустить его на завтра для поездки в Петровск. Зав мастерской поворчал немного, но согласие дал. Уж больно желтым с лица и рассеянным показался ему кузнец. Похоже, подумал, опять мужика контузия мучает. И отпустил, не расспрашивая, зачем Тимофею срочно потребовалось выехать в Петровск.

Тимофей медленно, держась за отполированные до стального блеска перила, спустился в мастерскую, зашел в кузницу и плотно закрыл за собой дверь. Подошел к верстаку с инструментами, взял увесистый молоток на крепком, почерневшем от масла и угольной пыли черенке, прикинул его коротким взмахом и сунул за пояс под спецовку.

Дома, к удивлению Груни, попросил достать из подпола бутылку с самогонем, налил полстакана, одним духом выпил его и стал усердно орудовать ложкой. Поужинав, засобирался спать. Груня вопросительно посмотрела на мужа: так раненько он не укладывался. Тимофей поймал ее взгляд и пояснил:

— Завтра буди пораньше. В Петровск еду.. За углем посылают... А то в кузнице ведра два осталось. На день работы не хватит... К обеду обернусь...

Груня присела на край кровати, провела теплой ладонью по лбу мужа, стараясь разгладить глубокие морщины, и осторожно спросила:

— Тимонь, аль стряслось что? Не в себе ты какой-то... Ни с того ни с сего вино пьешь... А?

Тимофей с трудом растянул в улыбке бесцветные губы и успокоил жену:

— Знобит... Видать, на картошке продуло маненько. Вот и полечился... Ничего. К утру как рукой снимет.

Разное передумал Тимофей, пока не взялся за молоток. Прикидывал, что делать и к кому обратиться со своей вестью. И всё отметал, потому как выходило, что всё будет очень длинно и ненадежно. Сколько лет прошло! Доказать надо. А пока дознание проводить будут, сбежит Морда. Вон он какой чуткий: не успел я сказать, что видал его где-то — он уже насторожился, как волк, и уехал. Сбежит, как пить дать, сбежит. Или выкрутится. Чай, документы у него все в порядке. А мне, бывшему пленнику, веры может и не быть. Или спишут всё на мою контузию...

Метался душой Тимофей, не знал, как поступить.

А память постоянно высвечивала из прошлого, как подбежавший к колючей проволоке Морда с пятнадцати шагов хладнокровно бьет из винтовки по дерущимся из-за свеклы голодным красноармейцам, как отхлынула толпа, а на бурту остались неподвижно лежать трое, а еще трое, обливаясь кровью, звали на помощь. Тимофей сжимал кулаки. От напряжения болела голова, ломило плечи. И, протерзавшись весь день, Тимофей решил, как всегда, раз и бесповоротно: за расстрелянных ребят поквитаться с Мордой самолично. Как и в плену, когда он безо всякого сомнения убил камнем провокатора. Конечно, время нынче другое, но у меня, убеждал себя Тимофей, свой счет и своя правда.

С тем и уехал ранним утром с молоковозом в Петровск.

Опоздай Тимофей на пять минут, не застал бы он Морду. Тот уже слил молоко, погрузил в кузов пустые фляги, оформил документы и обходил машину, крепко стучая сапогом в колеса. Увидев приближающегося Тимофея с перекошенным от напряжения желтым лицом, торопливо открыл дверцу кабины, собираясь сесть за руль. Но Тимофей ускорил шаг, почти бегом подбежал к машине и схватил шофера за спеццовку. Тот повернулся. Несколько мгновений они молча смотрели друг другу в глаза.

— Ты чего, земляк? — хрипло спросил шофер.

Тимофей заскрежетал зубами, с трудом разжал белые, без единой кровинки губы и, не спуская с шофера темного взгляда, ответил на вопрос вопросом:

— Помнишь, Морда, как наших пленных в лагере стрелял? Узнал я тебя, Морда, сволочь поганая!

Лицо шофера в мгновение побелело. На мясистом лбу под жесткой щетиной коротких седых волос выступили крупные капли пота. Он попытался что-то сказать, но из груди с хрипом вышел только воздух. Тяжелая челюсть задрожала, глаза забегали.

Последние сомнения оставили Тимофея — перед ним стоял и дрожал, как осиновый лист, немецкий охранник из лагеря, Морда, застреливший у него на глазах семь красноармейцев. Тимофей отступил на шаг и стремительно взмахнул тяжеленным молотком. И лежать бы Морде на земле с раздробленным черепом, да, видать, предательская жизнь научила всегда быть настороже. Увернулся. Однако угол молотка разорвал щеку и задел нижнюю челюсть. Хлынула кровь. Тимофей снова занес молоток, но опустить его на голову предателя не успел. Коротким ударом ногой в живот Морда отбросил его, свалил наземь и, пока Тимофей вставал, вскочил в кабину, захлопнул дверцу и включил зажигание. Стартер изо всех сил, не прерываясь, крутил коленвал, но машина не заводилась. Остервеневший от ненависти и приступа злобы, Тимофей разбил молотком стекло, за которым сидел окровавленный Морда и в ярости стал крушить фары, капот и дверцы кабины. Со всех сторон сбегались шоферы, работники завода, охрана. Тимофея схватили, отняли молоток и повели к проходной, чтобы по телефону вызвать милицию. В это время машина Морды наконец завелась, и он с места ударил по газам, чуть не сбив проходившую лаборантку. Было видно, как, подпрыгивая на неровной дороге, разбрызгивая по сторонам жидкую черную грязь, машина стремглав понеслась из города.

Вокруг Тимофея собрались почти все, кто был на заводе. Пытались у него выяснить, что случилось. Но Тимофей молчал. Он уже отошел немного, понял, что без милиции теперь не обойтись, и с нетерпением ждал ее. Молодой шофер, с которым он приехал из Озерок, спросил:

— Дядя Тимофей, водички холодной принести?

— Принеси, — оживился Тимофей, — это в самый раз будет.

Из алюминиевого черпака он долго пил ледяную воду, а остатки вылил в картуз, надел его на голову и улыбнулся:

«Хорошо... В самый раз». А колхозный шофер тем временем объяснял кому-то:

— Контуженый он у нас, в голову раненный. Вон на виске до сих пор полоса голая, как пуля чиркнула. А так кузнец он — хоть куда.

Подъехала милицейская машина, и в проходную вошли два молодых упитанных милиционера.

— Ну, где у вас дебошир? Пьяный, что ли?

Когда Тимофея под руки повели к машине, он вдруг остановился и обернулся:

— Эй! Молоток отдайте мне. Из кузницы он, колхозный.

Молоток принесли и отдали милиционеру. Так с оружием «дебоша» привезли Тимофея в районный отдел милиции и посадили в камеру.

6

Не сразу поверили Тимофею в милиции. Молодые сотрудники даже посмеялись над ним: опохмеляться, мол, надо, дед, перебрал вчера — вот тебе предатели и мерещатся. После третьего стука в дверь окошечко в камеру открыл пожилой милицейский старшина. Он внимательно выслушал Тимофея, принял на веру его сбивчивый рассказ и доложил вышестоящему начальству. И повели Тимофея по кабинетам. И в каждом он рассказывал одно и то же: предатель схоронился в Коневке. Когда его завели в просторный кабинет начальника милиции, Тимофей взбунтовался:

— Сколько меня по кабинетам водить будут? Пока вы здесь яйца чешете, сбежит Морда. Ищи-свищи его потом по белу свету.

Но начальник милиции, плотный мужчина в подполковничьих погонах, не стал задавать вопросов, ему уже всё доложили. Он поднял трубку телефона, нажал на какую-то клавишу и сказал:

— Александр Иванович, зайди, пожалуйста. Здесь у нас дело по твоей части.

Через несколько минут в кабинет вошел седой мужчина в аккуратном штатском костюме. У него были удивительно внимательные синие глаза и негромкий, спокойный голос. Он как-то сразу расположил Тимофея к себе, успокоил и попросил рассказать всё подробно. Тимофей повторил свой рассказ, но более спокойно и обстоятельно, а в конце снова высказал опасение, что предатель может скрыться. Мужчина в штатском согласно кивнул головой и позвонил по телефону:

— Николай Романыч, машину к подъезду. И сам собирайся. Возьми оружие. Едем в Коневку на опознание военного преступника.

Через несколько минут «уазик» уполномоченного областного управления комитета госбезопасности по Петровскому району на высокой скорости мчался по грейдеру в сторону Кожевина. В кабине сидели сам уполномоченный КГБ Александр Иванович Леонтьев, его заместитель Николай Романович Машков, два молодых милицейских лейтенанта, вооруженные короткоствольными автоматами. И Тимофей Краснов — единственный свидетель, знающий предателя в лицо. С ходу проскочили мост через Медведицу у Кожевина и повернули направо, в сторону Коневки. Вскоре показалась и сама деревушка. Домов пятнадцать-двадцать расположились почти на самом берегу реки, у соснового бора.

Тимофей еще до подъезда увидел голубой «газик» у дома, стоящего на отшибе, особняком, почти в сосновом бору, и указал на него. Седой человек в штатском вынул пистолет, передернул затвор и сунул оружие куда-то под мышку. То же проделал и его помощник. Изготовились и два милицейских офицера. Лица у всех были серьезны и сосредоточены. Тимофей понял, что Морда вполне может оказать вооруженное сопротивление, а потому, когда остановились у открытой настежь калитки, выскочил идти первым. Но седой мужчина строго приказал:

— Сидите в машине. Позовем, когда нужно будет.

Дом окружили со всех сторон так, что пути возможного бегства в лес или в пойму Медведицы, заросшую непролазным тальником, были отрезаны. Убедившись, что все заняли свои места, седой человек вошел в дом. В голове у Тимофея от напряжения словно натянутые провода загудели. Он ждал выстрелов. И сильно вздрогнул, когда хлопнула входная дверь дома, и на крыльце с пистолетом в руках появился седой мужчина. Он осмотрел двор и пружинистым шагом пошел к открытой двери добротного бревенчатого сарая. Став за косяк, долго прислушивался, что происходит внутри. Потом резко встал в дверной проем и одновременно выбросил вперед руку с пистолетом. Постоял так немного, опустил руку и шагнул в сарай. Спустя некоторое время он окликнул своего помощника. А потом позвали и Тимофея.

В просторном сарае было сухо и пахло сеном. Посередине на толстой пеньковой веревке висел Морда. Лицо его посинело от удушья, язык вывалился, глаза вылезли из орбит и жутко смотрели в разные стороны.

— Он? — спросил Тимофея седой мужчина.

— Он, — подтвердил Тимофей и плюнул висевшему под ноги.

Пока собирали понятих, пришла с работы сожительница Морды — полная крутобедрая женщина лет пятидесяти. Она

не больно затушеввалась по поводу случившегося, только охнула и сказала:

— Страх-то какой, Господи!

А потом показала, где сожитель прятал сумку с наганом и бумагами с фотографиями.

— Этот? — седой мужчина развернул тряпицу и показал женщине немецкий пистолет «вальтер».

— Да, да, — торопливо ответила женщина, пугливо озираясь на висевшего Морду. — У него там один заряд всего. Прозил, что если проболтаюсь, в затылок мне стрельнет.

— Отсырел тот заряд, — показывая желтый патрон, сказал начальник. — Весь капсюль расшлепал, а в себя так и не смог выстрелить. За веревку взялся...

— Чего же ты молчала? — с негодованием спросил женщину Тимофей.

— Говорю же — боялась! Ослушайся такого... Он сам хвалился, что на войне большим человеком был, люди перед ним на коленях ползали и кровавыми слезами умывались, просили не убивать... Вы посмотрите фотографии, которые в сумке, он там в немецкой форме.

Разложив на полу с десяток фотографий, начальник подождал Тимофея и спросил:

— Где он?

На всех фотографиях были запечатлены немецкие солдаты. С одной из них гордо и самодовольно смотрел улыбающийся Морда. Именно такой, каким запечатлела его память Тимофея осенью сорок второго года, когда тот охранял лагерь и стрелял в военнопленных. Тимофей уверенно ткнул пальцем в фотографию.

7

А по селу пошел слух: натворил что-то Тимофей Краснов в Петровске, ударил ни за что ни про что человека молотком. В милицию попал, допрос снимали. Чем дело кончится — неизвестно. Но добра ждать нечего, потому как таскают Тимофея в милицию чуть ли не каждую неделю. Зазря таскать не станут.

Слухи подраздул давний ненавистник Тимофея Бугров. Толком ничего не зная, но уловив кой-какую информацию, по-своему запустил ее среди сельчан. Мол, встретились два дружка-предателя, чего-то не поделили между собой, а наш, известное дело, контуженый, сразу за молоток. Пожалуй, судить будут.

Тимофей избегал разговоров и не мог ничего объяснить, поскольку ему строго посоветовали в Петровске до поры до

времени держать язык за зубами. Он и держал. Только Груне под большим секретом доверился — не мог смотреть, как она переживает за него. Шутка ли — деревенская молва мужа под суд отдает. Вот и раскрылся перед ней, снял тревогу.

Дотошно выспрашивали у Тимофея в отделении госбезопасности все подробности поведения Морды, расстрелов красноармейцев и вообще о жизни в плену. Сам удивился тому, сколько еще осталось в его памяти от тех времен. О боях, в которых участвовал, тоже рассказал, о том, что был представлен к наградам, но так ни одной и не получил. Александр Иванович Леонтьев живо и сразу заинтересовался личностью капитана, который дважды спасал Тимофея от смерти в начальный период плена. Выспросил все — вплоть до роста, цвета волос и глаз капитана, когда и при каких условиях перешел на сторону немцев. И всё записывал, записывал... Тимофею это показалось подозрительным, и он убежденно сказал:

— Только капитан Коршунов — не предатель. Даю голову на отсечение — не предатель. Иначе к чему спасать меня, приказывать убить провокатора? Он настоящий командир!

Александр Иванович тепло улыбнулся тому, как Тимофей вступился за своего товарища и сказал:

— Да я не сомневаюсь в этом. Скорее всего капитан — человек из наших органов. А вот что просьбу его последнюю не выполнил, не сообщил о нем в особый отдел сразу после плена, плохо. Если просил, значит, ему было очень нужно, чтобы информация о его перемещении была известна нашим.

Тимофей растерянно замолчал и развел руки:

— Когда до своих дошел, уже ни до чего было. Сам себя не помнил от слабости. Даже письмо домой написал через полтора месяца. Сил никаких в нутрях не осталось. А там в Японию послали. Не такая, конечно, война, как с немцами, а все равно война. И стреляют, и убивают. Не до того было...

— Извини, Тимофей Егорыч, это я к слову. Сейчас легко рассуждать... А в том аду, в котором ты побывал, пожалуй, и мать родную забудешь.

Тимофей неожиданно по-детски улыбнулся:

— Нет. Маманю, женку свою, Груню, сынишку Мишутку всегда помнил. За счет них и держался на белом свете. Иной раз так немисливо было — ложись да помирай. А вспомнишь их — и снова к жизни потянешься. Сам не пойму, откуда сила в моих костях появлялась.

При последней встрече, когда Тимофей поставил под протоколами свою подпись, Леонтьев, как всегда в аккуратном черном костюме и сером галстуке, крепко пожал ему руку и сказал на прощанье.

— Спасибо большое, Тимофей Егорыч, за бдительность. Только благодаря тебе ликвидирован опасный военный преступник. Сильно ты нам помог. И по-человечески, и по долгу службы постарайся сделать для тебя всё возможное, что в моих силах. Спасибо, солдат Краснов!

И подполковник, в таком звании был седой человек с внимательными голубыми глазами, по-мужски обнял Тимофея.

Часть шестая

1

Прошел год, а потом еще полгода после того случая. Стихли слухи и пересуды в селе. Да и сам Тимофей меньше стал вспоминать об этом. Он продолжал работать в кузнице.

Стоял февраль. Было ветрено и морозно. Под красным низким солнцем дымились поземкой заснеженные поля, сплошь изрезанные снегопахами. Колхоз готовился к весне. Полным ходом шел ремонт тракторов. Дошли руки и до прицепной техники: сеялок, культиваторов, борон. По настоянию главного агронома откопали из-под снега старые, много лет отработавшие бороны и снесли в кузницу. Теперь пришел черед Тимофея с Павлухой. Со скрипом они откручивали заржавевшие гайки, снимали затупившиеся зубья борон и совали их в пламя горна. Потом Тимофей ловко выхватывал длинными кузнечными клещами раскаленный добела зуб, клал на наковальню и легко ударял молотком, указывая Павлухе, куда надо бить кувалдой. От первого выверенного удара в стороны веером разлетается красная окалина. Еще несколько точных ударов, и Тимофей, подправив молотком Павлухину работу, бросает еще красный металл остывать в угол, в ящик с песком. Всё в порядке: зуб оттянут добротно, рабочая сторона — хоть хлеб режь. К обеду в ящике скопилось целая горка обновленных, отдающих свежей синевой зубьев.

Когда Тимофей, аккуратно сложив инструмент на стол, собрался идти домой обедать, в кузницу вошел секретарь парткома Ивахновский. Был он не местный и имя имел непривычное — Хосе Мануилович. Уж как попал потомок испанских революционеров в российскую глубинку — сказ отдельный. Но главное можно пояснить: не обошлось без отчаянно красивых глаз местной дивчины. И навсегда застрял испанец среди раздольных русских полей и лесов.

Всего год прошел, как прислали его из района, а народу озерскому по душе пришелся. Живой, общительный, на месте не сидит, во всё вникает. И подход к человеку имеет, ува-

жение. Чтобы грубое слово кому сказать — не случилось такого. А говорить умел так горячо, зажигательно и убедительно, что слушали его с большим вниманием и всегда поддерживали. Кстати, он, пожалуй, первый из руководителей внимательно выслушал Тимофея про его жизнь-житуху. И проникся к нему всем уважением. Тимофеем Егорычем всегда величал. Да...

Присели закурить. Тимофей не признавал папирос с сигаретами и курил только свой самосад. Быстро свернул цигарку, вытащил клещами уголек из горна и прикурил от него. Затянулся так, что конец цигарки вспыхнул. Хосе Мануилович тоже прикурил от уголька сигарету и спросил, участливо смотря на Тимофея живыми карими глазами:

— Не вредно, Тимофей Егорыч? Может, на сигареты или папиросы пора переходить? На-ка попробуй моих.

Тимофей отказался и прокомментировал:

— Преснота, а не табак. Куришь, куришь, а толку нет. Своим-то раза три-четыре затянусь — в голове сразу светло становится.

Поинтересовавшись делами в кузнице, секретарь парткома перешел к делу, ради которого навестил Тимофея. Близился День Красной Армии и Военно-Морского Флота. На совместном заседании правления, парткома и профкома колхоза было принято решение провести торжественное собрание колхозников, подготовить концерт художественной самодеятельности, а потом организовать для бывших воинов-фронтовиков застолье в колхозной столовой. Зная, что кузнец уклоняется от таких мероприятий, председатель колхоза попросил Хосе Мануиловича лично пригласить его на торжество. Так и сказал, посмотрев на Бугрова:

— Нехорошо как-то у нас выходит. Фронтовик, израненный весь, работник золотой, а получается — отодвигаем его в сторону. Не ходит на праздники — значит, есть причина.

Председатель профкома Бугров заерзал на стуле, хотел что-то сказать, но счел благоразумным промолчать. Он знал, что молодой секретарь парткома уважал кузнеца и поддерживал его. А тут позвонили из райкома партии, сказали, чтобы ждали на праздник гостей из Петровска и попросили обеспечить явку на собрание персонально кузнеца Тимофея Егоровича Краснова. Что и к чему — не пояснили. Обеспечьте явку — и всё тут.

— Тимофей Егорыч, на следующей неделе праздник готовим, День Красной Армии отмечать будем. Придешь? — спросил парторг, пытливо поглядывая на Тимофея.

Тимофей пыхнул дымом и отрубил:

— Нет. Я дома отмечу. Как всегда.
— А если я попрошу, Тимофей Егорыч. Неужто откажешь? И дома, конечно, можно отметить, но с народом-то веселее.
— Не всегда... Это кому как... — отвел в сторону глаза Тимофей.
— Тимофей Егорыч, прошу, приходи. Хочу видеть тебя на празднике, — настойчиво убеждал парторг.
— Хорошо, — сказал Тимофей. — Раз сам просишь — приду.
Про гостей из Петровска секретарь парткома ничего не сказал, но посоветовал кузнецу одеться по-праздничному, поскольку посадят его в первом ряду.
— Э, нет! — запротестовал кузнец. — Белую рубаху надену, но сяду на свое место в заднем ряду. Еще чего выдумали! На показ выставлять. И сиди, как истукан. Ни покурить выйти, ни с соседом поговорить. Нет, не сяду!
— Ладно, ладно, — согласился Хосе Мануилович и пошутит: — Садись куда хочешь, хоть в президиум рядом со мной.

2

В назначенный час клуб был заполнен до отказа, люди приносили стулья и усаживались в проходах. Молодежь стояла вдоль стен, в дверях. Артисты, приехавшие из Петровска, настраивали аппаратуру. Шум стоял — хоть уши затыкай. Тимофей сдержал слово. Пришел, как и обещал, в белой рубашке, застегнутой на все пуговицы, черном пиджаке, новых стеганых штанах и черных валенках. Груня настояла, чтобы муж вышел в люди во всем новом. И сама прифорсилась — синий костюм с орденом «Знак Почета» надела, на плечи накинула белый пуховый платок, одеколоном сбрызнулась. Уж рада-то была, что муж отступился от своего правила и согласился пойти на праздник.

Однако сели, как на колхозном собрании, порознь. Он в заднем ряду, с механизаторами, она — с доярками в центре зала. Иван Седов, сидевший рядом с Тимофеем, удивленно сказал:

— Смотри, Тимоха, народу-то сколько собралось. После войны нам столько чести не делали, а теперь, как спохватились. Ишь, начальство из города ждут, артистов привезли... Давно пора.

Возбужденный происходящим, Иван приподнялся, чтобы получше осмотреть зал, потом опустил и сказал:

— Сейчас начнут. Гости приехали. Ты, Тимоха, не уходи после концерта. Давай отметим праздник по-человечески. Там, говорят, в столовой чего только не приготовили для нас. Остаканимся от души...

В это время на сцену вышли и сели за стол президиума председатель колхоза Борис Александрович Видинеев, секретарь парткома Хосе Мануилович Ивахновский, высокий грузный подполковник, военный комиссар района Виктор Сергеевич Гребенников, заведующий отделом пропаганды и агитации райкома Анатолий Григорьевич Шамаев и старый знакомый Тимофея — подполковник Александр Иванович Леонтьев — как всегда, коротко подстриженный, в черном костюме и белой рубашке с серым галстуком.

Первым слово взял Хосе Мануилович Ивахновский. Эмоционально, без бумажки он в течение пятнадцати минут рассказывал о доблестном пути Красной Армии и Флота, на память приводил и сравнивал цифры, называл фамилии воинов-односельчан, отличившихся в боях за Родину. К удивлению Тимофея, была названа и его фамилия. Иван Седов ткнул в бок кулачищем и убедительно сказал:

— Я же говорил... Обязательно остаканимся.

Но главное, чего абсолютно не ждал Тимофей, было впереди. Слово предоставили военному комиссару Гребенникову. Видный мужчина, кадровый офицер, участник Великой Отечественной войны, он умел держать себя на людях, прекрасно владел словом. Вскинув свою маститую седую голову и подождав, когда шум в зале утихнет, он поздравил колхозников с праздником и, сделав паузу, четко и веско произнес:

— Среди вас, товарищи, живет и работает неизвестный герой Великой Отечественной войны, человек трагической судьбы, прошедший все круги военного ада, пропавший без вести и наперекор всему возвратившийся домой.

Военком помедлил и в полнейшей тишине закончил:

— Имя этого сильного духом советского солдата и вашего земляка — Краснов Тимофей Егорович.

Зал молчал. И в тишине раздался женский возглас:

— Батюшки светы! Да это ж мой Тимоня!

Вот тут зал и взорвался аплодисментами и добрым смехом. Растерянного и сконфуженного от неожиданного и непривычного внимания Тимофея пригласили на сцену.

Военком зачитывал приказы и поочередно прикрепил к его пиджаку медали «За отвагу», «За победу над Германией», «За победу над Японией», орден Красной Звезды и орден Славы третьей степени, которым, как сказано в приказе, Тимофей был награжден «посмертно». Зал гудел. Такого ошеломляющего события здесь никогда не было.

Закончив вручение, военком, как пушинку, приподнял Тимофея, прижал к себе и сказал:

— Ликуй, солдат. Пришел твой праздник.

Тимофей хотел было сойти со сцены, но секретарь парткома удержал его и предоставил слово Александру Ивановичу Леонтьеву. Тот попросил тишины и зачитал приказ начальника областного управления государственной безопасности о том, что за активное содействие в ликвидации опасного военного преступника Краснов Тимофей Егорович награждается именными командирскими часами. И надел часы на руку Тимофея.

— Но это еще не все, — продолжил Леонтьев. — Я хочу зачитать короткий ответ из Министерства обороны СССР генерал-майора запаса Службы внешней разведки Алексея Коршунова. Вот его содержание: «На Ваш запрос по поводу обстоятельств пленения рядового Тимофея Краснова осенью 1942 года сообщаю следующее. Рядовой Краснов был пленен на моих глазах. Накануне в бою он получил несколько ранений и почти не мог двигаться.

Несколько раз пытался бежать, но безуспешно. Подтверждаю факт, что по моему приказу рядовой Краснов лично убил немецкого провокатора, сохранив жизни пленным советским командирам и политработникам. Человек сильный и твердый духом, настоящий советский воин. Достоин уважения и почета». Пожимая руку Тимофею, Леонтьев отвел его подальше от микрофона и сказал:

— Я сделал все, что было в моих силах, Тимофей Егорыч. Доброе имя твое восстановлено. Носи, солдат, свои награды и живи долго.

Тимофей снова хотел сойти со сцены, но теперь его остановил председатель колхоза.

— Э-э, Тимофей Егорыч! Давай-ка за трибуну. Скажи свое слово землякам. Твой праздник — это и наш праздник.

Тимофей встал за трибуну, растерянно оглянулся на председателя: о чем, мол, тут говорить, и так всё ясно. Но председатель снова показал на микрофон. Тимофей помолчал, опустив голову, потом погладил награды ладонью, взял пальцами звезду ордена Славы и чужим от волнения голосом сказал:

— Тут вот Славу мне посмертно дали... Это, когда я роту боем прикрывал и ранен был. Значит, вышли из окружения ребята, а меня убитым посчитали. А я живой... — Тимофей широко, по-детски улыбнулся щербатым ртом и неожиданно закончил: — Грунюшке моей спасибо. Она меня с того света домой привела.

Зал неистово аплодировал, когда Тимофей спускался со сцены. И тут произошло то, что должно было произойти, но не здесь, не сейчас, не в день Тимохиного воспарения и сла-

вы. И Витька Бугров, как на грех, не отвел глаза, а затравленно смотрел на Тимофея. И замкнуло что-то в контуженой голове, вскипела огнем ярость в груди. Он шагнул к Бугрову, склонился над ним и, захватив рукой борт пиджака с наградами, тряхнул ими перед испуганными глазами старого друга. С трудом, задыхаясь, выдавил:

— Предатель, да?.. Предатель, да?.. Эх ты, сука!

И Тимофей стал медленно поднимать свой мозолистый, почерневший от металла кулак...

— Тимоня! — звонко крикнула сзади Груня.

В пуховом платке она словно белая голубка подлетела к мужу, оттащила его от Бугрова, развернула к себе, обняла и звонко поцеловала в губы. Зал засмеялся, заплодировал еще сильнее. Кто-то из молодых в шутку скандировал: «Горько! Горько! Горько!»

Да, други мои, огромное это дело — умная баба у мужика. Въехал бы Тимофей кулаком по ненавистной физиономии, вылил бы свою боль и обиду, а праздник и себе, и людям испортил бы. Опять Грунюшка, дай Бог ей здоровья, на выручку пришла, не дала скандалу разразиться. И где только мужики таких умных баб находят? Шибко повезло Тимофею с женой.

...С застолья привели Тимофея товарищи-фронтовики еле тепленького. Шапка набекрень, одно ухо вверх, другое вниз, фуфайка нараспашку. Ухватился за спинку кровати и боится оторваться, чтобы не упасть.

— Господи! Что же ты, миленький мой, надрызгался-то как? А? Кабы пользительно было, а то ведь страдать завтра будешь. Эх, герой ты, мой герой. Больше одного — никуды! — ворчала Груня, раздевая Тимофея.

— Никуды! — мотнул согласно головой Тимофей.

Потом взял жену за руки, притянул к себе и, блаженно улыбаясь, сказал:

— Ка-ак ты меня в клубе... при народе... Э-эх! Целовала...

Не отпуская рук Груни, Тимофей закрыл глаза и, продолжая улыбаться, провалился в глубокий и спокойный сон.

Проснулся Тимофей знаменитым на всё село человеком. Темные слухи ходили про его военное прошлое. А на поверку геройским солдатом оказался Тимофей Краснов. Стали его приглашать на разные встречи и мероприятия, даже в Саратов возили на сбор кавалеров ордена Славы. В школе уроки мужества проводил с ребяташками, рассказывал им, за что получил боевые награды. Словом, воспрянул духом Тимофей, отдохнула и распрямилась его измученная и поковерканная войной душа.

... Тут бы и закончить сказ о Тимохиной судьбе. Пусть и поздно, но образовалась его жизнь по справедливости. Пересидел он невзгоды. Только скажу вам, други мои, хрен с горки дадут русскому мужику порадоваться на белый свет и споконно скоротать старость. Тяжело про это сказывать, а надобно. Куда от правды-то глаза спрячешь? Слушайте дальше.

Придумали в Москве какую-то революцию. Одних правителей выгнали, а другие сами пришли. Года три морочили людям головы о какой-то демократии и свободной жизни, которая вот-вот наступит. До Озерок, понятно, эта счастливая жизнь не сразу дошла. Далеко село от Москвы, где новую жизнь состряпали. А когда дошла — растерялся умом Тимофей. На его глазах нещадно разорили большой и сильный колхоз, без которого Тимофей жизни своей мыслить не мог. С ума можно сойти! — резали дойных коров, чтобы купить запчасти и солярку для тракторов. Вырезали стадо подчистую.

Все надеялись, что опомнятся наверху, помогут крестьянам. Потом поняли: скорее рак на горе свистнет, чем дождутся помощи. И заросли поля сорняками — нечем стало пахать землю. Негде стало работать мужикам. Под шумок воровство пошло.

Растаскивали, что сами создавали долгие годы. И оправдание ведь тому нашли: в Москве, мол, страну растаскивают, а мы чем хуже? Хоть немного поживимся. Что-то свихнулось в башке у мужиков. Не знали, куда идти и как жить дальше, кормить семьи. И охмелело село от пьяного разгула по причине отчаянной и беспросветной неуверенности в завтрашнем дне. Стали хоронить еще молодых и сильных мужиков. Как и в прежние лихие времена, побежали молодые в город за лучшей долей. Правда, там тоже всё раскурочили, но копейку на жизнь всё же можно было заработать. Неуютно и тяжело стало на селе. Почитай, треть домов стоит с заколоченными окнами, а то и вовсе без них.

Каково это Тимофею переживать на старости лет? Сгорбился, с палкой стал ходить, чтоб не упасть ненароком. Да и Груня его сдавать начала, нет-нет, да и схватится за сердце, побледнеет вся. А подправить здоровье негде. Сельскую больницу оптимизировали, по-русски, закрыли, а в Петровск не наездишься на пенсию-то. Живи, как хочешь. Вот тебе и свобода, так ее разедак...

«Осчастливили» Тимоху и других сельчан землей. Им с Груней аж два пая по пятнадцать гектаров выделили. Бумагу дали, что Красновы теперь собственники земли. А что с этой землей делать старикам, которые до магазина-то с трудом

доходят? Но ловкие люди из Саратова, Петровска, а может, и еще откуда, быстренько предложили выход: продайте нам свои пай. Деньги сразу наличными, без обману — по двадцать тысяч за пай. Потом подняли цену до тридцати тысяч. Оформление документов брали на себя. Ключули люди на приманку, продавали свою землю. Кто по нужде, кто от неуверенности: лучше синица в руках, чем журавль в небе, кто, чтобы помочь детям, живущим в городе, кто, чего греха таить, с пьяных глаз бездумно расставался со своей землей.

Как бы там ни было, но в течение года-двух основное богатство колхоза — плодородные земли — оказались проданы за бесценок в чужие руки. И получилось так, что землю-то сельчанам дали, но тут же отняли. И пенять было не на кого. Всё вроде по закону.

Тимофей с Иваном Седовым, еще человек пятнадцать бывших механизаторов продавать пай не стали. Они-то хорошо знали, что даже в средний год гектар давал по пятнадцать-восемнадцать центнеров зерна, а при хорошем урожае и за двадцать центнеров переваливало. Арифметика-то немудреная: две тонны пшеницы с гектара — это по нынешним ценам не меньше десяти тысяч рубликов, а с пая-то и сто пятьдесят тысяч можно взять. Это за один год. А им предлагают за пай в пять раз меньше. Грабилровкой крестьян оказалась новая земельная реформа. Будто заранее всё продумали, как обобрать деревню до нитки и отдать землю новым помещикам. Что, не так, что ли? Присмотрись-ка! В каждом районе насчитаешь с десятков таких помещиков. И все при власти. Кто депутат, кто законник-юрист. А крестьяне у них настоящими батраками стали без всяких прав и защиты.

Особливо подкосил Тимофея случай, когда нагрянули в село молодцы из Саратова на новеньких «КамАЗах» и стали курочить оборудование мастерской, резать автогенном еще годные комбайны и грузить на машины. Обливаясь потом, Тимофей с трудом ходил на дрожащих ногах от одного пришельца к другому и с болью в голове спрашивал:

— Чего же вы натворили, ребятишки? Кто вам такое право дал пригодную технику уничтожать? Где башка-то у вас? Это же вредительство настоящее.

Рабочие, в основном молодые люди, посмеивались над стариком и говорили:

— Наше дело маленькое. Сказал хозяин всё сдать в металл — мы выполняем. Ему виднее, что делать. Металл-то сейчас в цене.

— Какой хозяин? Где его сыскать? Я ему покажу! — кипятился Тимофей.

— Да вот он подъезжает на «Мерседесе», — махнул в сторону дороги один из рабочих, — с ним и поговори.

Из большой, блестящей на солнце черной машины вышел молодой лобастый упитанный мужчина лет тридцати пяти. Это и был хозяин. Тимофей к нему с теми же вопросами. Тот спокойно выслушал его и подтвердил, что режут технику, вытаскивают станки из мастерской по его распоряжению. Всё будет сдано на металлолом.

— А как же люди? Здесь до тридцати наших мужиков работало, — не сдавался Тимофей.

На это, глотнув желтого сока из пластмассовой бутылки, хозяин спокойно ответил:

— Я купил здесь триста гектаров земли и этот машинный двор со всей техникой. Людей я не покупал и за них не отвечаю. Шел бы ты домой, дед. Чего переживаешь? Ты свое давно отработал.

Опираясь на суковатую палку, Тимофей, тяжело передвигая ноги, пошел прочь от мастерской. Как на грех, в это время крановщик подцепил крюком и поднял в воздух тяжелую наковальню, на которой Тимофей мял и правил раскаленное железо добрых два десятка лет.

И Тимофей заплакал. От слабости и бессилия — как когда-то в плену.

Стал Тимофей задумчивым, реже выходил из дома и охотно общался только со своим другом Иваном Седовым. О чем бы речь ни заходила, старики обязательно на чем свет стоит костерили власть, которая завела дурацкие порядки, когда никто ни за что не отвечает, и единодушно вызывались лечь на амбразуру, коли бы знали, откуда так долго и насмерть косят русских мужиков.

Тимофей постоянно смотрел телевизор или слушал радио. Груня, уже седая старушка, почти силой оттаскивала его от экрана или динамика, чтобы заставить поесть.

— Что ты прилип к этому телевизору? Вредно ведь для головы, Тимонь. Поешь, и пойдем лучше ко двору на лавочке посидим.

Тимофей ласково улыбался жене и оправдывался:

— Думал, умное слово услышу... Нет... Все друг на друга... Перепуталось всё. А ладно нет — и хорошего ждать нечего.

Однажды подозвал Груню, усадил рядом и, указав рукой на экран телевизора, убежденно сказал:

— Посмотри на этого злыдня... По фамилии-то вроде грузин, а на самом деле хрен его знает кто. Грузины такие не бывают. Со мной воевал Анзор Миротадзе. Вот это настоящий грузин. А этот злыдень и есть злыдень. Один яд, а не

слова. Всё ему не так. И власть советская плохая, и Сталин преступник, и воевать мы не умели, и ничего хорошего в нашей житухе не было. Только чивой-то ту житуху мы добром вспоминаем... Врёт всё, хотя и умный, кажись. Смотри-ка, смотри-ка! Как кобель на цепи, аж хрипит от ярости. Эх, много же ему в карман сунули, коль обсирает нас с ног до головы!

Груня погладила мужа по плечу и уважительно сказала:

— Какой ты у меня умный, Тимонь... Только не переживай так. Вредно тебе.

— Поумнеешь от такой жизни, — остался доволен похвалой жены Тимофей. — Они там думают, что у нас в головах ветер полощет, а мы кумекаем своим умишком. Я их планиду раскусил теперь. Поначалу денежку отняли. Ну да хрен с ними, этими деньгами — нам много не надо, перекрутимся. Но теперь в душу полезли, хотят память отшибить, чтобы о прежней жизни ничего хорошего не помнили. Мешает она им царствовать. А ну как народ соберется и погонит их в три шеи? А у них богатства наворованы... Боязно с ними без власти, руки жечь будут. Они и Победу, чую, селятся отнять у нас. Вона куды замахнулись... Ну уж дудки! Меня не станет — Мишка помнит мои рассказы, внуки слышали. Потянется ниточка далече-далече.

Обеспокоенная возбужденным состоянием мужа, Груня обняла Тимофея за плечи и ласково сказала:

— Пойдем на лавочку посидим, Тимонь. Вечер уж больно хороший. Дышать так и хочется. А то ненастье пойдет — насидимся еще дома. Пойдем.

Тимофей взял свою суковатую палку и беспрекословно пошел за женой. Груня заметила, что он тяжелее обычного спускался с крыльца, подхватила его под руку и помогла дойти до лавочки, что устроил под окном когда-то Тимофей из толстой дубовой плахи. Близился вечер. Осень начала наводить красоту, осторожно трогая кроны деревьев. Ярко цвели осенние цветы в палисаднике. Пахло опавшими яблоками.

На следующий день Тимофей слёг. Не стал есть. Редко открывал глаза. Груня переполошилась.

— Тимонь, болит чего? Давай я за фельдшером сбегаю? А может, вина глотнешь чуток?

Тимофей отрицательно качнул головой:

— Не тревожь зазря человека... Ничего у меня не болит... Не суетись... Сядь рядышком...

Груня враз стихла, насторожилась, широко открыла глаза, села на койку, взяла сухонькую черную руку мужа, погладила ее и тревожно спросила:

— Тимонь?.. А, Тимонь?.. Ты у меня часом не помирить собрался?

Тимофей кивнул головой.

Груня горько заплакала.

Тимофей открыл глаза, с трудом поднял руку, погладил жену по мокрому от слез лицу и тихо сказал:

— Не плачь, Грунюшка... Пора мне... Земля тянет...

Через несколько дней, под вечер, когда вошла в силу и ослепительно сияла золотая осень, а в пронзительно ноющей желтизне кленов плескалось белое остывающее солнце, Тимофей тихо и незаметно ушел из жизни.

Вот и кончился мой сказ о русском мужике Тимофее Краснове. И больно мне с ним расставаться, други мои. Потому как не чужие мы по душе люди. Крепко замесил Господь кроушкку русскую на правде и справедливости. И не можно нам жить без них, как не мог Тимофей Краснов. Однако печаль закрадывается порой в сердце: ужели страдания и муки Тимофея задаром прошли на земле? И скорбно становится от этого...

Часть седьмая

Медленно-тягуче протащились годы. Беспросветные, ужасные, кровавые. Крепко поубавилась деревня людьми. Да и городишко-то наш районный запустел, затих. Нет тебе ни заводских гудков, ни рёва тепловозов, ни звона кранов на стройках... Про веселье, песни и музыку с танцами — одни воспоминания. Не до песен стало. Помрачнела, безрадостна стала жизнь. Где работать, как семью кормить, у кого искать защиту и справедливость? Хоть головой о стенку — не найдёшь ответа. И надорвалась станова яила. Стал вымирать народ.

Ну, думал, конец пришёл России-матушке. В кромешной тьме доживаем свой век. Так всё порушили, испоганили, замазали грязью, поставили с ног на голову, что даже верховной власти стало зазорно вспоминать про русский народ, русского человека. Это что ж, и русскую землю нельзя величать Русской?

Разные мысли в голову лезли. И всё невесёлые. Но правду говорят, что Бог всё видит. Надоумил он правителей вспомнить о подданных. А может, и пригрозил: «Смотрите, мол, «шутки» с народом плохо кончаются. Он вас вознёс, он и снесёт. Если что — я вас под Божью защиту не возьму. Каждому воздаётся сполна за деяния свои. Не могите и прятаться по заграницам. Кара Божья границ не ведаёт».

Словом, мало-помалу стали мы оживать. Скажу прямо, и сейчас мне далеко не всё по нутру. Чую, много придётся перемочь — перетерпеть и поработать. Но задатки хорошие зрю. Смелее стал народ, разбирается что к чему и готов постоять за себя. Его уже не свернёшь, пустой болтовнёй, посулами да подачками не обманешь. Повзрослел народ.

Особливо радуюсь за близкого мне человека Тимофея Краснова. После поры безвременья зазвонили колокола в честь Великой Победы. И по улицам земли русской хлынула могучая лава Бессмертного полка. Вспыхнули алые стяги и транспаранты: «Слава воинам-победителям», «Мы всё помним!», «Если нужно, повторим!», «Слава труженикам тыла!» Зазвучали песни фронтовых годин: «Вставай, страна огромная...», «А нам нужна всего одна победа, одна на всех — мы за ценой не постоим!», «Бьётся в тесной печурке огонь...», «Хотят ли русские войны...»

И перехватило горло, други мои, жгучие слёзы омыли лицо. Сжалось сердце от неизбывной скорби по погибшим. Но и возвысилась душа гордостью. Смотри, Тимофей Егорыч, как помним и чтим тебя всем миром! Не зря были твои нечеловеческие муки и страдания. Жива Россия-матушка, Тимофей Егорыч! Жива!

А лихое время переживём — переждем, нам бы поскорее справедливость установить. Ведь не успокоится душой народ, покуда в богатящей матушке России малая толика людей купается в злате, а люд простой концы с концами еле сводит, чтобы детишек накормить, обувь да одеть. Не по-русски это. И не от Бога. От дьявола. Но ничего, с Божьей помощью сдюжим и это.

Наш черёд стоять за Россию!

Вот ведь как выходит, други мои. Пора уж новый сказ начинать. Беда пришла к народу нашему. И снова оттуда, как в 41-м, с Запада. Правда, драться с нами напрямую у них кишка тонка. Так они подговорили бандеровцев с Украины, поставили их у власти, дали денег, навезли им всякого оружия и науськали на Россию. По ихней планиде, России и народу русскому не место на Земле. Нас надобно изничтожить, а богатства наши заграбастать. Словом, изготовились воевать нас руками бандеровцев.

Да не тут-то было. Упредило русское войско нападение, ударило по их силе ракетами и танками, обломало ей зубы. Но до полной победы далековато. Мы ведь как воюем? Мирных не трогаем, города и сёла не рушим. Свой же народ! А бандеровцы зверствуют хуже фашистов. Стреляют по городам и сёлам, мирным людям, прячутся за их спины, грабят,

издеваются над ними. А западным правителям это выгодно. У них задумка: измотать нас на Украине, обессилить, сделать послушными и заставить отступить с Донбасса...

Но у так мыслью. Ни хрена у них не выйдет! Тяжело будет, со всех сторон ущемления чинят нам, разную напраслину наводят на русское воинство, уйму оружия потоком везут на Украину аж пятьдесят стран. Оттого и тянутся кровавые дни.

Но — выстоим и победим! Почему? Ещё раз скажу: повзрослел народ, понимает, что к чему. Впервые за несколько десятков лет он сплотился и оказывает русскому воинству на Донбассе всяческую помощь и поддержку. Первый раз после Великой Победы 1945 года святые воины Руси — всех и не перечислишь — пошли на поле брани под Красными Знамёнами Великой Победы. Потомки народа-победителя не уронят воинской славы и доблести дедов и прадедов. Дух Великой Победы, дух ранних великих сражений Святой Руси — он в нашей непокорной и удалой кровушке.

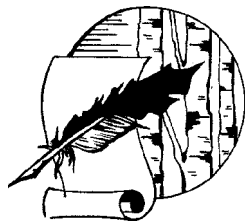
Об чём разговор — трудно придётся всем. Сознаём это. Но в Великую Отечественную стократ тяжелее было, а выстояли и победили. Теперь пришёл суровый черёд стоять насмерть за Русскую землю потомкам Великой Победы. И не сомневайся, Тимофей Егорыч: с Божьей помощью осилим сатану. Народ понимает, что воины земли Русской бьются насмерть за нашу жизнь на сотни лет вперёд. Уж такая, видать, Великая и Жестокая Судьба России-матушки — собственной кровушкой отмывать грехи человечества. Да и свои тоже.

Дайте только время — и в своей стране порядок наведём. Очистимся от предателей и подголосников, другой разной гнуси. Скатертью дорога, пусть едут на свой Запад. А мы построим новую жизнь. Чтобы в огромной матушке-России всякая живая душа каждый Божий день встречала радостно, без обиды на несправедливость, в достатке и вере в добрый завтрашний день. Будем жить и воспитывать детишек так, как завещали нам предки. И никто нам здесь не указ.

А в твоих родных Озёрках, Тимофей Егорыч, май вовсю разгулялся. Сады зацвели, берёзы окутались нежно-зелёной дымкой, тополя сбрасывают тёмно-коричневые серёжки. Запахи — голова кружится. А соловьи по вечерам такое вытворяют, что и сон не идёт — слушал бы и слушал...

Продолжается жизнь. С верой в лучшую долю. А как же иначе? Только так!

г. Саратов

Анатолий АВРУТИН

К 75-летию поэта

ПЛАМЕНЬ И ПЕПЕЛ

* * *

Сын русского слова, внук русской словесности,
Мне русская му́ка — молочная мать...
Зубами скриплю, угасая в безвестности,
Словами давлюсь, не умея смолчать.
Где нету моста, прошагаю по жёрдочке,
Где птицы умолкнут, там я запою...
Словцо нацарапав на треснувшей форточке,
Гвоздём начинаю поэму свою.

По-русски сомненьями тягостно мучиться,
От русской печали хватив «первача».
...И кто там бредёт, будто хворая утица,
Крыло, что сломали, едва волоча?
А кто там поёт, как свирель одинокая,
По-русски тоску вознося в небеса,
То «акая», то умилительно «окая»,
Немного по-скифски прищулив глаза?

А это Отчизною мучиться велено
Тому, кто по-русски поёт о Руси.
И русская музыка, русским навеяна,
Всё стонет, веля — ни о чём не проси!
И я не прошу... Ничего, что попрошено,
Ни счастья не даст, ни спасёт в свой черёд.
В сугроб упаду... И пусть русской порошею
Безвестный мой след навсегда заметёт...

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...

1

Вновь пламень и пепел... Не выйти из сечи,
Где вражий клинок тебе целит в живот.
Но отзвуки русской спасительной речи
Доходят до сердца с загробных высот.

Напрасное время... Тоска и усталость,
И некому нас от беды уберечь.
Почти ничего-то у нас не осталось —
Одна лишь великая русская речь.

По-русски хрипящие, снова и снова
Встают, чтобы с Пушкиным рядом стоять.
И тупятся сабли о русское слово,
И враг по своим начинает стрелять.

Пусть вороны гибель им злобно пророчат!
По-русски умея сносить неуют,
По-русски рыдают, по-русски хохочут,
По-русски победные песни поют...

Потомки опричнины и Пугачёва
Взошли из земли, чтобы в землю и лечь.
Лишь только бы слышалось русское слово!
А дальше?... А дальше хоть голову с плеч...

2

Всем ведомо — в начале было слово,
И лишь потом вселенский гул возник.
Но слово то — всему первооснова:
И замыслу, что дерзок и велик,
И царскому высокому указу,
И записям немого чернеца,
Что начертал единственную фразу,
Не описав сраженья до конца...
В том слове русском, слове исполинском,
Смешалось всё — молитвы горький ком,
Истошный стон на поле Бородинском,
Истошный вой на озере Чудском...
То слово и казнило, и прощало,
С ним лёд под крестonosцами трещал.
И было в слове — Родины начало,
А Родина — начало всех начал.

Вобрало слово первое признание,
Последний гвоздь из смертного креста...
«Не укради!..» — начертано в «Писанье...»
И «Не убий!..» — отвечают уста...
Всё молвлено... И всё вокруг не ново.
Как в чёрный омут канули века.
Но если есть и Родина, и Слово,
То есть и дом... И память... И строка...

* * *

Январский день... Ненастная погода.
Мороза нет, лишь капли по стеклу.
И всё в округе тайно ждёт исхода
Того, что множит сумрачность и мглу.

Твердишь себе: «Случайное — случайно,
Счастливых встреч не больше, чем разлук...»
Погашен свет, но что-то светит тайно...
Беззвучно всё... Но где-то зреет звук...

* * *

Просто день вчерашний
Не успел долететь.
Умирать не страшно,
Страшно — умереть.

Не таков я, видно,
Как смурная рать.
Говорить не стыдно,
Стыдно — промолчать.

Медленная зорька,
Порванная нить...
Разлюбить не горько,
Горько — не любить.

Не страшны ни ветер,
Ни врага укол.
Страшно — не заметят,
Что и ты ушёл...

* * *

Сегодня солнце... Завтра в хмари
Опять утонут дерева.
И белизну с утра нашарит,
Как шапку, бурая трава.

И снова станет спозаранку
В окне темнеть и вечереть.
И ветви злую перебранку
Оденут в мокнущую медь.

А в небе, сумрачном и мгlistом,
Опять закружит вороньё,
И будет ветер гнать со свистом
Листву в пожухлое жнивьё.

Но это завтра... А покуда
Зрачки светлеют от лучей.
И забывается простуда,
И нет иуд и сволочей...

Дыханье чувствуя Господне,
Ты всё бежишь, бежишь вперёд,
Забыв, что кончится сегодня,
И луч в предзимье пропадёт.

* * *

Всей сущности первооснова,
Среди лихолетий и бед,
Гудело набатное слово
И колокол вторил в ответ:

«На битву!.. За правое дело!
Ни сил не жалея, ни жил...»
Набатное слово гудело,
И колокол, колокол бил...

И люди запомнили это —
Превыше всех смертных преград
Набатное слово поэта
И колокол, бьющий набат.

* * *

Мёртвая птица кричит —
Долго, протяжно и немо.
Глупое сердце, молчи! —
Чёрным задёрнуто небо.

Глупое сердце, остынь! —
Юность своё откричала.
Стала багряною синь,
Бывшая белой сначала...

И, подбираясь к виску,
Через поникшие злаки,
Что-то ползёт по песку,
Чуть извиваясь во мраке.

* * *

Не с тобою милая... Пусть болит!
Лишь не стой — закружишься! — на краю.
Всё тебе немилая объяснит —
Про твою слезиночку, про свою...

Как ждала тебя она, не спала,
Не смыкала выпланных очей.
Как от ветра мальчика родила,
И теперь он ветренный... И ничей...

Ты в глаза немилые робко глянь!
Видишь? Тяжко дышится... Через раз...
Если сможешь, душу свою достань
Из бездонных омутов этих глаз.

А не сможешь — вспомни, что где-то там,
Нашептавшись имя твоё в ночи,
Тихо плачет милая по утрам,
И велит немилому: «Помолчи!...»

* * *

Ты помнишь, как тихо стояла у двери,
И запах гортензии шёл от окна,
Собой заглушая всё то, что измерить
Нельзя в эту чёрную полночь без дна.

Ты помнишь — держали беспомощно руки
Такую совсем бесполезную шаль...
Превыше беспамятства, выше разлуки
Казался сосульками сшитый февраль...
Какой-то ненужный звонок телефона:
«Нет-нет, вы ошиблись, здесь нету Марин...»
И голос, что в трубку шепнул полусонно:
«Ну, пусть не Марина... Я тоже один...
Давайте знакомиться... Можно? Приеду?
С собою икры и вина захвачу...»
А ты разрыдалась, не кончив беседу,
И нервно ответила: «Нет, не хочу...»
Ты помнишь, как лампа стыдливо мигала,
Когда он приехал сквозь слякоть и воль...
А утром ты долго трясла одеяло
С балкона, твердя: «Виновата, Господь!»
Ты помнишь?.. Слезинкою полночь огромню,
От памяти больше печаль не тая...
Ты помнишь?.. Но я-то зачем это помню,
Как будто и вправду я память твоя?
И сколько бы ты вытрясать ни старалась
Меня, вместе с пылью, из всех одеял,
Ушёл я не весь... Хоть пылинка осталась...
Ты тихо рыдала, я рядом стоял.
Твоя полутень проступала из мрака.
Ты помнишь?.. Всё слышится мне до сих пор,
Как ты повторяла: «Я злая собака...
Рычу и кусаюсь... Держите забор!»

* * *

Помню, день догорал,
 помню, птицы садились в жнивье.
Помню, губы искал...
 Но не помнится имя твоё.
Помню, плакал старик,
 что его не берут на вокзал.
Помню ранящий крик,
 но не помню, кто это кричал.
Помню, ныло лицо,
 помню свет, прожигающий тьму.
Помню, бросил словцо,
 но не помню, не помню кому.
Помню, гол, как сокол,
 помню, кто-то рыдал у ворот.

Помню, шёл... И пришёл...

Но не помню, где выход, где вход...

Помню трепет ресниц,

помню, думал — она божество.

Помню множество лиц,

но не помню лица своего.

Помню, к Храму свернул,

помню, тихо молился, скорбя.

Помню, Бог мне шепнул:

«Я не помню, не помню тебя...»

* * *

Неторопко бредётся среди неююта,

Мимо чахлых берёз и осин.

Где в душе поселяются мука и смута

С горьким чувством — ты в мире один.

Всё заброшено... Разве что редкая птица,

Тихо высвистев имя твоё,

Над забытой церквушкою чуть покружится

И опять упорхнёт в забытьё.

Да порой на мгновенье пробьётся сквозь тучи,

Снизойдя из далёких высот,

Осторожного солнышка медленный лучик,

Чтоб напомнить: «И это пройдёт...»

г. Минск

Редакция «Молодой гвардии» от всей души поздравляет нашего многолетнего автора Анатолия Аврутина с замечательным 75-летним юбилеем! Глубокий лирический поэт, главный редактор русского журнала «Новая Немига литературная», выходящего в Минске, всесторонний исследователь русской поэзии, Анатолий Аврутин всей своей подвижнической деятельностью заслужил высокое признание как в белорусской, так и в российской литературной жизни. Искренне желаем Анатолию Юрьевичу творческого долголетия, здоровья, успехов в работе и неиссякаемого поэтического вдохновения!

Евгений ЕВТУШЕНКО,
историк, Красноярск

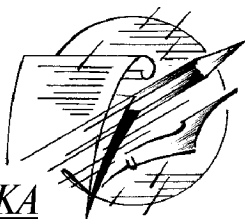
ТУПИК МИРОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Что такое глобализация? Как публично заявленный проект «нового мирового порядка» глобализация — это постепенное устранение всех имеющихся на планете границ: экономических, государственных, культурных, религиозных — и объединение человечества в одно счастливое целое. По плану глобализаторов в этом новом глобальном мире не будет ни войн, ни конфликтов, ни голода, ни прочих неприятностей, потому что везде будет одна экономика, одна власть, одна культура, и даже одна «религия»!

На практике же цель глобалистов — мировое господство. На первом этапе — взятие под контроль финансов, СМИ, ведущих политиков, передовых технологий и пр., затем — сокращение человечества до 1—1,5 млрд. и его последующая унификация, т.е. порабощение «золотым миллионом».

Средства достижения, как мирные — тихий геноцид направленный на снижение рождаемости и увеличение смертности (в том числе при помощи «пандемий» и мероприятий ВОЗ), так и военные — развязывание горячих войн по всему миру.

Глобализация — многоголовая гидра. Такие явления, как мировой терроризм,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

навязывание антикультуры, дебилизация образования, война против христианства, гей-парады и «Гарри Поттер» — это тоже глобализация...

Навязываемая миру тоталитарная идеология глобализма отрицает любую коллективную идентичность: национальную (космополитизм), религиозную (экуменизм), культурную (масскульт), социальную (атомизация людей), семейную (ЛГБТ) и даже в перспективе — человеческую (биороботы). Это большая дубина, которая уже более ста лет бьёт по народам и культурам.

Говоря языком этнологии, глобализация — есть упрощение сложной планетарной системы, состоящей из множества этносов, культур, языков, религий, государств, экономик. В конечном счете — это путь в пропасть, ибо простые системы (не путать с механизмами и организмами) по определению нежизнеспособны!

Но откуда эта чума взялась? Если посмотреть историю болезни, то мы увидим, что продвижению глобализации способствовали накопленные тысячелетиями планетарные факторы: финансово-экономические (банковский процент, капитал), научно-технические (НТР), идеологические (подмена религий «идеологиями» и сектанством), конспирологические (тайные общества) и т.д. Это отдельная, большая тема.

Но если посмотреть на проблему под углом зрения пассионарной теории, то получается, что глобализация напрямую связана:

1) с резкой интенсификацией за последние столетия (со времен Колумба) контактов на суперэтническом уровне и, следовательно, — с образованием новых и активизацией старых этнических химер и антисистем;

2) с урбанизацией, т.е. отрывом больших масс людей от естественного, «кормящего ландшафта» и их переселением в большие города, где могут жить представители разных этносов и цивилизаций (с XIX—XX вв.);

3) с ходом европейского этногенеза — финальными фазами инерции (с XVIII в.) и обскурации (разложения) «ведущего» Западного суперэтноса (с конца XX в.).

Надо подчеркнуть, что завершение формирования финансовых наднациональных структур и их встраивание в тело Западного суперэтноса стало возможным только тогда, когда он вступил в «буржуазную» и расслабленную фазу инерции, которая почти совпала с началом НТР (паровой двигатель). И когда «просветитель» Дидро в конце XVIII в. уже мог бросить освободительный лозунг: «Наша цель — задушить последнего короля!..»

После Первой мировой войны (1914—1918), приведшей к падению четырех крупнейших монархий, эта «прогрессивная» цель была достигнута. Препрады для развития мирового капитала были сняты, правда, с существенной задержкой на сталинскую мобилизацию (1930—1950 гг.). Именно поэтому они так ненавидят Сталина. А к моменту, когда Запад ослаб и вступил в фазу обскурации, и когда последнее препятствие — СССР — рухнуло, финансисты-глобализаторы окончательно сбросили маски и уже открыто заявили о своих претензиях на мировое господство.

Современный этап глобализации — это попытка мировой финансовой олигархии всеми средствами, в том числе военными, укрепить свои, пошатнувшиеся после 90-х, однополярные позиции в мире. Мировая олигархия — это уже безнациональная, химерная генерация «элиты» — смесь интернационального банковского капитала (ротшильды-рокфеллеры) и мутировавшей европейской аристократии, представителем которой, например, являлся челоуеконенавистник принц Филипп (муж королевы Великобритании Елизаветы II).

Эта «генерация» к началу XXI в. заметно дегенерировала, в том числе и физически. А их говорящие головы — соросы-швабы-аттали — стали похожими на живых мертвецов. Кто-то точно назвал этих кашеев глобализма «инопланетянами», что является наглядным примером упрощения «капсистемы» внутри себя.

Однако надо признать, что в XX веке «Фининтерну» удалось достичь серьезных успехов на пути к мировому господству. Кто-то даже заговорил о «конце истории». Но, как оказалось, преждевременно. С начала XXI века мы наблюдаем торможение глобализационных процессов — экстенсивное наступление (капитализма) выдыхается, дальше по-старому развиваться некуда. Тупик.

Очевидно, что в сложившихся условиях у правящего класса, этого Нового Вавилона, не остается другого выхода, кроме как установить свою диктатуру, сначала на Западе, а затем в мире. Но... Но ведь согласно теории этногенеза фаза обскурации рано или поздно заканчивается распадом этнической системы. Следовательно, и глобализация с опорой на военные и человеческие ресурсы Запада тоже обречена на провал...

В такой ситуации мировым олигархам надо: или искать себе базовую опору в какой-то другой цивилизации, что уже невозможно (попытки с Россией и Китаем провалились); или придумывать новый глобальный проект, что так же невозможно, ибо созидать они не умеют. Остается одно — побыстрее начинать Большую войну! Пока еще есть время. Тем более что их заставляют торопиться такие факторы, как нара-

щивание военной мощи Китая, усиление России и активизация трампистов в США.

Война — это самый катастрофичный сценарий, но, с другой стороны, только война может заставить ведущие страны мира, и в первую очередь Россию, мобилизоваться и вырваться из-под «опеки» глобалистов. Тем более что русская история показывает: из всех серьезных кризисов наша страна выходила одним путем — военным. Получается, что Большая война (в своей последней, горячей фазе!) более выгодна нам, чем им. Хотя им, конечно, кажется — наоборот.

В любом случае, пассионарная теория этногенеза говорит нам о том, что время на данном историческом этапе работает против глобалистов, оно работает на Россию. Мы постепенно набираем силу (после надлома), они — теряют.

Если же применить учение Гумилёва об антисистеме к проблеме глобализации, то можно сделать следующий вывод: глобализация — продукт планетарной антисистемы, структурированной в «Фининтерн».

Глобальная антисистема — спрут со множеством щупальцев. «Фининтерн» — это центр (весьма неоднородный, с авангардом из IT-гигантов). Его агенты: антисистемы меньшего масштаба — от масонов, религиозных экуменистов (Ватикан), сектантов и ЛГБТ-сообществ до неонацистов, радикальных исламистов и пр. — разбросаны по всему миру.

Если же посмотреть на проблему глобализации с точки зрения христианской эсхатологии, то здесь всё предельно ясно: глобализация — есть подготовка к приходу антихриста. Глобализаторы — это сатанисты, слуги дьявола... То, что происходит с человечеством уже сегодня, было описано в Откровении Иоанна Богослова две тысячи лет назад. Однако, судя по примитивной идеологии «Фининтерна», это еще не конец земной истории, а лишь первый этап наступления на мир inferнальных сил.

В аспекте эсхатологии последовательность этапов глобализации такая:

1). Банковская глобализация. Вера в деньги и власть. Финансовый капитализм с XVII в. (в настоящее время заканчивается);

2). Зональная глобализация. Переход к регулируемому из нового центра (центров) многополярному миру, поделённому на зоны в результате Большой войны. Вначале откат назад, к традиции. Затем — работа с национальными элитами на местах, с последующим столкновением всех мировых игроков лбами и перехватом политического управления. Вера в «цифровые технологии», «искусственный интеллект». Нарастание экуменизма. Смысл данного этапа: не удалось взять оптом,

будут брать в розницу (в настоящее время начинается).

3). Религиозно-политическая глобализация. Завершение формирования единой «мировой религии» (для всех) и реального мирового правительства. Вера в своего «бога» (для избранных). Приход антихриста (впереди).

Иерархия целей и смыслов глобалистов в этом историческом движении к мировой власти следующая: сначала деньги, затем политическая и интеллектуальная власть и, наконец, реализация религиозной идеи — построение царства антихриста. Таким образом, в финале идейные глобалисты побеждают не идейных («зилоты» — «саддукеев»).

Что именно будет происходить между первым и последним этапом глобализации можно лишь предполагать, здесь возможны варианты. Но начало и конец известны: от мамоны (денег) — к мировому царю. Ненадолго (см. «Апокалипсис»).

Вопрос: чем эти глобальные процессы могут грозить России в обозримом будущем? Ответ очевиден: поскольку старое мировое правительство не состоялось (сейчас — инерция), а новое еще не сформировано, — то впереди передышка. И этой передышкой можно будет воспользоваться для собирания сил и включения Русского мобилизационного проекта. В религиозном понимании — спасительного проекта «Третьего Рима», последнего бастиона христианства на Земле.

В связи с этим поспешим успокоить наших исторических пессимистов и прочих любителей «антиутопий». Не паникуйте! Рано! Конец истории еще не наступил. Почему? Потому, что согласно теории этногенеза многомиллионные пассионарные народы Земли на данном историческом отрезке — сильнее группы мировых заговорщиков.

Разумеется, эти, загнанные в угол «заговорщики», еще достаточно влиятельны, чтобы оказать сопротивление и устроить человечеству какую-нибудь глобальную катастрофу, вплоть до ядерной войны. (Что не будет концом человечества, ибо с нынешним запасом боеголовок — 14 тыс. вместо 60 тыс. в 1991 г. — обмен ударами не приведет к «ядерной зиме».)

Однако стратегически финансовые глобалисты уже проиграли. Ибо ни верить, ни созидать они не умеют. Они верят только в деньги-власть-технологии-окультизм (сатанизм). Это все их козыри, последний — биооружие. Но для полной победы этой веры «в разрушение» недостаточно. На одном отрицании далеко не уедешь, упруешься в стену.

Вспомним слова Льва Гумилёва о слабом месте антисистемщиков: отрицание помогало им побеждать, но не давало победить окончательно.

Владимир МАЛЯГИН,
драматург, прозаик, сценарист

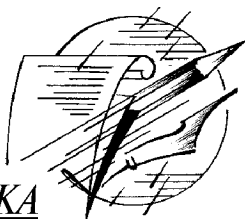
И ВМЕСТЕ НАМ НЕ СОЙТИСЬ

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток,
И вместе им не сойтись...

Редьярд Киплинг

...На самом-то деле смысл «Баллады о Востоке и Западе» Киплинга в том, что два честных, мужественных и прямых человека сквозь разность традиций, вер, менталитетов могут стать не просто друзьями, а братьями. Ну слава Богу, хоть так, хоть в плане личном, индивидуальном, если уж не глобально-расовом и национальном английский поэт (и одновременно шпион Ее Величества, что у них вполне традиционно и почетно) допускает такую возможность — возможность не просто сближения, а даже настоящего человеческого братства. Впрочем, есть у него и другое стихотворение — «Бремя белого человека», а там присутствует несколько иное национальное настроение. Там Киплинг насчет темнокожих рас даже слегка сомневается — люди это или, может быть, настоящие бесы.

Кстати, и смысловая оппозиция эта, Восток—Запад, исторически подразумевала самых разных субъектов. Поэтому сразу уточняю: меня интересует только Россия в ее современном противостоянии с совокупным Западом. Точнее — его противостояние с нами. Его сегодняшняя и историческая

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ненависть к нам. Его многовековое и страстное желание уничтожить нас, стереть с лица земли, чтобы и нашего имени нигде не осталось.

Откуда эта ненависть? В чем ее причины и истоки? Как и когда она складывалась и где скрывается та «игла Кашея», которую надо сломать, чтобы одолеть лютого врага (не Запад, а всего лишь его ненависть)? И есть ли вообще эта игла? Об этом и хочется поразмышлять. Но сразу предупрежу: это не серьезная научная работа, это мои интуитивные исторические догадки, так к ним и стоит относиться.

Несколько лет начал я начал читать для студентов курс Теории драмы. И вот тут, углубляясь в античное прошлое, я начал для себя понимать некоторые исторические явления, о которых раньше не доводилось читать нигде и ни у кого.

Во-первых, что такое вообще Античность? В обывательском привычно-повседневном смысле это какая-то единая греко-римская культура нескольких столетий до и после Рождества Христова. Но это странное и очевидное заблуждение. Не было в мире никогда единой греко-римской культуры. А что было? Была греческая античная культура и римская античная цивилизация. И были они совсем не похожи друг на друга.

Греческая культура (великая греческая культура!) это удивительные достижения философии, драматического театра, мифологии (которая одновременно была и основой греческой религиозной идеологии, то есть веры), а также социологии, логика, этика. Ученого грека занимали прежде всего вопросы о внутреннем мире, о душе человека, о его вере. Не случайно же святые отцы первых веков христианства называли великого греческого философа Платона «христианином до Христа». Только вдумаемся в это определение! Еще и Христос не пришёл на землю в человеческом обличье, а первый верующий человек (не считая, конечно, ветхозаветных пророков и святых) уже ждал Его далеко от израильской земли, в языческой Греции...

А что же Рим? А Рим интересовало совсем иное. И ценились там отнюдь не греческие ценности. Военное дело, политика, законы и их исполнение (то есть юриспруденция), земледелие как основа безбедного и сытого существования государства. Из «человеческих» наук высоко ценилась история, но вот что интересно: уже первые римские историки не были нейтральными летописцами в нашем русском понимании — история создавалась как идейное подкрепление тех или иных действий тех или иных государей. Вот ярчайший пример: даже император Юлий Цезарь был историком и на-

писал две книги — «Галльская война» и «Гражданская война». О чём же они? О том, что все победы в этих войнах — личная заслуга Цезаря, а все поражения — это измена высшей силы по имени богиня Фортуна. То есть создание истории как изменение и переписывание прошлого в угоду настоящему практиковалось еще тогда, две тысячи лет назад, и совсем не является изобретением последних веков...

Внутренний мир человека интересовал Рим постольку поскольку. Веры были разрешены любые, греческая мифология была взята почти целиком, только имена богам поменяли. Зевс стал Юпитером, Афродита Венерой, Фемида Юстицией. И как раз Юстиция стала чуть ли не главным божеством римской цивилизации. Римское право — вот что оставили древние римляне всему человечеству и, похоже, уже до окончания времен.

Но зато сам факт поклонения богам, предписанным государством, должен был выполняться неукоснительно. Нам всё равно, во что ты веришь, но ты должен прийти, возлить масло на алтарь бога или богини, возжечь священный огонь. А дальше иди восвояси и опять верь, во что хочешь. Чисто формальное, юридическое исполнение культа было главным отличием Рима от Греции. (И как раз на этом Римская империя споткнулась, встретившись с первыми христианами. Они так верить не могли, они верили не формально, а всем сердцем, всей душой, а потому не могли поклоняться богам, которые для них были реальными идолами, бесами, то есть не могли предавать свою веру.)

То же несовпадение Греции и Рима происходило и в культуре. Мифология греков была частью единой религиозной культуры, писатель-трагик (и вообще художник) был почётным и почтенным членом греческого общества, окружённым всеобщим уважением. Он не получал денег за свои произведения — но он получал от благодарного общества славу, достойное содержание. Он был почти жрецом, а жрецы не должны получать денег за свое служение, зато и не должны испытывать недостатка ни в чём. Общество обеспечивает жреца всем бытовым, обиходным, простым и понятным. Ведь он — жрец.

А что же художник в Риме? А ничто, просто ремесленник. И если он пишет драму, создает скульптуру — он получает заказ, потом плату за свою выполненную работу, но о каком почёте, о какой славе можно тогда говорить? На какую славу может претендовать простой ремесленник в любом, даже самом справедливом обществе? Выполнил заказ, получил деньги, а теперь иди восвояси. Да и вообще, искусство служит развлечению — вот и развлекай. «Хлеба и зрелищ» — это ведь

лозунг плебса именно в начавшем загнивать Риме. И этот лозунг постепенно стал лозунгом всех классов и слоев, вплоть до императоров, которые были, конечно, сыты, но точно так же, как и любой плебей, жаждали всё более сильных, всё более впечатляющих зрелищ. Кровавых зрелищ на аренах амфитеатров.

Итак, Древняя Греция больше всего и прежде всего озабочена внутренним миром человека — его душой, его сознанием, его сердцем. А Древний Рим больше всего и прежде всего озабочен внешним устройством человека в обществе — законами и их исполнением. И вообще — устройством мира вокруг человека и в интересах... нет, не то чтобы отдельного человека, а в интересах общественного порядка, в котором должно быть комфортно и каждому отдельному человеку.

...А потом в мир пришёл Христос, и мир (европейский мир) пусть не сразу, через реки и моря крови христиан-мучеников, но стал христианским. Однако почва, на которую упали семена Христовых Заповедей, была разной.

Греческая почва была душевной, тёплой, вспаханной великой философией и великой культурой. Внимательной именно и прежде всего к внутреннему миру человека. Греческая традиция перетекла в Византию, а оттуда — на Русь и в другие славянские страны, ведь христианство русские, сербы, болгары, румыны получили именно от греков. Восточное христианство мы знаем теперь как Православие.

Римская почва было суховатой, расчерченной параграфами и пунктами законов и правил, очень озабоченной исполнением этих правил. Римская традиция обосновалась в Западной Европе, а потом, трансформированная, перешла и в Новый Свет. Сначала она называлась Католичеством, а потом, после Реформации, к нему добавились десятки направлений Протестантизма, который христианством можно считать лишь условно.

В первые века эти особенности не слишком бросались в глаза, было даже много общих святых и у Восточной, и у Западной половин империи. Но постепенно начала накапливаться еле заметная, почти не осознаваемая разница.

Вдруг оказалось, что римских христиан кое-что не совсем устраивает в той вере, которую оставил апостолам Христос. А потому они решили ее, эту веру, слегка поправить. Ведь мир иерархичен, а потому и христианство должно быть иерархично. Даже Троица католическая — это не равных Три Ангела, как на иконе у гениального Андрея Рублева, а Бог-Отец (главное Лицо!), Бог-Сын Христос, а на третьем месте — Бог-Дух Святой, исходящий от Отца и Сына.

Эта маленькая поправка («от Отца и Сына исходящего», филиокве) затрагивала не просто основы веры — она рушила основы мироздания. Мир, в котором Три Лица Троицы не равны — не может быть надёжным миром, он не может устоять. Поскольку этот мир стоит именно на единстве и равенстве Троицы.

А были и другие поправки — о непорочном зачатии Божией Матери (этим «открытием» католики как бы возвышали Богородицу до уровня божества, равного Христу); о непогрешимости папы римского (почти двухтысячелетняя история дала достаточно доказательств этой папской «непогрешимости»!).

В общем, к XI веку эти уклонения стали осознаваться святыми отцами Православной Церкви именно как уклонения от истинного, неиспорченного христианства. И в 1054 году произошло практическое отпадение Рима от единой прежде христианской веры. Здесь не место углубляться в историю последующего тысячелетия, в историю богословских, политических, нравственных споров — история Церкви написана, её просто надо читать.

Почему православные говорят об отпадении Рима? Потому что именно Рим менял догматы веры, вводил выдуманные людьми каноны и правила — и при этом обвинял православных в «схизме», то есть в расколе единого христианства. В этом смысле совершенно лживыми являются утверждения западных «историков» и современных интернетовских «энциклопедий» о расколе единой Церкви на две половины. Нет никакого раскола и нет никаких двух половин. Есть именно отпадение католичества (а позже и протестантства) от веры апостолов, веры Христовой, сохраненной Православием.

Повторилась слегка видоизмененная история Древнего Рима, когда римляне ненавидели и казнили первых христиан именно за их неформальную верность своей вере. И вот уже тысячу лет католики ненавидят православных (а когда могут, то и уничтожают их, вплоть до настоящего времени, свидетельств этому море!) за то же самое — за их верность чистой, неиспорченной христианской вере. За верность Православию.

Именно с XI века Русь, принявшая Христианство в X веке от греков, а потом и Россия, стали на долгие века объектом пристального, пристрастного и даже слегка злобного внимания Рима. Сегодняшний человек об этой древней истории почти ничего не знает. А ведь походы «псов-рыцарей» и шведов на Русь при Александре Невском в начале XIII века были именно Крестовыми походами, благословлёнными тогдаш-

ним папой римским Иннокентием Четвертым. А папа римский был в Средние века не только духовным, но и политическим, и военным вождём всей Западной Европы, диктующим всем народам свою волю и свои взгляды на политические союзы или войны.

А что же было дальше, после Александра Невского? А дальше Запад на протяжении долгих веков всё никак не хотел оставить Россию в покое.

XVII век — Смутное время, когда католическая Польша чуть не одолела ослабевшую от дворцовой борьбы и междоусобиц Россию (да и почти весь век потом шли русско-польские войны, в которых влияние папы было очень серьёзным).

XVIII век — борьба наших императоров против... опять шведов, опять поляков, да еще и с Османской империей надо было выяснять отношения, тяжелые и кровавые.

XIX век — не только нашествие Наполеона и двенадцати языков, но и инспирированная и впрямую спровоцированная «нашими западными партнёрами» Крымская война, в которой они, вероломно обманув императора Николая I, с готовностью и удовольствием заняли сторону Турции.

Ну а про XX век даже и говорить, наверное, подробно не стоит. Ведь история хотя бы этого века худо-бедно, наверное, известна нашим гражданам. История многострадальной России с тремя войнами и тремя революциями — хоть она-то им известна?

Увы, увы... Ничего сегодня нашим гражданам не известно. Ну или почти ничего и почти никому. Не учили они, в массе своей, никакой истории. Ни отечественной, ни мировой, ни (особенно!) церковной. Поэтому даже богатые нувориши, надев хорошие костюмчики, разместив денежки в западных банках, были уверены, что уж теперь-то вход в «европейский мир» для них открыт. Их заблуждение можно понять — именно потому, что они никогда ничего не учили, а значит, и история их не научила ничему. Но, как говорил знаменитый бард, пусть жизнь научит, пусть жизнь накажет. И многих именно сейчас эта самая жизнь действительно учит, и уже не так безболезненно, как прежде...

Ну а теперь пришла пора подвести короткий итог этим коротким личным размышлениям и догадкам.

На вопрос, так за что же они нас так ненавидят (а они в последние десятилетия свою ненависть даже перестали скрывать, они даже настойчиво ее декларируют) существует очень простой, психологически понятный и психологически обоснованный ответ: они ненавидят нас за своё предательство,

за своё прошлое отречение от Христа. А поскольку это отречение произошло уже очень давно, целую тысячу лет назад — они и ненавидят нас, оставшихся верными своей вере, всю эту тысячу лет.

Они всегда, когда могут, посылают на нас свои бесчисленные полки, дивизии, бригады — и очень надеются, что в этот раз получится. Что в этот раз они смогут наконец нас уничтожить физически, чтобы и имени нашего не осталось нигде на земле и в людской памяти. Потому что люди они опытные, и прекрасно знают, что если оставить в живых хотя бы нескольких русских — то им опять не сдобровать...

Об этом и идёт сегодняшняя война. И хотя настоящая пер-вопричина их ненависти (отречение западного человека от своей веры) давно осталась в прошлом, давно ушла в подсознание, сама ненависть никуда не делась. Наоборот, за эти долгие века она только настоялась, сгустилась, стала неотъемлемой частью западной личности. А то, что спор идёт именно о вере — очевидно. Ну неужели кто-то верит, что чисто случайно их воины сегодня накалывают на своем теле портреты гитлеров, бандер, бафометов и других разнообразных бесов? Никогда не бывает таких случайностей в духовном мире.

Между нами не может быть любви и дружбы (в этом смысле права девочка-националистка с Украины, которая несколько лет назад написала «никогда мы не будем братьями», — да, мы действительно не можем быть братьями с нацистами).

Между нами может быть только вооружённый нейтралитет. Но для этого мы обязательно должны быть сильными, поскольку они понимают только силу.

Есть, конечно, и другие варианты развития исторических событий и мирового будущего. Например, все западные люди станут верующими, и не просто верующими, а, допустим, православными христианами, как мы. Такое возможно? Тезоретически у Бога возможно всё. Но что-то плохо верится после тысячи лет европейско-российской истории вражды.

Или мы победим, и они скрепя своё чёрное ненавидящее нас сердце, придут искать нашей дружбы. Если мы победим — обязательно придут, я не сомневаюсь и даже уверен. Вот только доверять этой дружбе не стоит.

Или победят они — и нас не будет больше никогда. Но это возможно, если только все русские окончательно станут иванами, не помнящими родства. Слава Богу, и этот страшный вариант уже не просматривается. Русское сознание, русское сердце начинает просыпаться. Говорю «русское», но имею в

виду всех настоящих, добрых, честных и верующих людей — русского и чеченца, татарина и бурята. Всех!

И всем нам, российским русским, надо запомнить только одно: с нашими лицемерными врагами мы не будем и не можем быть близки. Мы с ними разные даже не тысячу — две с лишним тысячи лет! Мы с ними рождались в разных семьях, в разных колыбелях. В той исторической семье, где родились мы, нас учили, что главное — это душа и сердце, милосердие и сострадание, вера и любовь. В той семье, где родились они, главным был закон и порядок, строгая иерархия, правила и внешнее исполнение этих правил — и обязательная ненависть к чужим.

И разве случайно первое слово, с которого началась история великой русской литературы и одновременно история самостоятельной Русской Православной Церкви, слово Митрополита Илариона Киевского, произнесённое и записанное как раз в середине XI века, называется «Слово о законе и благодати»? Потому что и тогда уже духовно чуткие русские люди прекрасно видели и понимали эту пропасть между нашей истинной сердечной верой, данной нам благодатью Божией, и их внешне благообразным, но внутренне формальным и чужим, неискренним учением, построенном на исполнении закона.

Поэтому мы для них всегда были чужими, духовно, бытийно. Как бы внушить эту страшную, но правдивую истину нашим отечественным смердяковым, которых мы столько наплодили в последние тридцать или сорок лет и которые до сих пор надеются на спасение, которое придёт от доброго дяди Сэма? (И которым сейчас приходится то стоять в очереди на границе, чтобы сбежать в Грузию, то стоять в той же очереди, но уже с другой стороны, чтобы вернуться в Россию, потому что они там никому не нужны.)

Впрочем, насильно никого не спасёшь, даже ничтожного Смердякова. Ведь Господь ни у кого на свете никогда не отнимает его свободной воли. Страшное и непреложное правило, по которому каждый из нас может жить буквально как хочет, творить что хочет — и по которому каждому из нас придётся ответить за всё, что он натворил.

Нет, никогда по-настоящему не сойдутся наш Восток и их Запад. И это, наверное, к лучшему. А иначе — как бы нам не потерять себя, свою человеческую душу и не стать в очах Божиих лицемерными гробами повапленными (раскрашенными) по слову Евангелия...

РАССКАЗЫ

ДЕД САША

В зимнюю пору мы с сестрой часто гостили у бабушки. Многоквартирный дом, в котором она жила, был старой постройки. Через дорогу находился монастырский пруд, где я мальцом ловил консервной банкой головастика. Позже пруд спустят. Почистят и приведут в порядок. Но вода держаться, как раньше, уже не будет. Уйдёт в почву. Место это со временем зарастёт травой, и мальчишки быстро оборудуют его под футбольное поле.

Вдоль пруда росли старые ивы, кору и ствол которых давно поели насекомые. В деревьях с годами образовались дупла в человеческий рост. По другую сторону пруда росла «Царственная лиственница». Дерево посадили в честь первой годовщины рождения цесаревича Алексея в 1905 году.

Рядом с бабушкиным домом у перекрёстка стояло двухэтажное розовое здание. Там располагалась редакция районной газеты «Ударник». Хорошо помню, как в школьные годы я нёс свои первые наброски на тетрадном листе в редакцию. Редактор Валентина Каганова, внимательно ознакомившись

ПРОЗА

с рукописями, по-доброму, чтоб не спугнуть в моей детской душе тягу к сочинительству, указывала на погрешности в тексте. Сколько же было радости и восторга, когда в газете появлялась моя первая «проба пера». Сказка аккуратно вырезалась и клеивалась в толстую тетрадь с именованьем «Архив», где хранились когда-то вырезанные из советских газет мамины публикации...

Как же всё-таки приятно в студёную зимнюю пору, когда за вечерним окном сурово завывают метели, находиться в тёплой комнате и с умилением поглядывать на ледяное оконное стекло. На подоконнике беседует с самим собой радио. В печи потрескивают поленья, наполняя комнату теплом. Под половицами изредка скребётся мышь. Радует, что вовремя нашла укрытие и теперь без забот и хлопот перезимует в норке, засыпая под наши голоса. И во всей этой, казалось бы, незатейливости есть своя прелесть. Своя красота. Как же мало человеку нужно для счастья! Стоит лишь погрузиться в воспоминания, понимаешь, что в самой обыденной повседневности порой скрывается настоящая радость. Казалось бы, обычное утро, обычный день, ничем не примечательный вечер. Но пройдёт каких-то несколько лет, и этот самый день будет вспоминаться с особым трепетом и теплом.

Иногда, чтоб скоротать вечер, к бабушке в гости заходил дед Саша. Папин отец. Жил он в этом же доме, что и бабушка Зоя, только с другого конца. Бабушкина квартира находилась на первом этаже, и маленькие окна её чуть уходили под землю. Квартира деда Саши располагалась на втором этаже, напротив «новой» школы. Мы усаживались играть в лото.

— Поиграем? — предлагали мы с сестрёнкой.

— Отчего же не поиграть? — улыбался дедушка. — Я как раз в расположении духа. Оставлю тебя, Антоха, с носом, так и знай.

— Ещё кто кого.

Мы любили с дедом друг друга подтрунивать. Иногда, правда, я увлекался, забывая про почтенный возраст, и дед сердился всерьёз. Дед Саша не был злым, но поворчать порой любил. И мне это, маленькому проказнику, нравилось и всегда веселило.

Мы с сестрёнкой взбирались на старый бабушкин диван, который всегда был разложен и укрыт одеялом. Бабушка Зоя присаживалась с краю. Дед брал стул, садился напротив. Каждый брал карточку. Я из мешочка вынимал бочонки, озвучивал и тоже прикрывал у себя на карточке числа, если такие имелись. Моё любимое занятие в игре — быть веду-

шим. Стоило дедушке чуток отстать, как я тут же нахваливал себя. Дед глядел косо.

— Помедленнее, — придирался он ко мне. — Не на пожар спешишь.

Я специально вынимал из мешочка бочонок, называл число, убирал в сторону и быстро доставал другой.

— Говорю же — не спеши. Счас Валюше мешок отдашь.

— Она ещё маленькая, — говорю ему.

— Ничего не маленькая, — возражает сестра.

— Уж не глупей тебя, — отвечает дед.

Я по-прежнему тороплю игру.

— Надо Женьке сказать. Пусть уши надерёт.

— Папка меня не трогает.

— Зря. Тебя ремнём пороть надо, — ворчит дед Саша.

— Ну, чего ты пристал к парню, — вступает бабушка. —

Никто не виноват, что проигрываешь.

— Играть тоже надо умеючи, — подливаю я масло в огонь.

— Я тоже не успеваю, — жалуется сестрёнка.

— Рази за ним угонишься. Он же нарочно дурит.

Дед Саша отбирает у меня мешочек и теперь сам не спеша ведёт игру. Игра потихоньку-полегоньку налаживается в его сторону. Дед кладёт на карточку бочонок с числом девяносто.

— О! Дедка.

— Не дедка, а дед, — поправляет меня бабушка Зоя. — Что за слово такое?

— Знаешь, почему это число так зовут? — спрашивает меня дедушка. Я качаю головой, пожимаю плечами. Дед расплывается в улыбке. Он этого ждал. — Доживёшь до моих лет, узнаешь.

Дед Саша любил повторять эту фразу, показывая тем самым свою мудрость и превосходство в годах. Дед веселился. Кончики глаз его тоже улыбались. Удивительно, но до преклонного возраста и до самой смерти ни бабушка Зоя, ни дед Саша практически не имели седины. Тёмная прядь их волос гордо бросалась в глаза. Лицо у дедушки было доброе. Глаза, особенно когда он улыбался, были по-детски озорными и излучали какую-то манящую искру. В молодые годы, думаю, он был красив. Фотографий его юных лет я не видел. Дед Саша не любил фотографироваться. Всегда отмахивался ладонью (тоже одна из его привычек) и скромно уходил в сторону. Он вообще был довольно-таки скромным человеком. Говорил не громко, как бы слегка гнусавя в нос. Фотографии его не дошли до нас ещё, наверное, потому, что родом он был не из этих мест. Родился дед Саша и вырос в селе Большое Болдино, которое прославил на весь мир Пушкин. Забавно,

что и дед, как великий поэт, величался так же — Александр Сергеевич... Лукин.

А вот баба Паша, дедушкина мама, которая иногда приезжала в гости, особенно осенью и в зиму, была строгой и казалась нам с сестрёнкой злой. Небольшая ростом, сухая от хандобы, баба Паша ходила медленно и нередко бранилась за правду. Однажды, когда я был у дедушки в гостях, мне на глаза попался стакан с водой, в котором лежала вставная челюсть бабы Паши.

— Чё это? — я приблизился к стакану.

— А ты будто не видишь, — ответили мне.

— Зубы, — говорю.

— Не будешь свой беречь, такие же носить придётся, — говорила баба Паша.

— Ну, прям, — возражаю.

— Хоть прямо, хоть косо. Никогда старших не слушаешь, — вставил своё слово дед. — Ну, куда ты руками!

Я прятал за спину руку, что не давала мне покоя, и по-прежнему внимательно разглядывал в стакане искусственную челюсть. Уже и не помню, то ли баба Паша разрешила мне, то ли сам украдкой от всех, но зубной протез из стакана я всё же вынул. Внимательно разглядывая и постукивая нижними и верхними зубами друг о дружку, жалел, что нельзя их взять в школу, похвастаться ребятам и поугадать трусливых одноклассниц.

Ещё хорошо помню на серванте у дедушки небольшую статуэтку Волка и Зайца из мультфильма: «Ну, погоди!». Волк в морской тельняшке, в штанах-клеш, с трубкой и гитарой. Что-то напевал Зайцу. Мне нравилась эта статуэтка.

Квартира у дедушки была совсем крохотной, невзрачной. И хоть жил он на втором этаже, в квартире постоянно стоял мрак. Единственное окно было всегда прикрыто большими шторами. Дедушка, признаться, жил чересчур как-то по-простому и немного неряшливо. Маленький узенький коридор. В коридоре по левую сторону небольшой стол, на котором с одного угла крепились настольные тиски и стояла электрическая плита. Дальше, у самой стены, холодильник. Повсюду банки с шурупам, а на гвоздях, забитых в стену, изоляты. Дед был мастак что-нибудь помастерить. У холодильника висела почти во всю стену карта Горьковской области, на которой, как не ищи, а город Саров не найдёшь. Есть Дивеево, есть Цыгановка, посёлок Сатис, мордовские леса указаны тоже, а Сарова нет. Тогда он, правда, назывался Арзамас-16.

— Ну-ка, — дед указывал на карту. — Проверим, парень, твои знания. Покажи мне Арзамас-16.

— Ха, — ерепенился я и шёл к карте. — Пуще простого.

Я водил глазами по карте, но города такого там не находил. Вот Горький. Дивеево. Вот Арзамас... А Арзамаса-16 нигде нет.

— Что, нема? — посмеивался дедушка. — Вот так же, поди, и в школе... удоски учителей смешишь.

Я злился. На дедушкины смешки и провокацию дёргал плечом и по десятому разу разглядывал карту.

— Как тут не увидеть, не понимаю, — подтрунивал меня дед. — Вон же!

— Где?

— Перед самым твоим носом, — расплывался в улыбке дед Саша. — Да-а, парень, разочаровал ты меня. Надо тебя к окулисту сводить. Не нравится мне твоё зренье.

— Нет его здесь.

— Как нет? Скажешь тоже. Куда же он делся? Эт не посёлок и не деревня какая. А целый город... Отсюда и то вижу.

Я злился и с отчаяньем разглядывал карту вновь. Попадались знакомые сёла, а Арзамаса-16 по-прежнему нигде не было.

— Валюша недавно была, сразу нашла. А ить младше тебя, — дразнил дед.

— Не ври!

— Не имею такой привычки.

Отчаявшись, я принялся доказывать дедушке, что это неправильная карта. Непутёвая. И что город этот забыли попросту вписать. И скорее всего, если присмотреться хорошенько, не досчитаешься ещё каких-нибудь населённых пунктов. Что карта эта бракованная и её нужно выбросить немедленно, чтобы честных людей, вроде меня, она не вводила в заблуждение. А если нет — то пусть он сам укажет, где этот таинственный город.

Дедушка на это смеялся в голос. А после признался, что города этого действительно нет на карте, но не потому, что она бракованная, а потому что он засекреченный. И вражескому шпиону вовсе необязательно знать, место его расположения.

По правую сторону от коридора в дедушкиной неудобной квартире находилась единственная маленькая комнатка с крохотной печкой. В правом углу стоял диван, напротив дивана сервант Хельга с хрустальной посудой и телевизор «Чайка». У окна письменный стол с настольной лампой. Стол был прикрыт стеклом, под которым хранились открытки и письма. Кресло и пара стульев. Больше ничего примечательного в квартире не было.

Однажды вечером, когда бабушка Зоя была у нас в гостях, пришёл взволнованный дед Саша и сообщил, что баба Паша умирает.

— За тобой послала, — сказал дед. Бабушка Зоя принялась собираться. — Просила привести.

Дед с бабушкой поспешили к дому.. Не успели... Баба Паша ушла в мир иной. Предчувствовала уход. Знала. Поэтому и отправила деда, чтоб не мешал. После смерти мужа баба Паша заплочела. И в скором времени перебралась из Большого Болдино в Дивеево. В крохотную дедушкину комнату. Недолго пожила у него. Захворала и зимним вечером тихо ушла навсегда. Дедушка переживал. Корил себя, что оставил маму одну. Поддался её уговорам.

Дед Саша был большим охотником до мастерских дел. Всюду что-то чинил. Хорошо разбирался в радиотехнике. Работал электриком. Крепил к ботинкам «кошки» и взбирался высоко на столб. Когда я ещё не ходил в школу, помню, просил дедушку, чтоб и меня научил карабкаться так же по столбам. Дед на это по-доброму улыбался. И к моим детским валенкам крепились монтерские когти. Дед Саша придерживал меня руками и помогал добраться до выключателя.

— Ну.. Давай-давай, парень!.. Переставляй ноги. Ишо чуть-чуть, — Подбадривал он. А когда моя детская ладонь коснулась выключателя, воскликнул.

— Да будет свет!

— Вот и подмога растёт, — улыбалась бабушка.

— Да-а, пора на пенсию.

В своём сарае дед соорудил настоящую мастерскую. Чинил всё, что принесут. В основном бортировал велосипеды и приводил в исправность электроприборы. И каких только запчастей в сарае не было! Ещё с дюжину велосипедов соберёшь. У входа, с правой стороны, на столе крепился электрический наждак и тиски. На наждаке дед точил ножи и косы. Однажды, когда дед клеил велосипедную камеру, к нему подошёл корреспондент с оператором. Дед скромно, пряча лицо от видеокamеры, ответил на заданные ему вопросы. Случайно узнали от знакомых о данном сюжете, и отец, раздобыв видеокассету, шутил, что папенька его теперь знаменитость. Дед смотреть видеозапись не стал. Отмахнулся, как обычно, и сказал, что всё это баловство. Не любил съёмки. И по-прежнему в выходные дни чинил людям велосипеды, честно зарабатывая свой кусок хлеба. А когда родился мой младший брат Андрей, принарядился в голубую рубаху, в серые брюки, и сам велел запечатлеть его с внуком на память.

Ещё помню, как дед просил его постричь. Машинка для стрижки волос имелась. В гости иногда приезжала мамаина подруга детства — Крохина Наталья. Тётя Наташа жила в Ардатове и была парикмахером. И когда приезжала в гости — вся семья готовилась к стрижке. Тётя Наташа творила с волосами настоящие чудеса. Для этого и была приобретена машинка.

— Давай, парень, убери эту шевелюру, — просил меня дед.

— Я ж не умею.

— А чего тут уметь. Вжик-вжик и готово, — говорил дед Саша. — Чей не красна девица я, чтоб причёски мне делать. Учись, парень, разрешаю. Ну?.. Не робей.

Я стриг деда ножницами. Затем брал машинку, подбирал насадку и аккуратно водил по загривку. На дедушкины плечи и на пол ронялись колючие волосы. Что-то более-менее получалось.

— Ну от. А ты боялся. Молодец! — хлопал дед моё плечо. — Жди следующего раза.

Я служил в армии, когда дедушки не стало. Хорошо помню, как летним погожим днём был в увольнении, гулял по Курску, когда от матери пришло печальное известие. Присел на скамью и молча стал разглядывать тротуар. Вспоминал деда. Его улыбку. Его шутки. Его добрые живые глаза. И сейчас, когда прихожу на кладбище, первым делом иду к двум дорогим мне холмикам, под которыми тихо спят милые моему сердцу люди. Бабушка Зоя и дед Саша. Рядышком. Мамина мама и папин отец. У каждого своя интересная непростая судьба. Каждый прожил эту жизнь просто и скромно. Не гнался за богатством, не покорял вершин, а честно трудился и помогал, как умел, людям. Наивные и добрые. И оставили неизгладимый тёплый свет в памяти детей своих, внуков, знакомых и друзей.

ОЛЕСИНА ПОЛЯНКА

Всю неделю моросил дождь. А ныне погода ясная. Тепло, свежо, хорошо по-летнему. И не скажешь, что конец сентября. Бабье лето заглянуло в гости. Наслаждайся, народ земной, последними деньками тёплыми. Мороз не за горами. Зима на смену спешит. Всему своё время.

По лесу, сбивая сапогами опавшую листву, шли двое. Старик и парень. Правой ладонью упираясь на клюку, придерживая в левой корзину с грибами, одетый в телогрейку, застёгнутую армейским ремнём, дед внимательно взирал под ноги. Звали старика Кузьмой. Рядом, стараясь не отстать,

плёлся, раскачивая лукошко, мальчишка годов восьми. Димка. Младший из внучат. Самый любознательный. Всегда взъерошенный, как побитый воробей, и чуток ленивый.

— Деда, — стонет внук.

— Аюшки.

— Долго ещё?

— Ишь. Торопыга какая, — отвечает старик, поправляя очки. — Саму малость осталось. Терпи.

Димка разглядывает небо. Молчание длится недолго.

— Деда, а деда, — парень не унимается, — ты хорошо её знал?

— Олеську-то?.. — Старик чешет бороду. — Как же не знать? В одну школу, поди, бегали вместе.

Кузьма громко кашляет в ладонь. Прищурившись, глядит по сторонам. Заглядывает внуку в лукошко.

— Н-да. Негусто. Ты за грибами шёл али как?

— Набрал. Хватит, — увёртывается внук.

— Много ж ты насобирал, — улыбается Кузьма. — Курам на смех.

— Зачем одну оставили? Разве можно так?

— Кто кого оставил? — не вникает старик.

— Олесю, говорю, подруги оставили зачем?

— Молодые потому как. Сами перепугались, поди, до смерти. Вот и бросили, — в голосе деда улавливается угрюмость. Он не кажется сердитым, но бровь хмурит. — Да и чем бы они ей помогли?

— Надо было так. Одна за помощью бежит, другая с ней. Да, деда?.. Даже я знаю. А они... вдвоём умчались.

— Димка!

— А?

— Гляди под ноги. Хватит ворон считать. Зачем напросился? Чтоб отвлекать?

— Ага. Сам позвал, а теперь бубнишь.

— Ишь ты! — старик улыбается.

— Чё тут искать? Если их нет.

— Как нет? Быть того не может, — старик указывает на подосиновик, что прикрылся пожелтевшей листвой. Димка быстро срезает его и кладёт в лукошко.

— И ещё один в коллекцию.

— Ох, хитрюга, — улыбается за компанию Кузьма. — А говоришь, нету. Правильно, коль трындеть без умолку, много не насобираешь. Такого красавца чуть не упустил. Червям на съеденье оставить хотел. Ишь ты!

— Деда, — просит внук, — Расскажи, как всё было?

— Сказывали ведь уже. Да не по одному разу.

— Так это мне бабушка говорила. А бабушка, сам знаешь, как рассказывает. Это помню, а это не помню. Вроде было, а вроде и нет. На самом интересном спотыкается. — Димка приближается к деду, чтоб ни одно слово не упустить. Дед повторять не будет. Не любит, когда перебивают. — Всё больше бабушки знаешь. Ведь так? Память у тебя о-го-го какая! Да, деда?

Старик глядит на внука, качает головой. И в кого такой любознательный? В школе учится хорошо. Грех жаловаться. Учителя хвалят. Видимо, любопытство раньше его родилось. Обо всём на свете непременно нужно знать ему. И если уж что услышал краем уха, пока сто раз не переспросит, не успокоится. Ворошить прошлое старику не шибко хотелось. Но коль со старухой сболтнули — виноваты сами. Никуда от вопросов не денешься. И как бы Кузьма ни хмурил бровь, внук знает: дед — добрейшей души человек. И вовсе не хочет понимать, что дедушка постарел и года его уже не те. С возрастными людьми всё больше и больше любят тишину.

— Что тут говорить... Тут и говорить нечего... Всё в двух словах и скажешь. Какая где беда случись, небылиц наплетут, историй навдумывают, что и не знаешь, чему верить порой. — Дед Кузьма замечает гриб. Осторожно откидывает клюкой со шляпки листву. Белый. Медленно нагибается, срезает, кладёт в корзину. — Давным-давно, когда я ишо молодым рысаком скакал по деревне, жила в наших краях одна девица. До того добрая, что каждую букашку, каждую дворняжку жалела и любила. Поговоришь с ней всего чуток, а будто родниковой водицы испил. На душе праздник. Хочется и самому сделать что-то хорошее. Бывает же так?.. Голос нежный, слова добрые-добрые. Сроду худого слова никому не скажет. Вот как.

— Красивая была?

— А?

— Красивая?

— Не то слово. Любо поглядеть. До того лучезарна, что пройдёт мимо — аж сердце замирало. Большая это редкость, я тебе скажу, когда красивые люди так добры и милосердны.

— Нравилась тебе она, дед?

— Она всем нравилась. Не было на селе хлопца, который не мечтал бы её мужем стать.

— Бабушка говорит, ты её сильно любил, — обронил внук.

— Дурит твоя бабка. Слухай больше.

Дед Кузьма насупился. Замолчал. Лесная жизнь, которая за разговором не так ощущалась, напомнила о себе. Откуда-то доносилось ритмичное постукивание дятла. Под ногами

шуршали листья и с треском ломались сухие ветви. Старик, упираясь на клюку, медленно нагибался, тихо кряхтел, среза я гриб. И Димка подумал даже, что дед нарочно выбрал грибную сторону, а его, неопытного, пихнул сюда, где, окромя мухоморов, которые он устал сбивать сапогом, мало что есть.

— Знает, где идти, — вздохнул внук.

— Чего ты? — не разобрал старик.

— Пить охота.

Старик расстегнул ремень, снял армейскую фляжку, отдал внуку. Тот жадно присосался к горлышку губами.

— Не торопись. Не отнимут.

Внук утолил жажду. Вытер рукавом губы.

— Пряма как у солдата, — заметил он.

— А то, — не без гордости согласился Кузьма. — Подрастёшь, пойдёшь в армию, такую же дадут.

— Не пойду. — Внук вернул дедушке фляжку. — Папка говорит, нечего там делать.

— Папка твой сам не служил. И тебя не знает, чему учит.

— Разве это плохо?

— А то нет? Ишо как плохо. Какой из тебя жених вырастет, коли в армии не был? Пойдёшь к невесте, а та и на порог не выйдет. Скажет: нам хворые не нужны.

— Почему хворые?

— А как же! Раз в армию не взяли, значит, болеешь чем, либо совсем дурак. — Старик постучал по дереву. — Аляулю, паси гусей.

Димка засмеялся.

— Так я же сам не пойду.

— Поди потом докажи, что сам. Нет уж. За мамкиной юбкой прятаться не позволю.

Идут молча.

— А ты, деда, на танке ездил? — спрашивает внук.

— Нет. Не довелось.

— А на самолете летал?

— И на самолете не летал, — признаётся дедушка.

— А почему?

— Ну.. как тебе сказать... В других войсках службу нёс.

— Бабушка говорит, ты поваром был.

— Праильно говорит, — кивает старик.

— Какой же это солдат... с половником? — в голосе внука улавливается ухмылка.

Старик потирает сухие губы, сбавляет шаг.

— Запомни. И передай другим. Голодный солдат — это уже не солдат. Роту целую накормить — это не шутка. Тут тоже

талант нужен. А из ружья хоть сейчас с воробья пёрышко снесу со ста метров. Может, и с двухсот.

— С двухсот? — дивится Димка.

— А то, — старик улыбается и указывает внуку под ноги. — Такой гриб перед носом самым, а ты... Совсем мышей не ловишь, как поглажу. Не возьмут тебя, братец, в разведчики.

— Больно надо.

— Ну-ну. Ну-ну.

Парень срезает гриб, показывает дедушке.

— Какой большой!

— Да, — соглашается Кузьма, — бабушка обрадуется. Настоящий богатырь. Ложи в корзину. Я дома похвастаю.

— Ну, конечно. — Димка кладёт гриб в лукошко. Дед посмеивается. Внук догадывается, что тот его разыграл, и тоже расплывается в улыбке.

— Трухнул? — улыбается старик.

— Нисколько.

Старик поправляет очки, идёт дальше.

— Нравится тебе у нас?

— Нравится, деда. Очень нравится, — признаётся Димка.

— Во-от. Подрастёшь, будешь дедушку вспоминать, как ходили с ним по грибы.

— Буду.

— Обязательно будешь, — говорит старик. — Память — она девица такая. Пока ребёнок, вроде и не надо ничего. Наоборот, вырасти желаешь скорей. А чуть подрастёшь, как начнут сердечко щекотать далёкие прекрасные деньки. В тридцать о детстве вспомнишь, в сорок о юности заскучаешь не раз. А в семьдесят скажешь себе: как же хорошо было в пятьдесят лет!

— Отчего так, деда?

— А?

— Почему так всё происходит?

— Жизнь, — тихо обронил Кузьма. — Редко кто замечает положительное в настоящем. Верни мои сорок лет. Неужто я тебя на спине не покатаю бы? А? Ишо как покатаю бы.

— Ты, деда, и не старый вовсе.

Старик улыбается.

— Но уже и не юн.

— Дядя Кондрат моложе тебя, а выглядит старше. Почему так?

— Пьёт много. Столько дряни этой пить... давно сгниёшь заживо.

— Он, когда выпьет, смешной. Песни любит петь. Про коров рассказывает. Знаешь, сколько у него коров в стаде?

Он мне сказывал, только я уже не помню. Дядя Кондрат говорит, что в пастухи не каждого берут. Только у кого душа добрая. Коровы это быстро распознают и злых пастухов не слушаются. Правда, деда?

— Всё может быть, — пожимает плечами старик. — Кондрат — мужик неплохой.

— Совсем неплохой. Мы с Витькой летом часто на лугу пропадали. Нам дядя Кондрат много историй разных сказывал. Оказывается, это Рыжуха шум подняла ночью, когда у Игнатьевых дом загорелся. Так мычала на всю округу, что разбудила всё село. Мы с Витькой долго разглядывали потом эту Рыжуху. Такая же корова, как и все другие. Пятнистая и брюхастая. А видишь как! Людям жизнь спасла. Дядя Кондрат говорит, что на месте Степана Игнатьева её не стал бы забивать. Рука не поднялась бы.

— Да, — проронил старик. — Кормилицу свою всегда лелеешь и жалеешь. А тут ишо и спасительница. Тебя и детишек от страшной смерти уберегла. Рази нож после этого начочишь на шкуру иё?.. Нет.

Старик остановился. Прищурился глазами, уставился вдаль.

— Пришли? — Димка вместе с дедом глядит на крохотную поляну, окольцованную деревьями-великанами. В небе медленно проплывают пушистые облака. Солнце бросает лучи на этот маленький островок, и потому среди лесной глуши это место особенно радует светом и теплом.

— Пришли, — не сразу сказал старик.

— Олесина полянка?

— Она самая.

— Здесь её змеи покусали?.. Здесь, да?

— Нет. Дальше. Далеко отсюда. Там сейчас болото.

Дед Кузьма идёт на поляну. Ставит корзину на землю.

— Тут от... она и лежала. У дуба. У самых корней, — старик показал рукой. — Даже смерть не способна была погасить красоту её неземную. Не увял цветок и после гибели. Всем селом примчались сюда, когда узнали о трагедии. Долго не решался никто потревожить её сон вечный. Многие плакали. Да... плакали. Никто не желал верить, что её больше нет... Будто взаправду спала. Ни ужаса, ни скорби на лице не было. А ведь знала, что умирает. Знала.

Помолчали.

— Ить забрались в самый гадюшник. Туда сроду за ягодами никто не ходил. Змей там кишмя кишит. А они, дурёхи молодые... К самому оврагу подошли. Видать, оступилась и угодила напрямиком в змеиный очаг... Много укусов было. Много. Рази тут выкарабкаешься?

Старик и парень молча глядят на поляну. И не скажешь, и не подумаешь, что когда-то давным-давно здесь угасла чья-то жизнь. Обычная лесная полянка, на которой весной распускаются цветы, летают бабочки и кружат пчелы. Обыденное место, каких множество в каждом лесу.

Старик Кузьма подходит к дубу. Вынимает из кармана варёное яйцо, пирожок и горсть конфет. Кладёт рядом с деревом.

— Дядя Кондрат говорит, что подруги её в яму толкнули, — обронил Димка.

— Ты про Галину?.. Откуда Кондрату знать? Он тогда совсем мальцом был. Хотя...

— Что хотя?

— Поговаривал народ, конечно. Как без этого? Мол, заманили в гиблое место и погубили невинную душу. Да ить никто не знает, как на самом деле оно было всё. Нечего грех на душу брать. Это какой же камень за пазухой носить надо, чтоб такое сотворить? Как с этим жить после?.. Впрочем, судьба и с ними сыграла злую шутку. — Старик помолчал. — Галина в город подалась, замуж вышла. Да тока не сложилась у неё семейная жизнь. Вернулась к матери исхудавшая и озлобленная на весь мир. В зиму захворала сильно и померла в февральские морозы. А к лету и другая девица, что была с ними утонула в реке. Счас уж и не вспомню, как звали. Видишь как. Даже имени не помню. Словно и не было человека. А вот Олесю... Олесю и по сей день добрым словом вспоминают. Хорошие люди остаются в памяти навсегда. Потому-то в народе это место и величают её именем. Живой памятник. Не там, где смерть приняла от гадов, нет. А здесь, где уснула сном вечным. Нередко встретишь, проходя мимо этого дуба, оставленные кем-то цветы и сладости. Каждый, кто идёт по грибы, по ягоды и бывает здесь, чтит память девушки, доброту и нежность которой помнят до сих пор. Полвека уже миновало, а история эта живёт по сей день. Переходит из одних уст в другие. Стала былью. Нас со старухой не будет, Кондрата не станет, ишо кого... а внуки наши нет-нет да поведают своим детям, а те своим, что когда-то давным-давно в селе Митяшино жила девушка неземной красоты и с добрым чутким сердцем. И покажут эту самую полянку, это дерево. Чтоб каждый, кто будет в этих местах, оставил яичко и помянул добрым словом Олесю. Да. Жизнь можно прокоротать век, и никто о тебе не вспомнит. А можно прожить словно песню и навсегда остаться в памяти людской. Понимаешь это, Димка? Человек ценится по поступкам. По делам своим.

— По делам?

— Именно. По делам, — повторил старик. — Потому и надо прожить эту жизнь правильно, честно. Помогать людям. Делать добро. И люди отплатят тебе тем же. Обязательно. Хороших людей много. Что ни говори. Случись где какая беда — и тебе помогут. Не пройдут мимо. — Старик кладёт внуку на плечо ладонь и идёт с ним в обратную сторону.

— Бабушка, поди, борщ приготовила.

— Не люблю суп.

— В нём вся сила.

— А говорил, в каше, — поправляет парень.

— И в каше тоже, — соглашается Кузьма. — Но и от супа не откажемся, да?

Димка пожимает плечами.

— Бабушка старалась-старалась, а мы... Негоже это, парень. Ложку за маму, ложку за папу, не мне тебя учить.

Идут молча.

— Это ведь доброе дело? — спрашивает вдруг Димка.

— Бабушку порадовать? Ишо какое.

— Я, деда, две тарелки съем. Вот увидишь.

— От это правильно. Это хорошо.

Кузьма утвердительно кивает. Вместе улыбаются и не спеша идут к дому.

СИНДРОМ СТАРОЙ ВЕДЬМЫ

С Фёдором Медведевым произошла весьма неприятная история. Он, мужчина сорока семи лет, крепкий и здоровый, как молодой телёнок, вдруг стал бояться спать. Последнее время нигде не работал. Раньше тоже зарабатывал как придётся: трудился то здесь, то там. Любил принять на грудь, смочить горло, потому подолгу нигде не задерживался. Село, в котором проживал Фёдор, хоть и большое, но не настолько, чтобы не знать пьяного Медведева. Когда выпивал лишнего, становился дотошным. Мог учинить драку, потому не раз заночёвывал в «обезьяннике». Связываться с ним, а тем более брать на какую-либо работу такого труженика никто не желал. Когда Фёдор не пил, вёл себя скромно и даже наивно, как большой ребёнок. Злым не был. Наоборот — последнее отдаст, если видит, что человек в этом нуждается больше, чем он. Только вот винишко изрядно подводило.

Случилось это месяца три тому назад. Почистив перед сном зубы и побрившись на скорую руку, Медведев посмотрел по телевизору новости, поругал в обыденном порядке правительство и, пожелав жене Ирине добрых снов, заснул. Но,

как выяснилось, добрых снов в ту ночь ждать не пришлось. Посреди ночи проснулся Фёдор и, к сильному удивлению своему, осознал, что не может встать. Да что там приподняться — пошевелиться не в силах. Жена рядом лежит, а позвать её Фёдор не может. И вдруг... дверь в комнату медленно приоткрылась и в спальню вошёл мужчина. Лица его Медведев не видел — только тёмный силуэт. Медленно прошёлся этот человек по комнате и остановился у окна. Как ни старался Фёдор, а шелухнуться не может. Даже крикнуть не удаётся. Жену разбудить и то не в состоянии. А та, как ни в чём не бывало, спит себе, сопя, пока по их комнате расхаживает незнакомец. Неизвестно ещё, как он сюда пробрался, для какой цели и что у него на уме. Медведевым овладел ужас.

«Всё, — пришла в голову единственная мысль. — Видать, кранты. Отходил ты, Фёдор Иванович, по земле-матушке сполна. Хватит. Вот и явилась погибель».

Тёмная фигура, почувствовав, видимо, что в комнате присутствует страх, развернулась и уверенно приблизилась к кровати. Склонившись над Фёдором, ледяной ладонью сжала ему шею и принялась душить. Понимает Медведев, что смерти ему не избежать. А умирать неохота. Пытается изо всех сил пошевелиться, хоть как-то дать отпор... Вскочил с кровати и не поймёт, в чём дело. Включил свет и с бешеными глазами принялся искать в доме незваного гостя, напугав до смерти жену. Придя к выводу, что всё это ему приснилось, успокоился. Но похожие кошмары продолжились: за три месяца раз шесть-семь подобное снилось. Так же в комнате был посторонний человек, так же он, Фёдор, не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, и по-прежнему его пытались задушить.

— Всё, мать, видать, умом тронулся, — жаловался Медведев супруге.

Жена предлагала пойти в больницу и рассказать врачам всё как есть.

На это Фёдор только хмурил бровь:

— Упекут в дурку ишо. Эти могут. Дай только повод, — и, помолчав малость, добавлял: — Гляди, сама где кому не ляпни. Народ, сама знаешь, какой у нас. Прохода не дадут, будут скалиться.

Супруга молчала, хоть и была сама как на иголках. Мало приятного, когда мужик твой посреди ночи с криком вскакивает с постели. Посоветовавшись с мужем, Ирина решила позвать старшего брата в гости. Тот жил в городе и работал ветеринаром.

— Всё какой-никакой врач. Поди, должен знать, что за бесовщина такая и где хворь эту подцепил. Не заразна ли? —

промолвила супруга. — Может, совет какой дельный даст или ещё чего. Алексей — мужик не глупый.

— Зови, — не сразу согласился Фёдор. — Пусть в субботу приезжает. Я баню исплою... Родня как-никак. Поди, если что и серьёзное, промолчит — в психушку не даст.

— Может, таблеточкой какой обойдётся, — сочувственно кивала жена.

— И за что такие мучения! — вздыхал Фёдор. — Никогда не думал, что на старости лет спать бояться буду.

На том и решили. Ирина позвонила брату, пригласила в гости. Мол, давно не был. Алексей ссылался на дела, но уговорам в итоге неохотно поддался. Прибыл в субботу под вечер. Фёдор занимался баней. Ирина, пока мужа не было рядом, вкратце поведала, что за напасть пришла в их дом.

— Бойтса спать ложиться теперь, — призналась. — Сама переживаю. Как бы, чего доброго, и мне не досталось. Рука у Фёдора тяжёлая. Даст во сне по лбу да пришибёт ненароком.

Внимательно выслушав сестру, Алексей, поправив очки, негромко сказал:

— Сонный паралич.

— Батюшки! — испугалась Ирина слову «паралич». — И как быть?

Алексей макнул печеньё в чай и по-детски улыбнулся:

— Никакой опасности, как правило, явление это за собой не несёт. Да и встречается не так уж редко. Попросту говоря, людей, которые хоть раз испытали подобное во сне, на самом деле немало. Происходит это в стадии быстрого сна. Мозг как бы уже проснулся, хотя тело по-прежнему спит. Главное — вовремя осознать, что угрозы никакой нет. И в скором времени непременно покинешь сон. Не лишне знать, что всё это длится не больше минуты-другой. Да, нередко сопровождается это и галлюцинациями. Главное, не поддаваться панике... Сейчас для Фёдора важно нормализовать порядок дня и стараться ложиться спать в одно и то же время. Желательно погружаться в сон вечером, а днём бодрствовать. И пусть старается спать на боку... В общем, сестрёнка, не так это страшно, как кажется на первый взгляд.

— Ох! Словно камень с души, ей-богу, — вздохнула с облегчением Ирина. — Говорю, главное: иди в больницу. Ни в какую. Бойтса, что в дурку упекут. Он у меня в этом плане трусит сильно. Сроду к врачам не обращался. Как на собаке заживает всё.

— В дурку, говоришь, бойтса, упекут? — Алексей задумался.

— Ага, — улыбнулась Ирина. Теперь, узнав, что всё это не так страшно, странные сновидения мужа даже как-то рассмешили.

— Пьёт по-прежнему?

— Мимо льёт! Уж и не знаю, что с ним делать. Каким богам молиться, чтоб дрянь эту лакать перестал.

Алексей помолчал.

— Знаешь что, — сказал он после недолгих раздумий. — Ты пока не говори Фёдору ничего. Хорошо? И подыграй, если что, немного.

Ирина хотела спросить, в чём именно подыграть и отчего такая конспирация, да не успела: в избу вошёл Фёдор и увёл Алексея в баню.

Парились на славу. Фёдор то и дело поддавал ковшом и до изнеможения хлыстал себя веником по распаренному телу. Алексей, поглядывая на его широкие плечи, крепкую грудь и сильные руки, дивился, что такой здоровый по всем параметрам мужик может чего-то бояться. Хотя прекрасно знал он, что при сонном параличе чаще всего люди испытывают нечеловеческий страх.

После сидели за кухонным столом, пили чай. От самогона Алексей отказался, и Фёдор тоже решил пока не употреблять.

— Ну, рассказывай, что у тебя стряслось? — обронил Алексей. — Чего кота за хвост тянуть.

Медведев растерялся, перевёл взгляд на жену. Та неловко улыбнулась.

— От баба! Лишь бы язык почесать обо что, — нахмурился. — Ты её, Лёха, не слушай. Сама толком ничего не знает, а наплетёт, будто пельменей обелась.

— Вот и хочу узнать, что по этому поводу думаешь и как на всё это смотришь.

Фёдор, покосившись на супругу, принялся рассказывать, что за беда обрушилась на него в последнее время, как боится уснуть и лишиться рассудка.

— Проснусь иной раз, приоткрою глаза — и всё как наяву: потолок, люстра, стены... а пошевелиться не могу. Голоса слышу. Будто кто разговаривает. Первая мысль: помер. Сердце, пока спал, остановилось, а мозг ещё работает. Но и этому быть недолго. И жалко себя становится, и страшно до жути. Кому умирать охота?

Алексей, внимательно выслушав и потянув время, сказал:

— Синдром старой ведьмы.

— Какой-какой ведьмы? — вскинул брови Фёдор.

— Попросту говоря — паралич.

— Приплыли, — Медведев посмотрел на жену. Та, как могла, изобразила испуг. — И что делать?

Фёдора от волнения пробил пот. Алексей вышел из-за стола, подошёл к окну, посмотрел на вечерний двор, молча про-

шёлся по кухне, наконец вновь присел за стол и незаметно подмигнул сестре.

— Что тут сделаешь, — убедительно произнёс он. — Первая стадия психического расстройства. Дальше будет хуже... К сожалению, если это запустить на ранней почве... будет неизлечимо.

Фёдор выпучил глаза. Фмиг представил психиатрическую больницу и крепких санитаров в белых халатах, что заламывают руки и насильно делают укол.

Потирая ладонью лицо, Медведев тревожно спросил, как, мол, теперь быть.

— Обычно, если нам привозят с таким расстройством животных, мы их попросту усыпляем. Сделал укол — и бедняга не мучается, — ответил Алексей. — Тебя, естественно, усыплять никто не будет. Поместят в изолятор и привяжут к постели.

— Ч... чего? — Медведев растерялся не на шутку.

— Пойми, это очень страшное и редкое заболевание. Организм через сон даёт понять, что вот она, последняя грань. Дальше пути назад не будет. Ещё шаг — и пропасть. А там... только дурка. Пожизненно. И с такими же пациентами... К сожалению, нынешняя медицина пока бессильна. Стоит перейти черту и... каждый день подобные кошмары, тридцать пять уколов в сутки и полная изоляция, — со всей серьёзностью заверил Алексей.

— Отчего это всё? — изображая ужас, спросила Ирина. Она догадалась, к чему брат клонит.

— У животных происходит, как правило, от отравления. Где-то что-то съели не то — и пожалуйста. У людей причиной всему является алкоголь. Данное расстройство встречается в первую очередь у пьющих и у наркоманов. Последнее в нашем случае исключаем сразу.

— Господи, — Ирина взялась за голову. — Это лечится? Скажи честно.

— На первой стадии — да, излечимо. Люди возвращаются к прежней жизни... Единственное, нужно перебороть самого себя и бросить пить. Отказаться от спиртного полностью. Ни пива, ни полкружки, ни единой капли. Полностью. А иначе... Впрочем, я уже говорил.

В доме стало тихо. Медведев, размышляя, что делать дальше, нервно перебаривал весь ужас от услышанных слов. Прикрыл ладонью глаза и, тяжело вздохнув, произнёс:

— Придётся бросить пить.

— Извини. Я не могу так рисковать, — по-предательски повёл себя Алексей.

— То есть? — оторопел Фёдор. — Лёх, ты чего?

— Завтра же должен буду сообщить об этом куда следует. А там... Пойми, это большой риск. В первую очередь ты представляешь угрозу окружающим.

— Лёха! — Фёдор всерьёз испугался, вскочил на ноги, стал нервно расхаживать по кухне. — Никуда сообщать не нужно. Ты чего?.. Я же тебе по-родственному открылся. А ты...

— Пойми и ты правильно. Я не могу рисковать, — противился Алексей.

— Ты в своём уме или как?

— Как раз-таки я в здравом уме.

— А я? Я что, по-твоему.. Ты из меня психа не делай! — закричал Медведев.

— Ну вот, пожалуйста, — спокойно среагировал Алексей. — Что и требовалось доказать. И руки трясутся. И с собой совладать не может. Нет. Так дела не пойдут.

— Тихо-тихо-тихо... Хорошо. Не будем кричать. Ты прав, — Фёдор присел за стол. Отпил остывший чай. Смахнул со лба пот: когда нервничал, всегда потел. — Завяжу с вином. Слышишь? Клянусь тебе.

— Надолго ли? — усомнился Алексей. — Сколько раз обещал. Толку с этого мало.

— Слово даю — брошу.

— Ты и раньше божился на Библии, — упрекнула Ирина. — Сам знаешь, Федя, не по силам тебе от этой заразы избавиться.

Фёдор приумолк. Всё оно было так. Сколько раз пытался взять себя в руки, обещал себе и людям, а в итоге... Через месяц-другой напивался и уходил в загул.

— Родственник называется, — со злобой выдавил Медведев.

— И по-родственному постараюсь помочь... Есть у меня давний знакомый в городской психбольнице. Замолвлю о тебе слово.

Фёдор подошёл к окну. Долго глядел, не шелохнувшись, вдаль.

— Нет. Меня не проведёшь. Пусть хоть на месте убивают, а я туда ни ногой. Коли упекут, обратно не выпустят, знаю, — и добавил: — Предатель.

— Вот и вся благодарность, — обиделся Алексей. — Наверное, это я с одной работы на другую перебегаю да на шее у жены сижу. Допился до чёртиков — и все кругом виноваты. Тебя предупреждали. И не раз. Добром это не кончится. Вот, пожалуйста. А то что... ты прав, Фёдор. Ляжешь и уже не выйдешь. Там у них таких называют просто — овощ. И отношение соответствующее.

У Фёдора от волнения затряслись руки. Спрятав ладони в карманы брюк, потухшим взглядом вновь уставился в окно. За спиной доносился жалобный голос супруги. Та уговаривала брата войти в положение, помочь (что в его силах) и держать язык за зубами. Уверяла, что он, Фёдор, как бы ни было тяжело, с вином обязательно расстанется. Скоро, мол, осенью, вернётся из армии сын. Если отца укутут в психбольницу, и ему, пареньку молодому, хорошую работу, которой и так нет, найти будет тяжело.

Всё в словах её было правильно — как чёрным по белому. До того правильно, что вновь осознал в себе Фёдор подлеца. Совесть и раньше трепыхалась в груди, теребила душу и мочила глаза. Но... как-то легко она, совесть эта, запивалась вином. Махнёшь на всё рукой, опрокинешь стакан-другой, занюхаешь рукавом и... хоть плюй в глаза — божья роса. Сколько раз обещал жене и сыну бросить! Сколько раз божился перед матушкой покойной, что не притронется к бутылке! И всё равно напивался. Топил душу в этом огненном яде. Оно ведь проще всего замкнуться и уйти от всех и всего на дно стакана. Другое дело — взять себя в руки, выкарабкаться из этой зловонной трясины и трезвыми глазами взглянуть на всё происходящее. Если бы не жена с тёщей, давно бы по миру пошли. Хоть и крепок телом, и работать мог... Да куда с таким багажом на работу!

И всё же, как бы Фёдор ни напивался, как бы ни опускался, а всё-таки маленькая, самая крохотная надежда всегда жила с ним. Мол, обязательно поднимется на ноги и на сей раз это последняя пьянка. Была надежда, которая хоть иногда успокаивала душу. Теперь же... Алексей попросту отнимал и её. Выдёргивал из груди Фёдора силой. Нет, человеку нельзя без надежды. Маленький луч света в конце туннеля всегда должен быть. А иначе... для чего тогда жить?.. Фёдору сделалось страшно. Когда сам у близких ему людей отнимал эту самую надежду и веру в себя, как-то с этим жил, и жил неплохо. Теперь же, стоило самого лишиться права на будущее, как миг оседлал ужас.

Вот звёзды появились в вечерних сумерках. Вот баня, сарай, забор. Там, за околицей, река, поле, лес... Жизнь крутится-вертится, и ты вместе с ней незаметно тоже крутишься-вертишься... живёшь. Одним разом, оказывается, это можно всё отнять... Простыня, потолок, медсестра, уколы, кошмары, снова — потолок, простыня... Нет, лучше и вовсе наложить на себя руки.

— Хорошо, — как гром среди ясного неба раздался голос Алексея. — Утаю известие.

Супруга на радостях залепетала. Посыпались благодарные слова.

— Будет тебе, — одёрнул Алексей сестру. — Учтите: до первого раза. Вы и меня под монастырь подведёте враньём этим: знал и не доложил. А случись не дай бог чего... На мою же совесть грех ляжет. — Помолчал. — Поступим, значит, так. Закрываю на всё это глаза. Быть по-вашему. Но не дай бог если что проведаю, и ты не доложишь, — обратился к сестре.

— Крест даю: молчать не буду. Тут же сообщу. Самой терпеть не по силам более. Хватит.

— Племянника жалко. Так бы... Ладно. Будь что будет.

Стало тихо. Фёдор утёр влажное лицо ладонью и, подойдя к кухонному гарнитуру, достал початую бутылку самогона. Открыл. Вылил в раковину. Смыл водой.

— Слово даю, — пообещал Медведев.

— Время покажет, — только и ответил Алексей.

Погоптавшись на месте, чувствуя неловкость, Фёдор достал папиросы, осторожно поинтересовался, позволятся ли ему курить. Алексей, не меняя строгого вида, кивнул. Медведев покинул избу.

— Надо же, струсил как. Кто бы мог подумать, — тихо засмеялась Ирина. — Поможет, как думаешь?

— Повод есть. Уже хорошо. Бывает, под страхом смерти люди творят неведомое. Страх — сильный аргумент. Главное, не забывай напоминать ему об этом. А там... поживём — увидим.

На улице поднялся ветер и пошёл дождь. Вернулся Фёдор. В избе по-прежнему было тихо. Говорить не хотелось. Каждый думал о своём. И лишь дождь с каждой минутой усиливался и отчаянно барабанил в окно.

ФАМИЛИЯ

Мартышкин Игорь попал в затруднительное положение. Полюбил парень Князеву Марусю. И она к нему всем сердцем. Дело к свадьбе шло. Игорь ездил в город за кольцами. Ходил свататься к родителям невесты. Даже с датой определились. Свадьбу решили справить осенью — как придёт из армии Марусин брат.

«Лето быстро пролетит. И глазом моргнуть не успеете, — заверил Марусин отец. — Ежели любовь настоящая, то и время ей нипочём. Она не такие преграды выдерживала».

На том и сошлись.

Прогуливаясь вечером за селом, молодые вслух размышляли о семейной жизни. Каким будет дом, мебель, сад... что

во дворе обязательно поставят будку, в которой будет жить замечательный и милый пёс. Но стоило завести речь о фамилии, как завязался спор. Оказалось, что Маруся не желает быть Мартышкиной. Своя фамилия ей нравилась больше. И как Игорь ни пытался уговорить девушку, та не поддавалась ни в какую. Не будет Мартышкиной и всё. Точка!.. Но и юноша оказался принципиальным. Как так! Его супруга, законная жена — и не будет Мартышкиной?!

— Дорогая, ты людей не смей, — сказал Игорь. — Собралась замуж — будь добра следовать традициям, как и полагается... Может, и платье с фатой не наденешь?

— Платье надену.

— Ну вот.

— А Мартышкиной не буду.

Игорь насупился:

— И как же, интересно мне, прикажешь тебя величать?

— Князевой, — легко ответила Маруся.

Парень промолчал. Прошлись ещё.

— Хорошо, допустим, — обронил Мартышкин. — Спросят меня, как жену зовут, а я отвечу — Маруся Князева. Эх, парень, скажут мне, какая же она тебе жена? Какого-то князя жена, никак не твоя. И будут правы... Мужики на работе засмеют.

— А меня не засмеют?.. Как и тебя, макаккой прозовут, — вырвалось у Маруси.

— Какой-такой... какой? — растерялся Игорь. — Один дурак ляпнул — и все повторяют... И ты туда же.

— Извини. Не буду.

— Чего — не буду?

— Повторять не буду... и Мартышкиной тоже.

— Как знаешь, — с обидой произнёс Игорь.

— Не сердись. Не надо.

Парень молча проводил невесту до калитки. Обменявшись неловкими взглядами, быстро расстались. Оба понимали, что не правы. И в первую очередь — Игорь. Неужели захочет красивая девушка носить эдакую фамилию? Это он с ней свыкся. Какую дали при рождении, с той и вырос, и то хлебнул горюшка. В школьные годы дразнили, сейчас нет-нет да макаккой прозовут. В глаза, конечно, побоятся сказать: силушкой-то природа не обидела — по улыбке разок Игорь стукнуть может. И всё равно весельчаки находились. Раз уж с ним так, думал Игорь, то её, хрупкую и беззащитную, вовсе задёргают. Шпана малолетняя прохода не даст.

В голове Игоря завертелась фраза, не давая ему покоя: «Из князя — в грязи». Становилось обидно. Даже злоба охватывала.

— ...Вот ишо! Удумала чего, — дома заступился дед. — Фамилию не возьмёт. Ишь ты!

— Может, и правда, не стоит. Сейчас этим никого не удивишь. Артисты и вовсе живут — у каждого своя, — сомневался уже сам Игорь.

— Радуйся, отец слов этих не слышит. Он бы ремнём быстро отходил. Да я бы помог, — рассердился старик. — Фамилия ему наша не угодила. Ты погляди!

— И что делать? Не силой же заставлять.

— Коли любит, то и фамилия полюбится. Экое дело. Рода Мартышкиных ишо никто не стыдился. Ишь ты!.. Стрекоза какая... И не смотри на меня так.

Парень тревожно вздохнул:

— Видать, свадьба под угрозой.

— Ты это брось, — проронил дед. — Времени полно. Образуется.

— В самом деле, сынок, — вмешалась мать. — Поговорил бы снова. А то я могу. Глядишь, лучше подход найду.

— Не надо. — Игорь вышел во двор.

— Не вмешивайся, — велел старик. — Сами разберутся.

На другой вечер стояли с Марусей у калитки, Игорь вновь поднял волнующий вопрос.

— Ну что ты в самом деле какой? — улыбнулась девица.

— Какой?

— Настырный. Не надо. Не будь таким, — Маруся поправила волосы, облокотилась на калитку. — Не желаю я быть Мартышкиной. Пойми это, пожалуйста.

— И как быть?

— Ну, как... ну.. бери ты мою фамилию. А что? Князев Игорь. Звучит, правда?

Парень стиснул зубы, шевельнул скулами, нахмурился. Стало обидно и горько от услышанных слов.

— Не хватало ещё царскую фамилию носить!

Маруся насторожилась. Перемена в голосе не сулила ничего хорошего. Догадавшись, что Игорь сердится, как можно мягче сказала:

— Какая же она царская? Вовсе нет.

— Всё равно. Аристократическая.

Девушку тоже кольнула обида:

— Можно подумать, твоя лучше.

— Получше будет, — ответил Игорь. — Мало их, князей, в своё время раскулачивали.

— Что? — опешила девица.

— И зелёные обои мне не по нраву. Вот что, — решительно сказал Игорь, припомнив, о чём с Марусей говорили накануне.

Девушка распахнула калитку, поспешила к дому. На полпути остановилась, развернулась. Сердито глянула на жениха, топнула ногой:

— Раз так, то и женись на простолудинке. А меня, благородную, голубых кровей, не смей беспокоить больше, — девушка показала язык и скрылась за кустом малины.

Парень виновато опустил голову, медленно поплёлся в сторону своего дома. На душе было тяжело. Сердце больно трепыхалось в груди. Понимал, что наломал дров. Вряд ли это само собой исправится. Никогда ещё с Марусей не ссорились. А тут... из-за обычного, казалось бы, пустяка... Даже страшно сделалось. Зачем ей всего этого наговорил? Для чего пытался обидеть?.. И подумать не мог, что между ними когда-нибудь мелькнет стрела недопонимания.

— Ну что? — дома Игоря встретили на пороге.

— Не донимайте, пожалуйста. Не надо. — Игорь прошёл в комнату, тихо прикрыв за собой дверь.

— Видать, случилось чего, — обратилась женщина к старику. — Сердцем чувствую.

— Милые бранятся — только тешатся, — проронил свёкор. — Сами разберутся. Не мешай.

Шли дни, недели. Игорь и Маруся избегали друг друга. Возвращаясь с работы, парень запирался в комнате, не желая никого видеть. Лишь ночью осторожно выходил во двор, стараясь никого не разбудить. Присаживался на завалинку, подолгу глядел на луну. Похудел. От улыбки, что всем так нравилась, простыл и след.

— Неужто и в самделе беда в дверь постучала? Ишь! — тревожился старик. — Юбовь, юбовь... Никуда в эти годы от тебя не скроешься.

Наступили последние дни лета. Мать, беспокоясь за сына, не находила места. Много раз пыталась поговорить — не удавалось. Парень уваливал от беседы, прятался, уходил в себя.

И всё же разговор состоялся. Игорь топил баню — бежать с поленьями в руках было некуда.

Мать подала чистое бельё, присела рядом.

— Пошто нагнетаешь себя? — как можно мягче спросила она. — Раздули из мухи слона. Теперь страдаете оба. Зачем? Кому что хотите доказать?.. Видела её давеча. И на ней, бедняжке, лица нет. Ни к чему хорошему молчание ваше не приведёт. Пойми это.

— Не надо, мама.

— Деда он послушал!.. А сердце слушать не желает. Гляди! Упустишь счастье. Взмахнет в небо, и не воротишь. Коли любишь, борись. Всеми силами. Слышишь? Не поддавайся

капризу детскому... Её тоже понять можно. Это я в её годы с одной работы на другую бегала. До фамилии мне тогда было ли?

Парень вздохнул:

— Не так всё просто, как кажется.

— Жизнь не прямая дорога. Пойми это. Будут и изгибы. И трещины будут. Не одну шишку набьёшь ещё... Всё, милый. Детство кончилось. Учись преодолевать трудности. Не опускай руки. Ко всему будь готов.

Игорь отвёл взгляд в сторону. Сердце больно кольнуло. Припомнились обидные слова, что наговорил Марусе. Сделалось мерзко. Он взял бельё и молча вошёл в предбанник.

— Молодые вы... и глупые, — донеслись в спину слова матери.

Игорь присел на лавку, прислонился виском к бревну. Мысли терзали душу. Упрямство и боль вели борьбу, причиняя новые муки. Юноша глянул на ладони, сжал кулаки. Наконец разделся и вошёл в баню.

Женщина воротилась в избу.

— Ну... разобрались? — спросил старик.

— Если и дальше так пойдёт, свадьбе не быть.

— О как, — поднял брови свёкор. — Передумал?

— Вы же видите, как он страдает. Зачем так? Ладно бы избранница была непутевая. Можно понять. Но... на глазах выросла. Слова худого сказать не смею. Люблю как родную.

— Да, да, — соглашался свёкор.

— И подумать нельзя было, что так произойдёт. А всё гордость. Детская гордыня в душе разыгралась. После локти кусать будут и в подушку плакать. Наперёд знаю, — сетовала женщина. — Люди измены прощают, а здесь... Пустяшное дело, а разобраться не в силах. По разным углам прячутся. Не иначе и есть что дети.

— Дело, может, и не пустяшное, как кажется на первый взгляд, — не согласился свёкор.

— Я вас умоляю. Счастье ребёнка мне дороже всего на свете... Пойду к ней сама. Поговорю. Поймёт. Неужели не поймёт? Во всём разобраться можно, если постараться.

— Не спеши, — остановил старик. — Сам наведуось.

— Сами?

— Помирить, конечно, надо. А то... случись чего, на меня же всех собак после спустит. Мы, Мартышкины, такие: коль обиду затаили — это надолго.

Старик застал Марусю у околицы. Девушка бегала на луг, носила пастуху Еремею обед.

— Добрый день, Арсений Игнатьевич, — поздоровалась девица и робко отвела взгляд в сторону.

— Здравствуй, милая, — кивнул старик. — Совсем навешать перестала. Али забыла вовсе?

Маруся растерялась, с испугом подняла глаза:

— Неужели причину не знаете?

— Отчего же. Знаю. Да только... повод ли это? Скажи. К такому благородному шагу пришли!.. Семью завести решили... И вдруг на тебе... Околесица такая.

— Ну, как же... — замялась девица.

— Ответственность! — перебил старик. — Вот что на первом месте вопреки всему должно быть. А вы?.. Седину мою позорите. Родителей срамите. Дело это?..

— Извините.

— Игорьку тоже ить... что?

— Что? — тихо переспросила девушка.

— Обидно, — выбрал слово старик. — Поди тоже живая душа. Всё понимает. Всё чувствует. Страдает. Ночи не спит. Луной любитесь.

— Зачем — луной?

— Пошто мне знать, — пожал плечами старик. — Как любовь запоёт, тут вы и стихи писать, и на луну глазеть горазды. Молодцы. Гори всё синим пламенем, и с места не сдвинемся. Все нас бросили, никому мы не нужны. Одни-единёшеньки.

Маруся промолчала.

— В мои годы этакое безобразия не было. В любовь не играли, — сказал старик. — Помню, спросил Евдокию прямо: пойдёшь? Пойду — ответила. И ничего лишнего. Трудились не покладая рук и жили душа в душу. Сорок два года прожили и слова дурного не сказали друг другу. А ить тоже, как и вам, двадцати годков не было. А вы... Хуже детоньки малого ведёте себя. Не стыдно?

Маруся опустила глаза.

— Ты, милая, одно пойми. Не имя красит человека, а его поступки, — поучал старик. — Каждая фамилия — род человеческий. Память предков. История не одного поколения. И вычеркнуть из памяти, отказаться от неё не дозволено никому. Прадед Игоря с фамилией этой на фронте воевал. День и ночь гитлеровских захватчиков бил, не щадя сил своих. На танк с гранатой бросился. Звезду героя получил... посмертно. И вдруг на тебе... Неужто парню не обидно? Узнать от любимой, что фамилия его, оказывается, не достойная. Не то что обида — злость возьмёт.

— Так ведь и он дразниться стал, — заступилась за себя Маруся.

— Это что за новость ещё?

— Аристократка, говорит. Раскулачить надо.

Старик по-доброму улыбнулся. Снял кепку. Почесал лысый затылок.

— Н-да. Обидеть человека ума большого не надо. Думается мне, что оба вы молодцы. Оттого и стыдитесь друг друга. Одно пойми. Дурной язык острее лезвия. Хоть сто фамилий поменяй, а народ всё равно Мартышкиной величать будет. Все оскорбления идут не от доброго сердца. Дураков слушать — себя не уважать. Юбость! Вот что оберегать нужно. А там и счастья не упустите.

— И как быть? — тихо спросила Маруся.

— Мириться. За тем и пришёл.

— Отчего же сам не идёт? Все вечера у калитки просидела. До утра в окно гляжу, а он... — Девушка опомнилась: — Так вы хотите, чтобы я?.. Но... первая... Тоже... поймите меня правильно.

— Здесь правда твоя, — согласился старик. — Ты вот что: с первыми сумерками ступай к мостку. Игорёк тоже явится. Там и поговорите.

— Вы ему..

— Ничего не скажу. Не бойся. Мало ли зачем тебя к реке занесло вечером. Отраженьем любишься.

Девушка улыбнулась:

— Придёт? — тихо спросила.

— Никуда не денется. А не пойдёт, самолично прутом погоню.

Маруся обняла старика, крепко прижала к себе:

— Спасибо огромное, Арсений Игнатьевич!.. Спасибо, родненький.

— Ну, будет. Будет тебе, — зарумянился старик. — Ступай с богом.

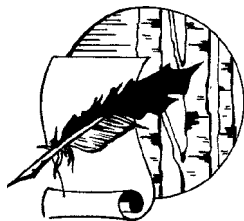
— Побегу?

— Поспешай не торопясь.

Девушка ещё раз обняла старика и быстро зашагала в гору, где виднелась улица. Старик, глядя ей вслед, улыбнулся:

— Эх, юность-юность. Юбость... юбость, — и не спеша направился следом.

с. Дивеево Нижегородской обл.

Василий КИЛЯКОВ

И ДОЛОГ ДЕНЬ, КАК ВЕК

СОЛОВЬИ

Поют любовь ночные соловьи —
то весело, то радостно, то грустно,
рифмуя сердцу: «Милые мои...»
и отдаваясь песне безыскусно.

Всё движется, меняясь вновь и вновь —
и только соловьи над лунным полем
поют всё ту же Вечную Любовь
и тех, кто ею так счастливо болен.

Они поют разлуку той княжны,
что выплакала очи от печали,
о девушках, что были так нежны
и с поля брани воинов встречали...

Они поют о скорбных матерях,
о дочерях, что, сна не зная сами,
отцов дождались с рушником в дверях
и омывали раны им слезами.

И вот поют, поют они опять!
О той Любви, что смерти не повинна.
О тех словах, что прошептала мать,
в последний раз обняв за плечи сына.

О наших русских женщинах, о них:
о каждой порознь, и о всяких вместе,
вверяя им свой соловьиный стих,
что незабвенно каждой нотой — честен.

Пусть никогда не вспрынут те года,
свои ряды не обновляют роты...
Пусть снег, пусть гарь —
но только б никогда
нам наших жён не потерять заботы.

Страна моя! Ты от истока к устью
цветешь — сквозь кровь,
сквозь жаркие бои...
Непобедима Русь,
когда над Русью
поют Любовь ночные соловьи!

* * *

Я присмирел... Ни дать, ни взять —
старик: хладеет кровь...
И ни найти, и не понять:
что жизнь, и что — любовь?

И, все конюшни обойдя,
не кован я пришёл.
А молодые вслед глядят,
и ждёт с ножом прасёл...

А осень (видел я один)
прошла янтарным днём,
сливаясь с пламенем осин
и растворяясь в нём...

Ты сбереги меня, огонь
последних лет моих!
Что Вятка мне, что Оболонь —
ни добрых нет, ни злых.

В одном огне мы все горим,
и это ль не грешно:
горбатого горбом корить,
гремять пустым горшком?..

Больница...
Жизни тишина,
и — осень за окном.
Янтарная взошла луна...
О чём же я, о ком?..

* * *

...И вдруг — до боли: было, было, было!
В ветру захлёбывалась рожь,
и так же небо бесприютно плыло,
и так же тело чувствовало дрожь.

И так же я,
весь вымокший до нитки,
когда-то, у истока светлых дней,
весь под дождём, спеша,
входил в калитку
святой и грешной родины моей!

ПОБЕГ

Средь бела дня цыганит мне сорока,
и опрометью мчатся поезда.
Стрясётся вдруг: всё брошу я до срока,
еду вдаль, уеду навсегда!

На кой мне ляд простор России нашей,
и грубость нежная хмельных моих друзей,
собак голодных стаи, и шабашки,
и мавзолей, и Ленина музей...

Люфтганза, Боинг, Шонефельд... таможня.
Потом — иноязычья маета.
У немцев всё изысканно, но сложно:
кладбищенская душист чистота.

И за неделю — вдруг предельно ясно:
в чужом дому и брага не сытна.
И от себя не убежишь — напрасно!..
Калина горькая — чужая сторона!

Проснусь в ночи — помятый, некрасивый,
такой, как есть, каким останусь впредь...
И вновь пойму, что я люблю Россию,
в которой счастье — жить и умереть.

ПАМЯТНЫЙ ПОКОС

Извечной грусти полон зов кукушки,
и шапки пламени, и писк ольхи в костре,
и кислый квас из оловянной кружки,
и дальний окрик дружных косарей...

Как в этой зорьке ветрено и зябко!
Всё больше дел, всё меньше — сил и слов.
И долгий-долгий взгляд кухарки с тряпкой,
и сладкий пар вскипающих котлов...
Совхозные за речкою покосы,
и жеребёнка с маткой росный бег..

Кухарка — девочка.
Мы счастливы и босы.
И долог день,
как век.

ТЁЗКЕ-ВАСИЛЬКУ

Цвет милый, синий, васильковый,
скажи, откуда ты?
Какого отчества и кровя
твоя родня — цветы?

И вновь иду привычной ранью
во ржах тебя сорвать.
Как это радостно и странно:
цвести, существовать...

А человек — он схож с тобою:
любовью к белу дню,
любовью к солнцу, к непокою,
ко влаге на корню...

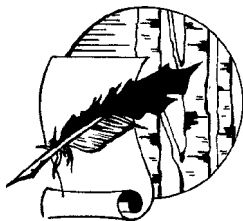
Зачем рождён я человеком,
не знаю я и сам.
Как ты, я в землю врос навеки —
а тянет к Небесам...

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Растаял снег, в лесу просторно.
Высокая сосна глядит во все концы.
В живой тени, раскинутой узорно,
звонят пичуги, словно бубенцы.

Там — расцвели в лещине верболозы,
здесь — лось ходил, оставил шерсти клочок...
И ослепительно — под солнцем из берёзы
стекает сок в пробитый котелок.

г. Электросталь Московской обл.

Валерий ЛАТЫНИН

К 70-летию поэта

ГРАНИЛЬЩИК СЛОВ

ВСЮ ЖИЗНЬ ЧЕГО-ТО ЖДУ

Всю жизнь чего-то жду от почтальонов,
От дней грядущих, теленовостей...
Один из очень многих миллионов,
По существу, не выросших детей.

Мир — стройплощадка. Каждый здесь — строитель.
Что сам построишь, в том и проживёшь.
Но в чередѣ предвиденных событий
Интуитивно всё же чуда ждѣшь.

ПАМЯТИ МИХАИЛА АНИЩЕНКО

Заплакать бы всем русским о потере
Последнего в России соловья,
Иль траур объявить, по крайней мере,
Когда такие гибнут сыновья!

Но тишина. Лишь близкие поэты
С трудом преодолевают боль души
И всё не верят, что на этом свете
Он больше ничего не совершит,

Не потрясѣт устои и каноны,
Пронзительной строкой не ознобит.
Имевший Божий дар для миллионов,
Он глухотой Отечества убит!

ГРАНИЛЬЩИК СЛОВ

Гранить слова, друг к другу подгонять,
Уподобляя дивным самоцветам...
Такое счастье в жизни испытать
Не всем дано, а только лишь поэтам.

Весь мир иным богатством увлечён —
Он думает о прибыли, о вкладе.
Поэт в корыстном обществе смешон,
Но с промыслом Господним не в разладе.

НЕ НАПОМИНАЙТЕ...

Не напоминайте про усталость.
Устаю, конечно, устаю.
Только, сколько б жизни ни осталось,
Я её в безделье не солью.

Не по мне — пустое прозябанье.
Охи-вздохи — тоже не по мне.
Жизнь прожить хочу не на диване,
А, как русский витязь, — на коне!

СКИФСКАЯ РЕКА

Дон — по-скифски — вода.
Я возвращён этой скифской рекой.
Возвращаюсь сюда
Каждый год на свой берег родной.

Уж не тот сельский быт.
Всё и всех изменяют года.
Я почти здесь забыт.
Только тянет и тянет сюда,

Чтоб увидеть свой дом,
Чтоб родных и друзей навестить,
Чтоб о чём-то своём
У могилы отца погрустить...

Вольный ветер в степи
Гладит волосы отчей рукой.
Здесь мой род древний спит,
Став землёю и славой донской!

СЧАСТЬЕ — ДАР НЕБА

Н.Л.

Какие б ни грозили холода,
Каким бы грузом годы ни давили,
Ты для меня — мой свет в окне всегда,
Дающий вдохновение и силы.

Устану ли от бесконечных драм,
Иль душу смутой мыслей измотаю,
Ты всё читаешь по моим глазам,
Поговорим, и беды отступают.

Не затухает чувственный очаг,
Какие бы ветра ни бушевали.
Немало было в жизни передраг,
Мы вместе их всегда переживали.

Разумная и верная моя,
Мы венчаны одной с тобой судьбою!
Её подарок — наши сыновья,
Дай Бог не разминуться им с любовью,

И на земле дар неба отыскать,
Идти сквозь жизнь счастливою дорогой!
Ведь брак скрепляет вовсе не печать,
А ощущение милости от Бога!

ТАК КТО ЖЕ МЫ?

Кровавые сюжеты давят душу.
Свихнулись сценаристы на крови.
Так просто мир, доставшийся нам, рушить
И не под силу — строить на любви.

Так кто же мы: разумные создания,
Чтоб связь со всей Вселенной осознать,
Иль штрафники, заложники изгнания,
И не отмыть нам Каина печать?!

БЕСПОКОЙНЫЕ МЫСЛИ

И хотелось бы думать о чём-то ином,
Созерцая красоты природы,
Но осколки войны долетают в мой дом,
Бьют по нервам в течение года.

И душе не до шёпота нежных берёз,
Не до розовых красок заката,
Будоражит её эхо пушечных гроз,
Что звучат непрерывным набатом.

Тянет дымом и гарью с донбасских полей —
Непокорного русского края,
Где дружины отважных российских парней
Европейскую спесь укрощают.

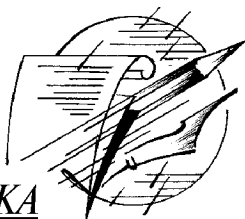
К ним спешат беспокойные мысли мои,
А слова ополчаются в строки,
Чтоб с бойцами вести за Россию бои,
Приближая победные сроки.

И пока не расцвёл над Москвою салют,
Знаменуя итоги сражений,
Добровольцами
думы идут и идут
В поэтическое ополчение.

Редакция «Молодой гвардии» сердечно поздравляет давнего нашего автора и друга Валерия Анатольевича Латынина с 70-летним юбилеем! Желаем ему неиссякаемой поэтической энергии, крепкого здоровья и новых успехов на литературном поприще и в благородной деятельности по продвижению в мир Русского слова!

СТАЛИН ПОКАЗАЛ ВЫХОД ИЗ ТУПИКА

Споры о Сталине не утихают. Более того, несмотря на 30 лет антисоветской и антисталинской пропаганды, уважение и интерес к Сталину растет. И та молодежь, которая выросла за последние годы, люди 20—30 лет, люди, которые выросли уже после Советского Союза — они всё чаще обращаются к фигуре Сталина, причем обращаются со знаком плюс. Ну и, естественно, альтернатива — это кампании десталинизации, которые контрпродуктивны, которые значительно больше способствуют популяризации Сталина, чем что бы то ни было. Поэтому имеет смысл поразмышлять о том, грубо говоря, кто друзья Сталина и кто его враги. За что ненавидят Сталина на Западе и у нас, и чего хотят те люди, которые выставляют Сталину оценку плюс. Ведь когда несколько лет назад была такая шоу-программа «Имя России», Сталин долгое время лидировал. В конечном счете, он оказался на третьем месте. Я в это абсолютно не верю, там лидером оказался Александр Невский, фигура абсолютно несопоставимая со Сталиным. Потому что те задачи, которые пришлось решать Сталину, несопоставимы

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

с теми задачами, которые решал Александр Невский, и по итогам тоже.

Что такое запрос на Сталина сегодня? Прежде всего это запрос на социальную справедливость, на то, чтобы вор сидел в тюрьме. Помимо социальной справедливости, это запрос на державное величие, на то, чтобы никто не рассказывал нам, какая у нас должна быть ювенальная юстиция, как мы должны воспитывать детей, и западное общество, которое залито гноем порока, не учило нас, как нам себя вести. Это вторая вещь помимо социальной справедливости.

Ну и, наконец, для многих людей это такой в общем плане реванш, реванш за 30 лет наших проигрышей на международной арене, реванш в смысле социально-психологического ощущения. Люди вспоминают сталинскую эпоху и при всех ее издержках. А у какой эпохи нет издержек, когда говорят, что, например, какой ценой строился Советский Союз. А какой ценой построены Соединенные Штаты? А какой ценой построена Британская империя? Кстати, когда Черчилль задал Сталину вопрос «что для вас самое тяжелое было в истории Советского Союза?», он сказал: «Самыми тяжелыми годами были годы коллективизации, потому что за короткий срок нужно было решить очень много проблем». Что такое коллективизация? Это раскрестьянивание. Если посмотреть, как решался этот вопрос в Англии XVI века, там он был куда более тяжёлый. В процентном отношении там такой был выкошен процент, который нам просто не снился. Иными словами, запрос на Сталина — это запрос на достойную и справедливую жизнь.

Интересно посмотреть, а кто же десталинизаторы, кто ненавидел и ненавидит Сталина в Советском обществе? Во время жизни Сталина у него были оппоненты с двух сторон. Первые — это те люди, которые считали, что Сталин предал дело мировой революции. Это были сторонники троцкистского проекта «мировая революция». По их мнению, Сталин предал этот проект. В чем-то они были правы, потому что Сталин действительно ликвидировал проект «мировой революции», вместо него стали строить «социализм в одной отдельно взятой стране». Т.е. это преемственность по линии царская Россия — Россия Советская. И перелом этот произошел в 27—29-х годах, а уже в 36-м году были первые результаты. Напомню, что в 36-м году появились термины «советский патриотизм», «Советская Родина», в 36-м году восстановили празднование Нового года с елкой, только это была уже не рождественская елка, а новогодняя.

Иными словами, Сталин соединил дореволюционную Россию самодержавную и Россию послереволюционную, он осу-

шестьвил эту смычку. И те, кто выступал с позиции мировой революции, считали его предателем и врагом, т.е. левые глобалисты. И вот в этом плане они совершенно совпадали с Западом, для которого мировая революция нужна была только с одной целью — упразднение национальных государств и создание Европы и Мира как «Венеция размером с Европу и мир». Кстати, очень интересно, в 1930 году Ялмар Шахт, аргументируя, почему финансисты должны поддержать приход Гитлера к власти, говорил, что он сломает национальные государства в Европе, и мы получим «Венецию размером с Европу». План стал реализовываться, когда в 29-м году Сталин выслал Троцкого из СССР, т.е. поставил окончательный крест на проекте мировая революция.

С конца XIX века в мировой политике и мировой экономике начинается противостояние принципов — глобалистского и имперского. За глобалистским принципом стояла Великобритания, со временем к ней присоединились Соединенные Штаты Америки. Речь шла о создании глобального рынка, где перемещению товаров и прибыли никто не препятствует. На пути создания и реализации этого глобалистского проекта стояли крупные империи. Прежде всего это Германская и Российская империи, а также Австро-Венгерская и, в меньшей степени, Османская. Они контролировали свое политическое и экономическое пространство, и это, естественно, мешало тем, кто хотел глобального рынка, кто хотел, как европейские финансисты, «Европу без границ», то есть Венецию размером с Европу.

Собственно, одна из главных задач Первой мировой заключалась в том, чтобы на месте крупных империй создать мелкие национальные государства, с которыми было бы очень легко управляться. Так оно и вышло. Надо сказать, что этих своих планов глобалистская элита и не скрывала — в конце XIX века в английской газете «Truth» («Правда») появился памфлет под названием «Сон Кайзера». Кайзер проиграл, едет в поезде в Англию, где будет жить в рабочем доме. И он смотрит на карту, где вместо Германии — мелкие национальные государства, на месте Австро-Венгрии — мелкие национальные государства, а на месте России — пустыня.

Иными словами, то, что произошло после Первой мировой, это была отчасти победа вот этого глобалистского плана, но, как оказалось, не во всем, поскольку большая система под названием «Россия» в то время оказалась не по зубам большой системе под названием «капиталистический мир». Интересы этой большой системы — России — выражал Сталин и те силы, которые его поддерживали. Сталин сорвал на

тот момент планы глобалистов, причем не только глобалистов правых — финансовых воротил современного мира, но и глобалистов левых — коминтерновцев. Показательно, что уже в середине 1920-х годов Г. Зиновьев, «третий Гришка» российской истории аргументировал необходимость снятия Сталина с должности генсека тем, что того «не любят в Коминтерне», а одним из главных критиков Сталина в 1930-е годы был высокопоставленный коминтерновский функционер О. Пятницкий.

Итак, это одна линия неприятия Сталина у нас в стране. Вторая линия прямо противоположная — это те люди, которые были ориентированы на сверхпотребление. Сверхпотребление не вообще, а сверх той нормы, которая им полагалась. Мы прекрасно знаем, что номенклатура — это господствующая группа без собственности, а разные слои номенклатуры отличались друг от друга объемом потребления, т.е. это было ранжированное иерархическое потребление. Ну и естественно, каждая группа хотела потреблять больше, чем им положено по статусу — это во-первых. А во-вторых, такая группа стремилась закуклиться и стать закрытой. Сталин всю жизнь этому противостоял. Он пришел в бешенство, когда в 41-м году узнал, что те чиновники, которые уехали в Куйбышев, решили для своих детей устроить спецшколу, чтобы они, не дай Бог, не путались вместе в одной школе с детьми рабочих. Сталин пришел в бешенство, сказал «проклятая каста». И, собственно, он и боролся против этой проклятой касты, не давая ей превратиться в класс. И когда Сталин сказал свою знаменитую фразу: «По мере строительства социализма и приближения к нему классовая борьба будет обостряться» — он имел в виду не кулаков, не те классы, которые ушли, он имел в виду опасность превращения в класс номенклатуры. И, как мы видим по перестройке, он как в воду глядел. Мы получили тот слой, который превратился в класс собственников, разменяв власть на собственность.

Иными словами, Сталина ненавидели две группы, которые противостояли друг другу. Условно говоря, троцкисты и бухаринцы. И поэтому один из процессов 37 года, на первый взгляд, кажется странным. Троцкий — левый, Бухарин — правый, какой здесь смысл? Но это диалектика, и Сталин, отвечая на этот вопрос, очень четко зафиксировал. Диалектика: пойдешь направо — придешь налево, пойдешь налево — придешь направо. И те, и другие не принимали сталинизм, но по разным причинам. Для одних, для бухаринцев, — это был курс на потребление, на превращение номенклатуры в класс, для других — это мировая революция. Что у нас про-

изошло после 56 года? В 56-м году дети и тех, и других были самыми главными обличителями Сталина, и эта линия на потребление восторжествовала в 61-м году, и она нанесла еще более страшный удар по социализму, чем доклад Хрущева о культе личности. В новой программе КПСС в 1961 году было зафиксировано, что главная задача КПСС — это способствовать удовлетворению растущих материальных потребностей советских граждан. Социализм стали измерять в категориях, почерпнутых совсем из другого общества, из капиталистического. Антикапитализм, таким образом, капитулировал. И, кроме того, здесь ловушка была такая — раз мы теперь всё измеряем в материальных потребностях, основная масса людей смотрит на номенклатуру, как они живут, значит «поганец» свои материальные потребности решил, а мои — нет. Т.е. это была такая двойная ловушка.

Да, Сталина ненавидело и ненавидит номенклатурное ворье. Ведь те люди, которые сейчас воруют в особо крупных размерах, понимают, что если будет наведена элементарная дисциплина, то это означает, что их в лучшем случае отстранят, в худшем — посадят в тюрьму. Поэтому наши чиновники вороватые, как только начинается минимальное наведение порядка, кричат: «37-й год! Не позволим вернуться к 37-му году!» Хорошая поговорка — «знает коша, чье мясо съела».

Как продемонстрировала перестройка, вождь оказался абсолютно прав: уже в 1960-е годы сформировался квазиклассовый теневой СССР-2, который в союзе с Западом и упразднил СССР-1 со всеми его достижениями. Но затем заинтересованные слои провернули ловкий пропагандистский трюк: выставили перед населением СССР-2 с его изъянами, растущим неравенством, искусственно создаваемым дефицитом и т.п. в качестве исходной проектной модели СССР-1, которую нужно срочно «реформировать».

Советский номенклатурный либерал — это чиновник, который стремился потреблять больше, чем ему положено по жестким правилам советско-номенклатурной ранжировано-иерархической системы потребления, а потому готовый менять власть на материальные блага, дабы чаще выезжать на Запад. На теневую экономику он смотрел сквозь пальцы, т.к. всё больше сливался с ней в социальном экстазе. В наши дни это называется коррупцией, но к совсистеме этот термин едва ли применим: коррупция есть использование публичной сферы в частных целях и интересах. В том-то и дело, однако, что в совреальности не было юридически зафиксированного различия между этими сферами, поскольку не было частной сферы — «всё вокруг колхозное, всё вокруг моё».

Речь вместо коррупции должна идти о подрыве системы, который до поры до времени (до середины 1970-х годов, когда в страну хлынули неучтённые нефтяные доллары) носил количественный характер. Таким образом, правильнее говорить о деформации системы. Вот эти деформаторы и ненавидели Сталина больше всего, поскольку понимали, что при его или сходных порядках возмездия не избежать; поэтому так опасались они прихода к власти неосталиниста А. Шелепина, поставили на Л. Брежнева — и не проиграли.

Именно при «герое Малой земли» возрос теневой СССР-2 (не теневая экономика, а именно теневой СССР, связанный как со своей теневой экономикой, так и с западными спецслужбами). Но тень при Брежневе знала своё место, выжидая до поры, и с середины 1970-х годов готовилась к прыжку. И при Горбачёве она заняла место хозяина, уничтожив фасадный СССР-1. Реальный СССР в начале 1980-х годов напоминал галактическую империю из азимовской «Академии» — благополучный фасад при изъеденных внутренностях. Только у СССР, в отличие от империи, не оказалось математика Селдена с его планом — у нас был «математик»-гешефтматик Б. Березовский, и этим всё сказано.

Но вернёмся к сталинофобии. Она довольно чётко коррелирует с потребленческими установками, с установками на потребление как смысл жизни. Символично, что один из «ковёрных антисталинистов» заявил в телеэфире: национальную идею можете оставить себе, а мне дайте возможность потреблять. Может ли такой тип не ненавидеть Сталина и сталинизм? Не может. Сталинизм — это историческое творчество, установка на творчество как на цель и смысл жизни. СССР был творческим, высокодуховным проектом, что признают даже те, кто Советскому Союзу явно не симпатизирует. Показательна в этом плане фраза, сказанная бывшим министром образования А. Фурсенко о том, что порок советской школы заключался в том, что она стремилась воспитать человека-творца, тогда как задача школы РФ — воспитать квалифицированного потребителя. Воспитать человека-творца — это и есть национальная, а точнее, групповая идея, поскольку у потребителя нет национальности, главное — корыто, а кто его обеспечит, свои или чужие, — дело десятое.

Символично также следующее. Тот самый персонаж, который требовал для себя «праздника потребления», высказывался и в том смысле, что если земли к востоку от Урала сможет освоить мировое правительство, то пусть оно и возьмёт их. Так потребленческая установка антисталинизма совпадает с глобалистской — это две стороны одной медали. Так

прочерчивается линия от антисталинизма к смердяковщине. Социальный мир антисталинистов — это глобальный «скотный двор», главная цель которого — обеспечивать потребление под руководством и надзором мирового правительства. Сталин трижды срывал строительство такого мира на русской земле, именно за это его и ненавидят антисталинисты. Всё прозаично, разговоры же о свободе, демократии, «советском тоталитаризме» бывших советских карьеристов никого не могут обмануть.

Нынешние попытки отождествить сталинизм с гитлеризмом — тоже очень интересны. Дело в том, что целеполагание определенных кругов западной элиты сегодняшней очень близко целеполаганию третьего рейха — это класс избранных, избранный миллиард, это антихристианство, а вместо него экологизм, сатанизм. Это двухконтурная система управления, т.е. некий орден и какие-то партии, а за ними стоит черный орден СС. В этом отношении третий рейх был никак не альтернативой западному проекту — это был в брутальной форме эксперимент установления нового мирового порядка. О новом мировом порядке говорил Гитлер. В 40-м году вышел четырехтомник Герберта Уэллса, «Человек из-за кулисы», который так и назывался «Новый мировой порядок», только в мягкой форме. Там должны были к власти прийти технократы, интеллектуалы и финансисты. Здесь все было значительно жёстче, яснее, брутальной.

И очень интересно: куда делись те люди — психиатры, физики, инженеры — которые работали на Гитлера? Они оказались все в Соединенных Штатах Америки, работая на западный проект. И многих из них, например, Гелена, одного из крупнейших разведчиков третьего рейха, вывезли в Соединенные Штаты в нарушение законов Соединенных Штатов. Иными словами, уже в конце войны была смычка гитлеристов и англо-саксонского истеблишмента. Для чего сейчас понадобилось свести вместе гитлеризм и сталинизм? Сталинизм, сталинский проект, Советский Союз, системный антикапитализм был реальной альтернативой капитализму и глобализму. И нужно стереть память об этой альтернативе. Не должно быть альтернатив у глобализма, поэтому нужно подвести сталинизм под гитлеризм, который не был альтернативой. Одновременно с этим на Западе идет пока еще мягкая, скрытая реабилитация третьего рейха и гитлеризма. Но уже идут разговоры о том, что гитлеризм был более мягкой формой тоталитаризма, чем сталинизм. Поэтому происходит демонизация реальной альтернативы новому мировому порядку — и эта

альтернатива связана со Сталиным, он действительно реальная ключевая фигура.

В феномене, не в личности, в феномене Сталина связаны русская дореволюционная история и советская, и, с другой стороны, мировая линия, линия мирового революционного движения, потому что большевики были частью мирового революционного движения, и советский строй. Т.е. он — ключевая фигура, которая на перекресте всех линий истории XX века. Ясно совершенно, что те, кто хотел стереть Советский Союз должны были начинать со Сталина. Но сегодня нужно помнить, что удары по Сталину — это удары уже не по Советскому Союзу, это удары по России, по нашей истории. Сталин, утверждаю, — ключевая фигура русской истории.

Иосиф Сталин — глава огромной сверхдержавы, оснащенной ядерным щитом, который защищает нашу страну до сих пор. В наши дни появилось очень много работ, в которых дана объективная оценка сталинской эпохе, дана объективная информация, кем был Сталин. Во-вторых, фигуру Сталина оценивают в сравнении с тем, что произошло и происходит в России за последние 30 лет. Эпоха Сталина представляется намного более выигрышной по сравнению с постсоветской Россией. Потому что Советский Союз был сверхдержавой, никто не мог о страну вытирать ноги.

И кроме того, это было общество заявленного социально-экономического равенства. И вот эти два момента — социально-экономический и внешнеполитический, геополитический — выгодно отличают сталинский Советский Союз от постсоветской РФ. Но есть и еще один момент. Люди прекрасно понимают, что мы до сих пор живем на сталинском фундаменте. Ядерное оружие, которое было создано во второй половине 1940-х годов, в начале 1950-х — это фундамент, заложенный Сталиным и Берией. И чем хуже становятся международные отношения, тем больше людей понимают, что с нами не обходятся так же, как к сербам и ливийцами, только потому, что у нас есть это наследие.

То, что Сталин мешал верхушке, — это очевидно. То, что в верхушке назревал с конца 1940 годов острый конфликт, — тоже очевидно. Этот конфликт проявился и был совершенно очевиден во время XIX съезда ВКП(б), на котором ВКП(б) превратилась в КПСС. Аббревиатура «б» — то есть «большевики» — было отброшено. И достаточно посмотреть на поведение Сталина на этом съезде, чтобы понять, что он был недоволен. И неслучайно сразу же после съезда на пленуме он расширил состав президиума ЦК КПСС и расширил пере-

чень кандидатов в члены президиума. То есть он, безусловно, мешал верхушке. У меня нет никаких сомнений, что Сталину помогли умереть. В этом была заинтересована часть партаппарата, и здесь ее интересы совпали с интересами наших геополитических противников. Ведь не случайно с конца 1940-х годов англо-американские спецслужбы создали совместную спецгруппу, которая называлась *How To Make Stalin's Passing* — то есть «Как сделать так, чтобы Сталин ушел».

У истории есть сослагательное наклонение. Плохие историки говорят, что его нет. У истории всегда есть несколько вариантов развития. И говорить, что у истории нет сослагательного наклонения — это значит полностью отрицать многовариантность истории и сводить ее к жесткому детерминизму и исключать проблему человеческой воли, субъекта, наконец случайности. У истории всегда несколько вариантов. Сталин, безусловно, решил бы проблему с преимуществом. Во-вторых, он, по крайней мере, выдал из президиума то, что до этого и потом при Брежневке называлось «политбюро».

Дело заключалось в том, что Сталин вел уже неравную борьбу. Номенклатура за время Великой Отечественной, пока она была избавлена от чисток, сформировалась, по сути, как квазикласс. Кроме того, партийные структуры проросли в хозяйственные. Неслучайно в 1946 году принимается постановление о недопустимости взятия на себя партийной структурой хозяйственных функций. Сталин бился не просто со своим ближайшим окружением, не с какими-то конкретными людьми, он бился с целым слоем, который постепенно перерождался. И в этом отношении надо сказать, что страхи Сталина и опасения Троцкого — двух врагов — оказались верными.

Троцкий в конце 1930-х годов уже откровенно писал о перерождении советской бюрократии в квазикласс и говорил об опасности перерождения его в буржуазию. Сталин называл эту группу «проклятой кастой», но он считал, что чистками и подтягиванием рабочего класса эта проблема будет решена. И он прекрасно понимал опасность того, что по мере приближения социализма классовая борьба будет усиливаться. Он имел в виду опасность перерождения бюрократии в буржуазию. И горбачевщина и ельцинщина показали, что он опасался правильно, это и есть обострение классовой борьбы в ходе построения социализма.

Нам нужен институт Сталина, который изучал бы сталинское наследие. Как теоретическое, так и практическое. Институт Сталина должен изучать несколько вещей, он должен

изучать сталинскую эпоху, во-вторых, сталинское наследие с точки зрения места его в марксистской мысли и русской мысли. На базе этого центра можно было бы проводить конференции, посвященные не только Сталину, но и сталинской эпохе. Кроме того, этот центр мог бы выступать как барьер против очернения советского периода нашей истории. Сталин, конечно, не был ангелом, но он не был и демоном. Нам нужна беспощадная правда о самих себе, о Сталине и сталинской эпохе.

Я думаю, что если России суждено сохраниться и пройти через бутылочное горлышко кризиса ближайшего десятилетия, то памятники Сталину будут стоять не только в Москве. Они будут стоять во многих городах — инициатива будет исходить не только сверху, но и снизу. Ну а памятник Сталину — это не просто постамент победителю во Второй мировой, для нас более важна Великая Отечественная, это будет памятник величайшему деятелю русской истории.

Мир вошёл в очень-очень острый кризис, это кризис конца капиталистической эпохи. К сожалению, в истории очень часто побеждает наихудший вариант. Готовиться всегда нужно к самому плохому, как готовился Сталин в 1931 году — к 1941 году. Он тогда сказал, что если мы не пробежим за 10 лет тот путь, который западные страны пробежали за 100, — нас сомнут. Через 10 лет, действительно, началась Великая Отечественная, и мы за 1930-е годы действительно пробежали очень быстро свой путь. В 1937 году Советский Союз добился военно-промышленной автаркии от капиталистического мира. Сейчас ситуация аналогичная, только она, пожалуй, острее, потому что нынешняя Россия слабее Советского Союза 1930-х годов. Причем слабей не только в материально-техническом плане, но и в идейно-политическом, в идеологическом.

МОРОК

РАССКАЗ

На дворе разгар Филиппова поста. В нашенской местности в эту пору должны бы набирать силу декабрьские трескуны. Но вот поди ж ты! А ведь ещё пращурь декабрь месяц студнем прозывали. Видимо, в молодые лета на Руси так и было — декабрь лютовал. Нынче же чуток прищипнули холода на Екатерину Санницу, погрозились мало-малешки на Андрея Первозванного и — как корова их языком слизала. На излёте месяца, когда и до Рождества-то рукой подать, нежданно-негаданно небесная чумазая ветошка, занавесившая раскинувшуюся было в морозы голубень, пыхтела-пыхтела, тужилась-тужилась, но так и не сдюжила — продырявилась, и вот уже третий день как прорухивается из всех её незалатанных щелей наземь то сырой, гаденький снег, а то в очерёдку и вовсе проливенный ознобкий дождь.

Может, и всё бы ничего, но к этой сопливости напросился в сотоварищи ветер. Кто испытал на собственной шкуре, не даст соврать: мокрый, к тому же северный свистун — это вам уже не фунт лиха, а целый пуд, или, коли осатанеет он до беспреде-

ПРОЗА

ла, может статься, обернётся и вовсе, как сказала бы моя бабуля, берковцом.

Морок этот настолько прополз, проник во все закоулки двора и округи — упаси Божечка, прокрадётся в душу! — что начинаешь невольно сомневаться: а перебедаешь ли вообще эту непогоду? Объявится ли, проберётся ли когда-нибудь сквозь эту морось и стынь солнце?

В комнатах темень непроглядная — как тут быть? — я без света прям-таки задыхаюсь. Брожу в полумраке, словно в каком-то потустороннем мире, сомнамбула сомнамбулой. А ворох начатых дел, заваленный черновиками стол не позволяют прохладиться. И потому все настольные лампы и торшеры полыхают с утра до вечера. Кофеварка же, то ли набивая себе цену, то ли притворяясь из вредности или просто из-за усталости начинает отлынивать от своих обязанностей, устраивает кухонные скандалы: плюётся и чихает на все мои дела, на то, что в эту сонливую погоду я без её помощи, как без рук.

К тому же совершенно не позволяет работать кот: только я за стол, он прокрадывается ко мне на колени и, угревшись, умудряется заводить в это грустное время такие переливистые, тягучие, напоминающие старинные песни, мурлы, что сбивает меня с мысли, и я невольно начинаю прислушиваться к извечным мотивам его племени. Пробовала: даже если этого лежебоку выпроводить со своих колен, он всё равно пристроится где-нибудь невдалеке — или уляжется, словно на печку, на разогревшийся от работы принтер, или заползёт под пуховую шаль, что оставила я в кресле. Когда хлещут по стёклам ветки сирени, когда порывами ветра швыряет пригоршни ледяных капель, толстопятый трус только подле меня и может предаваться своему излюбленному занятию — просматриванию гастрономических снов.

Все стёжки и тропинки, сикось-накось натоптаные после снегопадов, что обильно просыпались было за неделю до солнцеворота, смыло, словно их и вовсе не бывало. Кроме, будто и не река, а какой-то простуженный, изголодавшийся дикий зверь, пережёвывает в своей утробе слегка сдобренную, присоленную щепотьями снега у тростниковых берегов густящую, схожую с помоями бурду.

Наохлившись воробьи и синицы попрятались под стрехи. Сшумнут на сенной стог, что шапкой-мамайкой обронился за старым амбаром, пошныряют меж волглых, но всё ещё дышащих июньскими зорями былинки, почупахаются в просыпавшейся у подножия копёшки мякине, чуток, значит, подкормятся и скорёхонько восвосяи. Видимо, своего

воробыиноного гриппа пугаются. И только приладившимся в последние тёплые зимы не улетать на зимовку галкам да воронам нипочём — бродят себе промокшими головешками по почти обеснеженному просёлку в поиске добытка, переговариваются, копошатся в оброненных проехавшими саниами соломенных хоботьях.

В такую мокрень на улицу малочисленные жители округи тоже особо не высовываются, разве что по великой нужде. А какая такая на хуторе в эту пору нужда? Коли сподобился запастись продуктами, так уж лучше переждать, пока снова погоды войдут в свою привычную колею. Тогда, выходя за калитку в известный час, можно опять встречать почтальоншу или «вовсе онемевшую от безлюдья», соскучившуюся по человеческой речи тётку Марусю. Правда, последней и десять вёрст — не крик, и распогоды никчёмные — не преграда.

Придёт обычно, расчаёвничается, уж говорит-говорит, не наговорится, так и мелет, так и тарабанит, будто твоя мельница. Ну так ведь сколько не видались, «даже засумливалась, не отсох ли в одиночестве за ненадобностью язык».

Нет, с пустыми руками не приходит. Как же? У нас так не принято. Всё ж таки в гости шла, а потому всегда причепурится — новый подшалок с-подо дна сундуковьего вынет, «а про что беречь-то, какие-растакые у нас туточки праздни-ки?», и о калиновке свойской не позабудет.

Вот и сегодня явилась, к тому же со своей провизией. Только почему-то в чёрном полушалке. Вошла, поздоровкалась, на божничку перекрестилась и прямиком — к столу. Сняла с заплочной палочки завязанную узелком клетчатую шалку, растормошила репушок, вынула заткнутую газетным обрывком поллитру, выставила «люминиевую» миску с мочёной антоновкой, другую — с бочковыми, щедро сдобренными чесночком укропными зонтиками да вишенником дробненькими, что твой советский рубль, рыжиками. Застеснялась, всплеснула руками: вот, мол, и все гостинцы-разносолы.

Улыбаюсь: «Пост же, тётъ Марусь!» А её за просто так не возмёмшь! «Ну, дак постная в бутылки-то, ай сама не ведаешь? — будто невдомёк ей мои слова. — Не из поросятины ж! Мы по маааахонькой, не усугубляя».

И я откладываю в сторону свои задумки, закрываю ноутбук, поскольку, если тётке Марусе понадобилась «живая душенька», если она протопала «с того конца света», из такой же, как наш хутор, опустевшей деревушки в свостоженных специально для такого бездорожья самопальных бурках столько вёрст, с моей стороны было бы даже непрослительно

не уважить старушку. К тому же, что греха таить? Эх, и охоча я до её антоновки! Да и калиновка — тоже не утаю — не раз опробована, могу, не колеблясь, подтвердить: до последней капелюшки как есть постная.

Оглянуться не успеешь, в холодное время, не смотри, что зима дала передышку, — с крыши капают, ближе к вечеру явственно ощущаешь, что пора растапливать: старенький отцовский домишко без мужского догляду всё меньше бережёт тепло, всё больше требуется топли для его обогрева, для поддержания в нём жилого духа.

Я и зиму-то по большей части люблю из-за печки. Особенно вечера. Пощёлкивают полешки, их отблески, словно шустрые золотые зайцы, скачут по полям вылинявших цветастых обоев; озаряют большую застеклённую в деревянной раме картонку, на которой рядком наклеены уже подтраченные временем фотокарточки моих родичей. Чудится, что и они, дорогие моему сердцу, согреваются этой жаркой песней берёзовых дровишек, что всегда вместе со мной прислушиваются к рассказам тётки Маруси: к последним деревенским новостям и сплетням, к былям и небылицам нашей округи; вместе со мной и гостьей смеются простецким радостям, печалуются, когда вдруг закручинится, завсхлипывает тётка Маруся, рассказывая о своих душевных болях.

— А я к тебе нынче припёрлась с такой дали неспроста, — налив по первой, посмурнев, признаётся вдруг ни с того ни с сего старушка, — считай, на поминки притопала... Ить одной как-то не с руки... дак и ты должна тожить помянуть. Помнишь Витьку, племяша мово? Ну? Ещё мальчонкой, как приезжал, к вам со мной заходил?.. А Вовчика Спиридонова тожить знавала? Царство им обоим Небесное!

— Так, тётъ Маруся, постой, постой... ты уж растолкуй сначала, коли к такому случаю нынче пригодились твоя наливка. Что стряслось-то? — ставлю я рюмку, обескураженная таким поворотом дела.

— Дык что, что? Поубивало ребят на Украине... вот и весь сказ... Нетути больше ни Витьки нашего, ни Нинки Спиридонихи Вовчика. Наш-то даже обжениться ещё не успел... Да-а-а... А у Вовки мальчонка годовалай остался... Сиротинка и папку не успел запомнить... Так-то.

Тётка засморкалась, заутиралась. Задумчиво притихла. А я и не торопила. Чего приставать? Сама распахнётся, затем ведь и пришла. Видать, тяжко ей горе в одиночку переносить.

— Нас ведь три кровных сестры, — выдохнув, продолжила старушка. Одна в Калининграде, Тосей звать, другая, Вера,

Витькина мать, значит, в Киеве ещё по девичеству обосновалась. Ну и третья, старшая, буду я, весь век на корню пробедовала. Дочки мои разлетелися за мужьями так далёконько, что незнамо, где обретаются. Ажни в сибирской Сибири. Сам, ты же знаешь, уже пять годочков как на Поповке. Да разишь он тока?.. Степановка наша наушшал опустела, выйду ночью до ветру — окромя мово, ни одного-разъединого окоушка не теплится.

А горе у нас, касатка, нынче большое, прямо сказать, неподъёмное горе... Бывало, спрошу в письме у Верочки: мол, как там Витя-то? А она не очень прописывала: мол, всё у него нормально, только часто в командировки посылают. Я вот думаю, может, и она не знала, в какие-такие командировки сына её посылали?.. А был он у нас военный, по отцу своему пошёл... и тот в своё время служил, значит...

Месяц назад почтальонша пришла, вся сама не своя, рассказывает: мол, в Денисовку Вовчика Спиридонихина с Донбассу в закрытом гробу доставили. Спиридониха так надрывалась, что, кажись, рассудком тронулась — один он у неё, Вовчик-то, был. На Наташку, жену, значит, и смотреть страшно: почернела, хоть самое рядом с мужиком в гроб клади.

Была я на тех-то похоронах... Как не пойти?.. Разишь можно? Народу сошлось, со всей округи! Ох, лучше я тебе рассказывать не стану, а то чичас опять в грудях запечёт... Да, приезжал какой-то при погонах. Дóбро говорил про Вовку. Мол, герой у вас, родители, сын... мол, гордись, Наталья, мужиком своим, а малец в ум войдёт, и ему про папку всё растолкуй: не абы как сгинул, фашиста-нехрестя бил.

Ну и вот, значит... А через неделю опосля тех-то похорон позвонила мне сестрица средненькая, с Украины. Только и сказала: мол, погиб Витя. Хоронили как надоть, с почестями, гроб накрыли украинским флагом, приезжали большие начальники. И, оказывается, у племянника аж четыре ордена было. Тоже речи говорили, мол, герой, Вера Петровна, ваш сын, сам президент Зеленский выражает вам соболезнование... Я так думаю, был наш Витёк на особом счету у командования. Сестра только на похоронах и узнала: оказывается, служил он в десантных войсках. И с четырнадцатого года воевал в самом пекле. В тех-то самых командировках. Так иначе, сама прикинь, откуда бы столько наград?.. Герой, значит... заслужил...

Ну, как бы там не было, а племяша жалко, всё ж таки родная кровь. Да и сестрицу жалко. Это лёгко сказать, а как вынести такое? Не приведи Господь, врагу ведь не пожелаешь детей своих пережить...

Ну, подставила я табуретку, залезла на неё кое-как да выудила из-за образов вузелочек с пензией. Откладывала про чёрный день. И как снова явилась почтальонша, передала ей, даже не развязавши тот-то вузелочек да конверт с Вериным адресом, чтоб поскорейча ей переслала — сестрице сейчас деньги, небось, нужней мово. У почтальонши, знала, какие-то родичи, через каких-то других своих родичей бывают вроде как через Молдавию в Киеве.

Передала, значит, денежку на помин Витькиной души и спустя время Верочке позвонила: мол, крепись, родная, я тута тожить по племяшу переживаю, волнуюсь и за неё. А ещё обмолвилась о том, что недавно была на похоронах Спиридо-нихина Вовки. Вера дружила с Нинкой, Вовкиной мамкой, со школы, по молодости были не разлей водой.

И что бы ты думала? Вера-то ни полсловечка не упомянула, дошли ли мои деньги... Наверно, дошли... Не до них ей было, всё кляла, проклинала сестра самыми последними словами и подругу свою закадычную, и сына её Вовку, которому, кстати, крёстной доводится. А уж какими словами Россию крыла, так я таких заковыристых матюгов и отродясь не слыхивала!..

И о чём мне теперя с ней толковать... коли вообще придётся свидеться? И в ум не возьму... Может, ты, милая, знаешь? Затем-то и шла нынче к тебе... Ну дак помянем ребят, Царствие им Небесное!

г. Орел

АМНЕЗИЯ

РАССКАЗ

Лужинский Вадим среди деревенских мальчишек был лидером. Во-первых, в силу того, что он был старшим по возрасту, во-вторых, ему самому нравилась эта роль, и, в-третьих, он обладал определёнными качествами, благодаря которым мальчишки тянулись к нему. В деревне были парни и старше Вадима, но они с младшими по возрасту не особо общались, потому что считали себя почти взрослыми.

Вадим был пареньком роста среднего, крепкого телосложения, светловолосый. Он был старшим в многодетной семье Якова Ивановича и Анны Прокопьевны. Кроме него в семье было ещё три девочки и мальчик.

Дом у Лужинских — большой: пятистенок с двумя просторными комнатами, и ребяташки часто собирались «у Вадьки», прежде чем идти играть на улицу. Как правило, Вадим сам определял, где сегодня играет вся компания. Чаще всего шли на реку. Летом там купались, причём Вадим всегда придумывал что-то интересное и не всегда безопасное. Так, например, однажды он предложил соревнование «проплыть под

ПРОЗА

плотом». Плот деревенские мужики сколачивали, чтобы жители деревни могли переправляться на другой берег. Для этого с одного берега на другой протягивался металлический трос, закреплялся с помощью вбитых на обоих берегах брёвен и натягивался. На плоту вертикально устанавливался деревянный столб из крепкого бревна, благодаря которому плот не сносило вниз по течению реки (столб упирался в трос и не позволял уплыть плоту). Человек, которому было нужно переправиться на другой берег, заходил на плот, становился рядом с металлическим тросом и обеими руками тянул его на себя, перебирая руками по тросу. Таким образом, нехитрое сооружение передвигалось с одного берега на другой. На таком плоту перемещали не только людей, но и разные грузы, например, даже лошадь с телегой.

Однажды Вадька с пацанами на плоту приплыл на середину реки. Там он разделся, прыгнул в воду, подплыл к краю плота, нырнул под него и вынырнул с противоположной стороны. Влез на плот и крикнул:

— Кто ещё так может?

Мальчишки по очереди прыгали в реку и подныривали под плот. Когда очередной участник скрылся под плотом, Вадим потянул трос и крикнул остальным, чтобы помогли ему. Плот двинулся в сторону, куда нырнул мальчишка. Скорость движения плота и движения мальчишки под водой примерно была одинакова. Тот вряд ли мог обогнать плот, чтобы вынырнуть. Но вода была очень чистая, а деревенский хлопец быстро соображал. Он на секунду остановился, увидел, что плот движется, и вынырнул с другой стороны.

После этого случая мальчишки перестали слепо доверяться всем призывам Вадима, но он по-прежнему оставался заводилой. Мальчишку, над которым так подшутил Вадим, звали Алёшей, но приятели между собой его называли «Писателем», опять же с лёгкой руки Вадима. Лужинский был старше Алёши на четыре года, но это не мешало им дружить. Вадим иногда даже прислушивался к мнению Писателя.

Писателем Алёшку стали называть ещё в начальных классах: когда он пошёл в школу, то был единственным из сверстников, кто знал все буквы и даже немного читал. К тому же он брал в школьной библиотеке книги, предназначенные для учеников старшего возраста, из-за чего учительница Федосья Васильевна иногда высказывала неудовольствие. Он легко запоминал стихи разных поэтов и часто цитировал их. Особенно ему нравилось удивлять окружающих, читая по памяти главы из «Евгения Онегина» или всю поэму «Мцыри» Лермонтова. Уважение со стороны Вадима Писатель за-

служил после одного случая. Как-то Вадим в ненастный дождливый вечер зашёл к Алексею с просьбой пойти вместе в соседнюю деревню к однокласснику Шурке Антонову.

— Зачем тебе Шурка?

— Нам задали сочинение на тему «Лермонтов на Кавказе». Завтра сдавать, а я ничего не написал. Возьму у Шурки тетрадь и перепишу, чтобы особо не париться. Чуть-чуть изменю только.

— Не надо ходить к Шурке. Промокнем оба. Давай я сочинение напишу, а ты своим почерком в тетрадку перепишешь.

— Откуда ты знаешь про «Лермонтова на Кавказе»? Ты же в четвёртом классе учишься.

— У бабушки есть учебники по литературе для старших классов — от моего дяди остались. Я уже прочитал все учебники от корки до корки, многое помню, тем более про Лермонтова. Давай лучше сами писать будем.

Через полтора часа сочинение было написано, Лужинскому оставалось только переписать. Каково же было удивление Вадима, когда его в классе похвалила учительница, сказав, что несмотря на грамматические ошибки, тема полностью раскрыта.

Но иногда Вадька предлагал нечто такое, что не особо нравилось Писателю. Однажды во время летних каникул он позвал Алёшку «собирать крыжовник».

— На пришкольном участке крыжовник созрел. Нам сказали, чтобы в понедельник пришли в школу — собирать его и варенье варить для школьных праздников. А мы с тобой раньше туда наведемся и соберём для себя.

Такая идея была совсем не по душе Алёшке, он сначала согласился, но, придя на пришкольный участок и сорвав несколько ягод, сказал, что кусты очень колючие, и он не будет больше собирать.

— Я пошёл. На реке тебя подожду.

Но Вадька тоже прекратил собирать и пошёл вместе с другом купаться. По дороге он ворчал на Алексея:

— Да, Писатель, с тобой каши не сваришь. Может, тогда у Васьки Максимова огурцов из парника нарвём? У него уже созрели. Я вечером заглядывал, даже сорвал парочку.

— Ты забыл, как он за тобой бегал по всей деревне, когда мы на рождественские колядки у него поленицу дров по улице разложили. Если бы ты за сугробами не спрятался, а потом в поле не убежал, он бы тебе жару задал.

— Так ведь сейчас лето, все на работе, дома у них никого.

— А тебе понравится, если на вашем огороде кто-нибудь похозяйничает?

— У нас огурцы ещё не созрели. Они не в парнике.

— А в городах огурцы и вообще любые продукты можно в магазинах купить.

— Да, в городах другая жизнь. Там пацаны не вкальвают во время каникул в колхозе. И пешком можно не ходить, люди на автобусах и троллейбусах ездят. Я из деревни, как школу закончу, обязательно уеду.

Алексей, будучи мальчиком начитанным, иногда подкалывал своих сверстников, вставляя в разговоре незнакомые для них слова. Однажды, работая на уборке сена в лугах вместе с другими мальчишками, он не совсем удачно подшутил над ними, и его решили проучить.

— Хотим сегодня поколотить Писателя. Совсем зарвался, — сказали они Вадиму. — Надо тёмную ему устроить после работы. Заманим его в лесок и отмутузим. Ты с нами?

Вадиму лидерство терять не хотелось, и он согласился:

— Ладно. Надо только, чтобы мужики и бабы не увидели. А жаловаться он не будет. Но и вы до крови не бейте. Я сам всё организирую.

Через полчаса Вадим выбрал удачную минуту, подошёл к Алёшке и тихо сказал:

— Домой пешком не ходи. Когда работу закончим, садись в телегу моего отца, там место будет, я не поеду с ним. Скажешь, что зубы болят, мочи нет. Иначе пацаны тебя побьют. А завтра всё забудется, а если нет, я улажу.

— Галилео Галилея за то, что много знал, сожгли на костре, а меня всего лишь поколотить хотят. Мельчает общество...

Тем не менее Алёшка послушался старшего товарища и сделал, как тот сказал, а на завтра было много работы, и ребята забыли, что хотели проучить Писателя.

Вечерами мальчишки и девчонки ходили в клуб, в соседнюю деревню смотреть кино. Иногда зимой в метель или в сильный мороз никто не соглашался идти с Вадимом в клуб, тогда он шёл к Алёше, и они вдвоём топали в деревенский клуб смотреть фильм.

После местной восьмилетки Вадим стал учиться в средней школе, которая была километрах в двадцати от дома, поэтому он всю неделю жил в школьном интернате и только на выходные приходил в родительский дом. После окончания школы он поступил в высшее военное училище в Ленинграде. В школе учился на троечки, из предметов хорошо знал только историю, но благодаря настойчивости, с которой он убеждал начальника местного военкомата, и хороших физических данных, ему выдали целевое направление от районного военкомата для по-

ступления в Ленинградское высшее зенитно-артиллерийское училище. Теперь он был курсантом.

Писатель в это время учился в школе, сначала в восьмилетней, затем средней, но дружба их продолжалась. Иногда Вадим присылал Алёшке короткие письма, на которые тот, в свою очередь, отвечал подробными посланиями. Друзья встречались в родной деревне во время зимних и летних каникул. Оба занимались спортом, Вадим спортивной гимнастикой и борьбой, Алексей лыжами и футболом. Вадим всегда нравился девушкам своей распахнутостью и чудачеством, он легко знакомился с ними и быстро расставался. Алексей же был нерешителен с девушками. И Вадим обязывал своих девушек приходить на свидания с подругами, желательно помоложе, чтобы знакомить их со своим другом. Он же проводил с Писателем «теоретические занятия» на предмет, как обращаться с девушками, рассказывая младшему другу, что «надо брать быка за рога» и не смущаться, если девушка откажет, а быть всегда независимым от женских желаний и капризов.

Но этот период у Вадима быстро закончился. Когда он учился в школе, ему нравилась девочка Тоня из соседней деревни. Её все называли Тонька Моряк. «Моряк» — это не фамилия, а прозвище её отца, которое с лёгкой руки одноклассников закрепилось и за ней на всю жизнь. Тоня была скромной и очень симпатичной. У неё были большие выразительные глаза и тёмные длинные волосы. Она знала, что нравится Вадиму, сама была в него влюблена, и когда он, будучи курсантом, стал регулярно писать ей письма из Ленинграда, а приезжая на каникулы, старался видеть её как можно чаще, то все в округе решили, что это хорошая пара, и свадьба не за горами. Теперь, если они шли куда-либо вместе, Вадим на виду у всех держал Тоню за руку, а это, по деревенским меркам того времени, мог делать только жених. Вадим жениться не отказывался, но попросил Тоню подождать, пока он закончит училище. На эту тему он даже с родителями Тони договорился. Она тоже призналась им, что Вадьку любит и будет его ждать. Прошло четыре года учёбы в Ленинграде. Вадим по окончании училища получил назначение в Южный военный округ, и ему, как и всем новоиспечённым лейтенантам, дали месяц отпуска, после которого молодой офицер должен прибыть в свою воинскую часть для прохождения службы. Все полагали, что теперь самое время для свадьбы. Но Вадим не спешил свататься. Тоне он объяснял ситуацию так:

— Ты представляешь, я еду в воинскую часть, в степь, где нет условий для семейной жизни. И потом в предписании, выданном училищем, написано, что прибуду один, как несемейный. Тем, кто обзавёлся семьёй и едет к месту службы с женой, дают другие направления. Подожди немного, начну служить, через год — поженемся.

— Вадим, я ждала тебя четыре года. Мои подруги все замуж повыходили, а ты мне предлагаешь ещё подождать? Надо мной люди смеяться будут. Я тебя люблю, но мы должны определиться, как дальше, вместе или нет. Или ты считаешь, что претендентов нет, чтобы быть моим мужем, то заверяю тебя — ошибаешься.

Вадим знал, что воздыхатель у Тони есть, и он давно был к ней равнодушен, это Василий Перепёлкин, механизатор из соседнего колхоза. Но Вадим решил, что Тоня будет ждать его — ведь любит, а если любит — ещё подождёт. Так он и матери своей ответил на упрёки, что он ставит «девку в нехорошее положение». Анна Прокопьевна выговаривала сыну:

— Не осрамил, понятно, но и чести не добавил. Вот уведут Тоньку, тогда локти кусать будешь.

Но Вадим беспечно проводил свой отпуск с друзьями, которые шутили над офицером:

— Наверное, придётся тебя, Вадим, на аркане вести под венец. Говорят, ты упираешься. А чего? Родители у Тоньки люди не бедные, пообещают нам ящик водки, мы тебя скрутим — и в ЗАГС.

А как-то у сельского магазина Вадим столкнулся с Перепёлкиным. Василий попросил Вадима отойти в сторону и поговорить.

— Чего тебе? — спросил Вадим соперника.

— Послушай, Вадим, отпусти Тоню. Ты зачем её мучаешь? Ни себе ни людям.

— Я её не держу! — вскипел Вадим. — Как вы меня все достали. Забери, если сможешь. А нравоучения оставь, а то ненароком в глаз получишь.

На этом и закончился их разговор. Может, всё сложилось бы по-другому, так как в тот же вечер Вадим решил пойти к Тоне и принять совместное решение. Жениться так жениться. Но пришёл домой с работы Яков Иванович и рассказал, как на ферме его встретил отец Тоньки, который кричал, что он «задавит паскудину парня, как только встретит».

— Не посмотрю, что офицер. Кровью умоется. Девка моя слезами обливается, а он гуляет и посмеивается.

Вадим выслушал всё это и сказал матери:

— Сегодня не пойду. С ума все посходили. Может, завтра.

Но на другой день сестры Вадима прибежали домой запыхавшиеся и рассказали, что вчера вечером Васька Перепёлкин приезжал с родителями в дом Моряка свататься к Тоньке. И она дала согласие. Свадьба через три дня. Пиво уже варят в обоих домах.

Вадим послал сестёр в магазин, чтобы они купили бутылку водки, поднялся на чердак и сутки сидел в одиночестве, заглушая душевную боль водкой и выкуривая сигарету за сигаретой. Потом сутки спал.

Мать, понимая, что ничего изменить нельзя, только вздыхала:

— Эх, Вадька, Вадька, такую девку упустил. Свадьба так скоро потому, что у родителей Тони всё было готово. Они думали, что ваша свадьба будет. А вышло как? Сам виноват.

В день свадьбы Антонины и Василия Вадим пришёл к своему другу Алексею, который в это время тоже приехал к родителям на каникулы уже как студент. Вадим уговорил Писателя пойти вместе в Челпаново, где в первый день свадьбы родственники и гости гуляли в доме невесты.

— Ты мне должен помочь.

— Чем я тебе помогу? Ты что, Тоню украсть со свадьбы хочешь?

— Нет. Я же офицер. Не будем. Мне просто с ней поговорить надо. В последний раз. Надо снять камень с души. У неё и у меня.

Алексей понимал, что это тот самый случай, когда надо быть с другом. Они прошли по тропинке через поле, перешли вброд речку и поднялись на высокий берег — чуть дальше уже стояли деревенские дома. Парни остановились.

— Иди на свадьбу и сделай так, чтобы Тоня пришла сюда. Придумай что-нибудь, — сказал Вадим Анатолию.

— Меня же там сразу побьют Васькины друзья.

— Побьют или нет, это дело десятое. Ты Тоньку приведи. Вопрос жизни и смерти.

Алексей перечитал много книг, в том числе любовных романов, но такой ситуации ни в одном сюжете не встречал. Но другу надо помочь, и он направился к дому Моряка, где шла свадьба. В дом заходить не стал, а попросил бывшего одноклассника, который курил во дворе с другими парнями, вызвать к нему брата невесты — Михаила. С Михаилом они были почти ровесники и хорошо знали друг друга. Тот вышел из дома и подошёл к Анатолию.

— Привет, Писатель! Заходи в дом, гостем будешь.

— Миша, ты только правильно пойми. Дело очень тонкое. От нас с тобой сейчас многое зависит. Тоня выходит замуж, и

Вадька с этим смирился. Но он хочет попроситься с Тоней по-хорошему, чтобы зла не держала. Он сейчас на берегу, ждёт её. Со мной ей идти нельзя, сразу заподозрят неладное. Шепни ей, объясни, что просто поговорить, им обоим легче станет. Гарантирую, что она через пятнадцать-двадцать минут вернётся.

— Эх, Писатель, где он раньше-то был? Не знаю, что и делать. Если батько узнает, прибьёт меня на месте. Он очень зол на Вадьку.

— Ну, возьми меня в заложники. Закрой вон в сарае. Если Тоня не вернётся через полчаса, делайте со мной, что хотите.

— Похоже и в самом деле у писателей голова не на месте. Что мне от того, что тебя Васькина родня отлупит. Говоришь, только попроситься? Если что пойдёт не так, нам не поздоровится. Ты иди к Лужинскому. Слово с него возьми: двадцать минут, не больше.

— Замётано, Михаил. Надеюсь на тебя.

Тоня, когда ей всё рассказал Михаил, сначала растерялась, снова чуть не расплакалась, но затем взяла себя в руки, сказала жениху, что надо поговорить с братом, и пошла с Михаилом на берег реки.

Вадим с Тоней спустились ближе к реке, а Михаил и Алексей уселись на перевёрнутую лодку и завели обычный приятельский разговор. Они не слышали, о чём говорили Вадим и Тоня, но видели, что те стараются быть спокойными и по очереди говорят что-то друг другу, медленно идя вдоль берега. Прошло полчаса, может чуть больше. Михаил занервничал:

— Сейчас Васькины друзья хватятся, и получите вы с Вадькой по полной. А мне от батьки достанется.

Но всё обошлось. Парочка остановилась, Тоня обняла за шею Вадима, поцеловала крепко в губы и быстро стала подниматься по направлению к деревне, приподнимая белоснежное свадебное платье. Алексей попрощался с Михаилом, пообещал, что ещё увидятся, и вместе с Вадимом вброд через речку они отправились домой.

Через несколько лет Алексею рассказали, что Василий, возможно, догадался, куда в день свадьбы пошла его невеста, но шума поднимать не стал, веря, что Тоня не сделает ничего дурного.

Через пару дней после свадьбы, на берег реки со стороны Калинино, на тракторной тележке привезли муку для жителей деревни. Мешки с мукой выгрузили на берегу. Плоты на речке уже давно не было. С калининского берега переходили по навесному мостику. По нему местные мужики переносили и муку, каждый свои мешки. Дальше грузили на телегу и

развозили по домам. Мать Алексея заказала два мешка и очень переживала, что «муж на работе, а парень в бане моется, совсем не вовремя».

— Кто мешки через речку по мостику перенесёт? Мужики с телегой ждать не будут.

В это время Вадим был в доме Писателя, пришёл, чтобы сказать, что уезжает к месту службы. Он успокоил хозяйку, попросил не беспокоить Алёшку, пусть спокойно моется, он сам с мешками справится. Перенёс оба мешка сначала через речку, а потом, без всякой телеги, на спине, как заправский грузчик, отнёс их по очереди в дом. Конечно, Вадим при этом весь перепачкался мучной пылью, и мать Алексея отправила и его мыться в баню. Потом они сидели за столом и пили чай из самовара.

— Зачем уезжаешь так скоро? У тебя отпуск ещё не закончился, — спросил друга Писатель.

— На службу опаздывать нельзя, а прибыть раньше не возбраняется. Ты ведь сам всё понимаешь. Не могу больше здесь оставаться.

— Когда теперь свидимся? У тебя же отпуск будет только раз в году.

— И не факт, что проведу я его в деревне. Но почту никто не отменял. Напишу, как буду на месте, а там время покажет. Не потеряемся.

— Слушай, я всё спросить хотел о временах ушедших, помнишь историю из детства, как мы ныряли под плотом. Почему ты именно меня разыграл?

— Так ты был самый сообразительный, и я знал, что сориентируешься. И потом я уже хотел остановить плот, а если надо, и нырнуть под него, чтобы помочь тебе, но ты быстро догадался, вынырнул с другой стороны, и все были довольны.

На следующий день Алексей проводил Вадима до автобусной остановки, и они расстались. А вновь встретились только через два года в подмосковном Нарофоминске, куда Вадим пригласил Писателя на свадьбу. В этом городе Лужинский служил последние несколько месяцев, а как-то раз будучи в Москве, познакомился с девушкой, и теперь у них свадьба. На следующий день после свадьбы у друзей было время пообщаться, и Вадим рассказал, что ему предстоят заграничные командировки, связанные с выполнением определённых заданий, а в таких случаях желательно, чтобы офицер, отправляющийся за границу, был женат.

— Таня, она москвичка, из приличной семьи, меня это устраивает. Здесь, в Нарофоминске, я получаю служебную

квартиру, оставляю в ней жену, а сам по заданию Родины... Больше об этом сказать ничего не могу. Извини.

В последующие годы Вадим и в самом деле много бывал за границей, в африканских и азиатских странах: Алжире, Египте, Ираке. При последующих редких встречах с Писателем он намекал, что это не только работа в аппаратах военных атташе, но и горячие точки на карте планеты, а где именно, никогда не уточнял. Когда он на какое-то время возвращался на родину, а это был уже не Советский Союз, а Россия, то вместе с женой и дочкой Мариной они проводили отпуск у тёплого моря.

Однажды, в сентябре, когда Алексей был в Москве по служебным делам, он узнал, что Вадим в Нарофоминске, и позвонил ему. Друзья встретились в одном из московских ресторанов. Оба были рады встрече. Вадим был в звании майора, он остался таким же стройным и подтянутым, но волосы его стали совсем белыми. Седина открыла всю его шевелюру, точнее то, что от неё осталось. Вадим рассказывал:

— Конечно, если бы я служил в России, то давно был бы подполковником. А получается, что такие, как я, служим для России, скажем так, за её пределами выполняем особые задания, но наградами и званиями нас не балуют.

— Пусть тебя оставят служить здесь. Сколько лет ты уже в таких командировках? У тебя уже дочка выросла. Свой долг перед Родиной ты выполнил.

— Да пробовал я. Здесь, в Москве, в штабе служил, потом какое-то время в Твери, в военкомате. Не моё это. Я же кадровый военный, боевой офицер. Ты, наверное, уже догадался, что я в качестве военного советника в горячих точках работал. Не удивляйся такому выражению, это действительно наша работа. Что касается долга перед Родиной, то офицеры, даже в запасе, должны быть всегда готовы встать в строй.

— Ладно, не кипятись. Скажи лучше, как с английским? Пришлось подтянуть?

— Не то слово. Учить многое пришлось заново. Но разговорная практика помогла, было легче. Кстати, в свободное время много читал. Теперь Гёте с Гейне не перепутаю. А ты, я слышал, и в самом деле писателем стал? Кроме статей стихи пишешь.

— Скажем так, по совместительству. На писательские гонорары не проживёшь. У меня ведь семья. Но в журналах печатаюсь. Две книги вышло.

— Когда мне вручишь с автографом?

— В следующий раз обязательно. Я, кстати, слышал, что Тоня Моряк с мужем так и живут в деревне. У них двое детей. Хороший дом, хозяйство.

— Знаю я. Тебе только скажу. Похоже, у меня одна настоящая любовь была. По-молодости не сумел сохранить. Рад, что у Тони всё хорошо. Пусть будет счастлива. Давай выпьем за это.

Когда ресторан стал закрываться, Вадим уговорил друга поехать к нему домой, в Нарофоминск. Они пришли на Киевский вокзал и сели на электричку, но перепутали станции и вышли раньше времени, не доехав до Нары. Посмотрели расписание на платформе и поняли — это была последняя электричка.

Алексей прилёг на деревянную скамейку, что стояла рядом с платформой и заснул. Проснулся утром, когда уже солнечные лучи бликами разбежались по всему Подмосквью. У скамейки стоял Вадим.

— Ты что, совсем не спал? — спросил его Писатель.

— Какой сон. Тебя охранял. Так, прохаживался вокруг скамейки и вдоль перрона. Надо обратно в Москву ехать. У меня там дела.

— У меня тоже.

И на первой же электричке друзья вернулись в столицу.

Прошло несколько лет. Алексей знал, что теперь Вадим в Сирии в звании подполковника воюет в составе группы российских войск. Он уже готовился поступать в Академию генерального штаба, чтобы затем продолжить военную службу, а не выходить на пенсию, но события в Сирии изменили планы. Подполковник Лужинский сам напросился, чтобы его отправили в эту арабскую страну, поскольку у него немалый опыт ведения военных действий. Командование согласилось с его доводами и поручило организацию охраны авиабазы «Хмеймим», где были задействованы десятки зенитных орудий и ракетных установок. Через несколько месяцев Лужинскому было присвоено звание полковника, но Алексей не успел поздравить его. При авианалёте беспилотников полковник Лужинский был контужен, и его комиссовали, как непригодного к воинской службе. Он долго лечился в одном из московских военных госпиталей, но его выписали с диагнозом «антероградная амнезия». Вадим прекрасно помнил всё, что происходило до контузии в его жизни, но не мог запомнить события после контузии. В течении дня он нормально общался с близкими и незнакомыми людьми, но на следующий день не мог вспомнить, с кем и о чём говорил, куда ходил, кого видел. Он жил с женой Таней в своей квартире в Нарофоминске, а дочка Марина вышла замуж и жила в Москве.

Алексей время от времени звонил другу. В один из разговоров он посоветовал Вадиму завести специальный блокнот, куда тот должен записывать самое важное, что произошло в течении дня. Тогда в последующие дни ему будет легче ориентироваться. Утром встал, прочитал записи в блокноте и уже знаешь, что было в прошедшие дни.

Кроме того, Писатель через младшего брата Вадима — Александра, который тоже был кадровым военным, передал своему другу один из сборников своих стихов.

Дальнейшие события происходили по сценарию, который не вписывался в жизнь военного пенсионера.

Совместное проживание с женой угнетало Вадима. У него и в молодости не было к Тане особых чувств, а сейчас он и вовсе не хотел её видеть. Все его сёстры и брат жили в Ленинградской области, но в разных посёлках и городах. Они ещё в молодости покинули родную деревню и теперь вели вполне городской образ жизни. Вадим бывал у них до контузии, а сейчас решил уехать из Нарофоминска к сёстрам в Ленинградскую область. Решение пришло, когда жены не было дома. Он взял документы, блокнот для записей, сборник стихов Писателя, собрал немного одежды в дорожную сумку и направился на электричку, идущую в Москву. Там он на метро приехал на Ленинградский вокзал, подошёл к военному патрулю, представился, показал удостоверение полковника запаса и попросил помочь ему взять билет и сесть на поезд в Санкт-Петербург. Он и сам всё это мог сделать, но опасался, что жена Таня поймёт, куда он поехал, и бросится его догонять. А под прикрытием патруля, он и слушать её не будет, если она успеет до отхода поезда найти его. Он благополучно добрался до Санкт-Петербурга, а затем и до небольшого города Сосновый Бор, где жили две его сестры Саня и Катя. Сёстры были рады его видеть и разместили в квартире Сани. Вадиму нравился этот небольшой город, который был построен для возведения Ленинградской атомной электростанции. Здесь было много зелёных насаждений, а благодаря Финскому заливу, который не замерзал даже зимой, воздух в окрестностях был пропитан морской свежестью. Днём Вадим любил гулять, потом заходил в местный магазин, покупал продукты по согласованному с сестрой списку, а вечером сидел на балконе, курил и смотрел в сторону залива.

Алексей знал, что Вадим в Ленинградской области, и как только появилась возможность, поехал к другу. В Санкт-Петербурге он встретился с младшим братом Вадима — Сашей, и они вдвоём отправились в Сосновый бор. Были некоторые сложности проехать туда на машине, город атомщиков не

предполагает приём туристов, и местное ГИБДД тщательно проверяло, кто, зачем и почему, но всё обошлось.

Вадим был очень рад приезду друга. Пока сёстры накрывали на стол, мужчины вели беседу на балконе, затем в квартире. Алексей обратил внимание на сборник стихов, который он когда-то подарил Вадиму. Книга была сильно потёрта, это означало, что её часто листали. Но лежала она на комодике на самом видном месте. Сёстры поняли, что хочет спросить Писатель, и рассказали, что Вадим читает её каждый день. На следующий день он не помнит, что прочитал, но видит — автор его друг Алексей, и снова читает. Поэтому книга, как говорится, «зачитана до дыр». Когда закончилось традиционное застолье, при котором мужчины выпили совсем немного, Вадим с Алексеем вышли во двор, уселись на скамейку и долго разговаривали.

— Вадим, ты так много повидал, в военном деле прошёл все ступени и все круги ада. Теперь пора мемуары писать. Понимаю, что не со всех воинских операций снята секретность, но можно не называть конкретные населённые пункты.

— Да, повидал много. Но не это главное. Самое главное — армию в России сумели сохранить. Особенно трудно было в девяностые годы. Вооружёнными силами страны президент Ельцин не интересовался, думал со всеми дружить, а армию минимизировать. Офицеры месяцами не получали зарплату, но большинство службу не бросили, остались верными присяге. Если бы наш офицерский корпус тогда изнутри дрогнул, нам бы не выиграть чеченскую войну и войну в Сирии тоже. Нынешние офицеры с нас берут пример, а нам есть чем поделиться.

— В деревню когда поедет?

— Да, это обязательно. Давно на малой родине не был. Надо побывать хотя бы пару дней. На реке посидим, детство наше бедовое вспомним и юность залихватскую. Это моя мечта.

К вечеру Алексей и с братом Вадима Сашей собрались в обратный путь. Провожать их вышли не только Вадим, но и семьи обеих сестёр. Алексей попрощался со всеми, обнял Вадима и сел в машину. Он и подумать не мог, что виделся с другом в последний раз.

Вадим больше года прожил в Сосновом Бору. Его жена Татьяна была очень недовольна этим. Он получал приличную пенсию, и ей очень хотелось, чтобы он вернулся к ней в Нарофоминск. Она часто звонила сёстрам Вадима и требовала, чтобы те привезли его. Наконец сёстры пообещали, что привезут Вадима. Но как это сделать? Вадим и слышать не хотел

о переезде. Тогда родственницы пошли на хитрость. Они сказали, что Вадиму надо в Москву на очередное обследование, и что они будут его сопровождать. Вадим согласился, но когда по прибытии в Москву, то с Ленинградского вокзала поехали на Киевский. Он понял, что его везут в Нарофоминск, и очень расстроился. В нём проснулось нечто дерзкое и озорное из детства. На Киевском вокзале он подошёл к дежурному наряду полиции и сказал, что его похитили две авантюристки и везут в неизвестном направлении. Сёстры были задержаны и вместе с Вадимом доставлены в отделение полиции. Там долго разбирались. Наконец начальник полиции принял решение: сопроводить полковника в отставке по месту регистрации в Нарофоминске. Сопровождение и проверка всех обстоятельств на месте были поручены молодому лейтенанту полиции. Он должен был передать Вадима под расписку его жене, с которой по телефону полицейские уже поговорили. Сёстрам тоже разрешили сопровождать брата до Нарофоминска. Когда все вышли из отделения полиции, лейтенант обратился к Лужинскому:

— Товарищ полковник, разрешите вас попросить?

— Слушаю, лейтенант.

— Вы, пожалуйста, не сбегите от нас. Мне от начальства сильно влетит, если я вас не доставлю в Нарофоминск, в квартиру, где вы прописаны.

— Ладно, что уж теперь. Выполняй, что поручено.

Так Вадим снова стал жить в своей квартире. Ему как военному пенсионеру по инвалидности были положены определённые льготы, в том числе два раза в год он мог с женой ездить в санаторий. Но получалось, что каждое утро в санатории он просыпался якобы в незнакомом месте. Для него это был большой дискомфорт, поэтому Таня решила больше не возить Вадима даже в самые престижные санатории и центры реабилитации. По этой же причине они продолжали жить в своей старой квартире, хотя полковник в отставке имел право выбрать для жительства любой регион страны, и ему полагалось достойное жильё.

Так прошло ещё два года. Наступил 2022-й. В феврале Вадим увидел по телевизору, что началась специальная военная операция на Украине. Он сразу собрался идти в военкомат, чтобы его отправили в Донбасс. Жене стоило больших трудов убедить его, что это бессмысленно, потому что он инвалид. Она сама крупными буквами сделала запись в блокноте Вадима, что ходить в военкомат бесполезно, и выделила текст красным цветом фломастера. Но судьба распорядилась по-другому.

Через пару недель отставной полковник вечером возвращался домой после прогулки и увидел во дворе своего дома, как трое взрослых парней обступили молодого парня и начали запугивать его. Вадим прошёл бы мимо, мало ли какие разборки у молодых людей, но услышал часть угроз:

— Иначе мы твою мать, как суку, по кругу пустим, а шлюху сестру в сексуальное рабство продадим...

Для Вадима слово мать всегда было святое, и он остановился:

— Вы, парни, аккуратнее, матерей не поганьте.

Парни повернулись.

— Ты чего, дядя? Шлёпай дальше, а то не посмотрю, что старпёр, вырублю. Не люблю, когда в мои дела влезают, — проговорил один из них и попытался за плечи повернуть Вадима в сторону дома. — Ступай отсюда.

Сработал рефлекс: Вадим борцовским приёмом заломил руку парню и бросил его на землю:

— Не хамя старшим. И вообще не хамя.

Другой парень с криком «Ну ты попал!» бросился на Вадима, но тот легко сделал шаг в сторону и ударил нападавшего прямо в подбородок. Тот упал, и в этот момент Вадим почувствовал сильный удар по голове и тоже оказался на земле. Это третий парень вырубил Вадима сзади. Лужинский на мгновение потерял сознание, но уже через несколько минут увидел, как полицейские сажают парней в патрульную машину. Кто-то из соседей, увидев, что трое незнакомых «грузят по полной» их молодого соседа, ещё до вмешательства Вадима вызвали полицию.

— Вам надо тоже с нами проехать, показания дать. Но сначала в больницу, у вас голова в крови, — сказал один из полицейских Вадиму.

Вадим поехал в больницу, затем в отделение полиции, где неожиданно осознал, что с ним что-то не так. И вдруг отчётливо понял, что к нему вернулась память. Да, он вспомнил всё, что происходило с ним после контузии, и заулыбался.

— С вами всё в порядке? — спросил заполнявший протокол капитан полиции.

— Да, да! Спасибо! Капитан, если это профессиональные вымогатели, занимайтесь ими. А нынешний случай в протоколе не указывайте. У меня к ним нет претензий. Мы с ними размялись немного и всё.

— Вадим Яковлевич, в больнице сказали, что удар по голове был нехилый. Сотрясение не исключают. Нунчаки, как орудие преступления, мы к делу приобщим. А вы отказываетесь заявление писать?

— Да, если можно — я домой.

— Вас отвезут. Если передумаете, приходите в любой день. Данные на ваших «партнёров по разминке» у нас все есть.

Через полчаса Вадим был дома. Он обнял жену и поблагодарил её за терпение. Таня сначала не поняла, что произошло, а когда муж рассказал ей, что к нему вернулась память, заплакала.

Первое, что сделал Вадим в этот вечер, — позвонил своему другу Писателю, затем брату и сёстрам. Он не мог скрыть своей радости.

Через неделю Таня хотела оформлять путёвки в санаторий, но Вадим остановил её:

— Не время сейчас. На Донбассе полномасштабные военные действия. Мне надо туда. Я там нужен.

— Вадим, не надо. У тебя пожизненная инвалидность, тебя и близко к боевой операции не допустят.

— Буду думать. Выход найдём.

Он понимал, что для снятия инвалидности в официальном порядке уйдет два-три месяца, поэтому решил действовать по-другому. Он позвонил Евгению Пригожину, руководителю ЧВК «Вагнер», с которым познакомился ещё в Сирии, когда приходилось согласовывать военные действия с подразделениями «Вагнера» — те занимались охраной нефтяных месторождений.

Пригожин его выслушал и сказал:

— Ты сам понимаешь, мне полковники в своих подразделениях не нужны. В действующую армию тебя тоже вряд ли возьмут. Тебе месяцы понадобятся, чтобы пройти через воинскую бюрократию. Но твой опыт и решительность могут пригодиться на фронте. Есть один вариант: поступить на службу в народную милицию ДНР. Я дам тебе прямой телефон одного руководителя военного ведомства в Донецке. Ты не звони, а пошли ему своё предложение подробным сообщением. Я в свою очередь тоже напишу ему и дам свои рекомендации насчёт тебя. Но как ты туда доберешься? Знаешь, сейчас движение волонтеров развито. Из каждого региона фуры идут в помощь Донецкой и Луганским республикам. Думаю, в качестве сопровождающего тебя возьмут, но не сразу. А в Донецке сам сориентируешься.

Несколько недель Вадим Яковлевич работал в штабе волонтеров Московской области, а потом и в самом деле оформился в качестве сопровождающего гуманитарной помощи для Донбасса. Обратного он возвращаться не стал. Его и в самом деле взяли на службу в войска ДНР, именуемые пока народная милиция.

Перед самым отъездом в Донецк он позвонил Писателю:

— Лёша, я на фронт уезжаю. Звоню попрощаться.

— Вадим, дорогой, подожди. Я знаю твой патриотический настрой, но у тебя амнезия была несколько лет. Инвалидность не снята. Да и времени прошло совсем немного, как у тебя память восстановилась.

— Амнезия не у меня. Амнезия у руководителей стран Запада. Это они забыли про Чудское озеро, где их предкам от Александра Невского досталось, о Полтавской и Бородинской битвах, о сражениях под Москвой и в Сталинграде во время Великой Отечественной войны. Они всегда хотели одного, чтобы Россия была слабой, а лучше чтобы её совсем не было. Но мы их били на протяжении веков и в этот раз мы победим. Я должен быть на фронте. Офицеров с таким опытом, как у меня, немного. Надеюсь, буду полезен. Когда вернусь, мемуары ещё напишем вместе. А если сложится так, что не придётсЯ, расскажешь моим внукам, какой у них был дед. Обещай мне.

— Да, но лучше, если ты сам им расскажешь.

В начале мая полковник Лужинский был зачислен в штат армии ДНР и выполнял задания командования по планированию и проведению военных операций на разных участках фронта. Домой звонил очень редко, только в дни, когда его вместе с другими офицерами штаба отправляли в глубокий тыл для отдыха. О службе своей говорил скупо. Да и родные понимали, работа у него такая — родину защищать.

В декабре 2022 года народная милиция ДНР вошла в состав Вооружённых Сил России. Всем действующим офицерам милиции Донбасса были оформлены соответствующие звания Российской армии. С полковником Лужинским получилсЯ некий казус. По данным Министерства Обороны России он был в отставке по инвалидности. ПотребовалосЬ вмешательство высших армейских чинов (некоторые однокурсники полковника по военному училищу занимали высокие должности), чтобы утрясти этот вопрос.

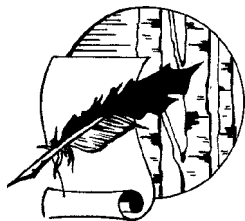
Так и получилось, что погоны полковника Российской армии ему вручали вторично. Совершенно седой полковник Лужинский после церемонии объявления, о том, что все офицеры ДНР сейчас становятся офицерами Российской армии, вышел из здания и закурил. Ему хотелось позвонить своему другу Писателю, но телефонные звонки в зоне специальной военной операции были запрещены. Однако можно сделать снимок на телефон и потом отправить. Пусть Писатель и все родные знают: он в строю, он нужен Родине.

Полковник Лужинский погиб в конце января 2023 года. Зима подморозила землю в зоне боевых операций, и российские войска медленно, но неотвратимо продвигались вперёд, слабая ожесточённая сопротивлению украинской армии, которую западные страны усиленно снабжали самым разным оружием. В пункт управления, где находился Вадим, поступило сообщение, что в одном из перелесков противник бросил самоходную гаубицу больших размеров. Раньше такого оружия западного образца наши бойцы не видели. Если самоходка нам не пригодится, то надо подорвать её на месте (контратаки ВСУ её могут отбить), если нужна, то надо срочно эвакуировать.

Полковник Лужинский, как специалист по оружию НАТО, сказал, что сам выедет на место и, если получится, заведёт двигатель самоходки и доставит её в тыл. Ждать тягача для транспортировки гаубицы было некогда. Лужинский отказался от бронетранспортёра и группы бойцов, на ходу сказав своему заместителю, что бронетранспортёр и взвод могут понадобиться для более серьёзных задач. Полковник сам сел за руль внедорожника, на котором, как правило, ездили в тыл на совещание к командованию, и направился к месту, координаты которого указали по рации бойцы на передовой. Он не доехал всего пару сотен метров, машина подорвалась на противотанковой мине. Вадим Яковлевич похоронен на кладбище Нарофоминска. На могиле много цветов. Сюда приходят не только родственники, но и местные школьники.

А в глубинке России, в квартире Писателя, на письменном столе стоит фотография, на которой седой военный с открытым взглядом держит в руке погоны полковника, расположив их в виде буквы V.

г. Йошкар-Ола, республика Марий Эл

Любовь БЕРЗИНА

НЕОБЪЯСНИМАЯ РОССИЯ

БЕРЁЗА

Край неба бледно-розовый
Сквозь ветки ивняка.
Струится сок березовый
По телу, как строка.

А там, где ветры вольные,
Оврага на краю,
Береза белоствольная
Вобрала кровь мою.

Она рубаху белую
Надела предо мной.
Зелёною, несмелую
Качает головой.

Мы с нею кровно связаны,
Едины, хоть убей,
Мне тайны все рассказаны,
Что на сердце у ней.

С ней рядом ветер стелется,
Едва-едва дыша,
И птицею шевелится
В ней русская душа.

СЛОВА

Словами забивают, как камнями,
Когда их слишком часто говорят.
Их разбросали галькой под ногами
И про запас за пазухой хранят.

Мильоны слов летят, как птичьи стаи,
И затмевают солнце и луну,
Ораторы, листы речей листая,
У слов своих в пожизненном плену.

Червями губ они шевелят, чтобы
Произнести без продыху, подряд
Наборы фраз, которые до гроба
Ведут верней, чем пуля и чем яд.

Они, как мяч, небрежно их кидают,
И сплевывают смачно, как лузгу.
Но только звуки, звуки долетают,
А смысла я постигнуть не могу!

Засалили и истаскали строчки,
Их каждый день сзывая на парад.
И слов святых пустые оболочки,
Как шелуха, по воздуху летят.

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

Всадник медный, знаменитый,
Что ты прянул на дыбы?
Норовишь разбить копытом
Запрокинутые лбы.

На тебя глазеет всякий,
Там, под царскою пятой,
А вверху вознёс Исакий
Дивный шлем свой золотой.

Гаркнет пушка над Невой,
Вздогнут шпильи и мосты,
Только царь один, спокоен,
Грозно смотрит с высоты.

В небеса его бросает
Тело статное коня.
Тихо в вечность уползает
Недобитая змея.

ОРДА

Вот она — Орда золотая,
Проходи быстрее, не зевая,
Удивленье, право, старо,
Вот она штурмует метро.

Не глядит на звезды на башнях,
День не вспоминает вчерашний.
Взглядом жадным лижут дворцы
Из чужих земель беглецы.

Вот они, стоят возле школы,
Новых дней татаро-монголы,
На машинах, сжаты в стенах,
Мчатся, как в степи на конях.

Вот они — стреляют по птицам,
Канонадой будят столицу,
Вот они — метут во дворе,
Расчищая путь детворе.

Взяты мы, как бедная Троя,
Не борцы — увы! — не герои,
Светится Ивана глава,
И не Троя здесь, а Москва.

Хлебом-солью всех не встречала,
Опустила зданий забрало,
Уронила свет с высоты,
Ощетинив храмов кресты.

Тихо спит Москва золотая,
Минареты в ней прорастают
И течет пришельцев река,
Хлынувших толпой сквозь века.

ПАМЯТНИК ГОГОЛЮ

Сойду на узкую дорогу,
Где среди листьев и травы
Задумался писатель Гоголь
В старинном дворике Москвы.

Не зря задвинут он подальше —
Спина согбенна и крива,
Его суровый взгляд без фальши
Не вынесла без слёз Москва.

И около своей квартиры,
Среди домов дебелих тел,
От слёз, неразличимых миром,
Он сгорбился и почернел.

Случайный в дворике прохожий
К нему не ходит на поклон,
И ясных глаз поднять не может
На Гоголя, так страшен он.

Свой длинный нос писатель свесил,
Но боль внутри него жива,
Уходят тихо в поднебесье
Молитвы страстные слова.

И могут слышать, чуть живые,
Все те, кто чуток и не глуп,
Как молит Гоголь о России,
Не разжимая тонких губ.

То плачет Гоголь, то смеётся,
Не видит он из-за домов —
Русь-тройка за углом несётся —
В ней Чичиков и Хлестаков.

ЗЕМЛЯ

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Ф. Тютчев

Вот настала она, вот настала она —
Роковая минута.

И сынов посылает родная страна
Брать чужие редуты.

Вновь вернуться на землю горячую ту,
Что считалась своею.
И с боями пройти за верстою версту,
Свой живот не жалея.

Не жалея любви, не жалея потерь,
Не считая утраты.
Потому что есть жизнь, потому что есть цель,
Потому что солдаты.

Потому что земля, что дана на века,
Ощущается кожей,
И пройти по ней с боем, хотя б полшага,
Даже жизни дороже.

Так возьмите ее, через боль, через кровь,
Всею силою ратной,
Эту землю забытую вспомните вновь,
Заберите обратно.

* * *

Проведи меня, мальчик, на колокольню,
Я хочу увидеть озеро Неро,
Рыбаков, неподвижно на льду сидящих,
Острова, что разбросаны, словно пятна,
Горний свет, что столбами стоит над ними,
Отражаясь в крестах золотых Ростова.

Дай мне, мальчик, подняться еще повыше,
Сосчитать хочу я головы храмов,
Что стоят вдалеке, как толпа народа,
Как сосуды, светом небесным полны,
Так их много, что всё я сбиваюсь со счета.

Дай послушать, мальчик, как колокол грянет,
Его звук полетит над озером Неро,
И достигнет ушей рыбаков сидящих,
И дрожь заставит дома в Ростове,
И войдет трепетанием в каждое сердце.

И тогда пойму я, что мне не надо
Ничего, кроме этой слепящей шири,
Кроме света, стоящего надо мною,
Кроме звука колокола большого,
Что заставил меня над землей подняться,
Выше храма и колокольни выше,
Постигая то, что дано немногим.

* * *

Засыпаю на белом снегу
Среди русского зимнего поля,
И очнуться никак не могу —
Ни мороза не чую, ни боли.

Укрываюсь рогожей небес
И дымами далеких селений,
И стеклянный насупленный лес
Сторожит мой покой в отдаленье.

Не бежит ледяная река,
И мороз постепенно крепчает.
Но такая любовь и тоска
Мое сердце в груди разрывают!

И так бьют моей крови ключи
На холодной земле, на родимой,
Словно в доме лежу, на печи,
Отогреваю и невредимой.

* * *

Грызёт пространство поезд длинный,
Недолго ждать уже зимы,
Ну, здравствуй, русская равнина,
И перелески, и холмы!

На ржавый строй берёз и клёнов
Посмотрит поздний солнца луч,
И, красотой покорённый,
Утонет взгляд в провалах туч!

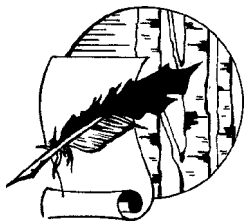
И бесконечные просторы
Открыты сердцу моему,

Забуду я про поезд скорый
И прошлой жизни кутерьму.

И птиц взволнованная стая
Мне машет крыльями вослед!
Я вместе с ними улетаю
Туда, где остановки нет!

Туда, где облака на сини,
И дремлют желтые поля,
Необъяснимая Россия,
И стая поздняя, и я.

г. Москва

Анна ПЕТЕЮМ

НА СВЕТЛОЙ ЗЕМЛЕ

* * *

Улочка тесная-тесная,
ласточек низкий полёт —
если когда-то воскресну я,
здесь совершится исход.
С этими глупыми мальвами,
птицами навеселе,
нежными дальними далями
неба на светлой земле.

* * *

В южном шелесте приветном —
мирной дали прозябанье,
тополя мои под ветром,
как пизанских башен зданья.
Не узнать язык ваш древний,
что запомнили на свете —
подле города с деревней
соглядатаи столетья.
Как любили, как страдали
предки в тёмные години,
расскажи, пирамидалье,
ну хотя бы прогуди мне!

* * *

Как бы уподобиться пейзажу —
мирным этим, ласковым лугам,
молодой осоке вольной, также
золотым звенящим овсягам;

я переняла бы плавность линий,
бархатный шалфей взяла в пример,
теплый дух серебряной полыни,
утонченность травяных манер.
Как бы уподобиться осинам,
что величаем дня ослеплены,
тополям и ветлам в небе синем,
в царских ризах горней тишины.

* * *

Люди должны жить на воле,
плавать в спокойных волнах
ветра, и леса, и поля,
в гимнах цветущих и снах.
Чтоб, не стесняя друг друга,
свет велеокий вобрать,
чистые помыслы луга,
тихой реки благодать...
Есть у нас птичье призванье —
ввериться нотам извне,
тонким флюидам, дыханью,
неба высокой волне.

* * *

Такие огромные ивы —
под стать облакам, наравне,
их крон исполинских разливы
с ветрами в извечной войне.
Их омуты, волны, бурленье —
безбрежность великих судеб,
и в шелесте бродит забвенье
и память — мы ни были где б.
Но если они замирают
грядой вечеряющих скал,
то древо твоё прозревают —
кем был ты издетства и стал.

* * *

С этим ветром ничто не сравнится,
он горячий и шквальный — он мой,
дайте ж песней его насладиться
в колыбели казачьей, степной.

Дух его никогда не остынет,
принимая в ладони, любя,
и меня как тростинку обнимет
моих предков далёких судьба.
Здесь они, на земле этой чистой,
хлеб растили и малых детей,
и в порывистых гулах и свистах
пили силу — из Божьих горстей.

* * *

Да, это всё моё: и суховея, и лес,
и млечные стада распахнутых небес,
зелёные холмы, бегущая тропа,
попынные дымы и над рекой — скопа.
Да, это всё моё и только лишь моё:
дыхание цветов и острое жнивье,
студёное вино ночей — моё, пока
сливаются в одно жизнь, речка, облака...

* * *

Не надо плакать и прощаться —
не расстаётесь вы отнюдь,
и может статься, может статься,
ты соль родной земли и суть;
здесь предков мирные могилы,
степное небо и лопух,
и, может статься, — ты вместила
тех жизнью величавый дух;
и, простираясь над обрывом,
орлиная летит любовь
к реке и лесу, чёрным нивам —
как песня, сложенная вновь.

* * *

По спелому лугу, вечерней росе,
по вольной, по средней твоей полосе
туман поднимается, густо звенит
незримых сверчков серебристый зенит.
Зубчатых надкрылий тончайшая трель
и звёздному небу угодна, поверь,
их трепетом бурая степь налилась,
и ты здесь, душа, неспроста началась...

* * *

И хорошо тебе одной —
единой, целой, Божьей —
нести сладчайший день земной
под загорелой кожей,
встречать калёные ветра,
благословлять долины
под сводом малого шатра,
ветхозаветной глины...
В осколках движется река,
в лоскутках — лета алость,
а ты едина и крепка —
о чём и не мечталось...

* * *

На дне вселенского колодца
растут цветы, сияет солнце,
и ветром зыблется камыш,
и возится в песке малыш...
На дне вселенского колодца
стрекозы множатся, как флоксы,
и янтарём живых имён
вода играет и смеётся
над топкой
пропастью
времен...

* * *

Проснись, прикосновение осязая
на чутких веках или на щеках, —
бушует бликов солнечная стая,
вся комната в весёлых мотыльках;
прими в подарок трепетное утро,
дыханье света в листьях за окном,
полупрозрачность, искры изумруда,
игру ветвей с тихоней-ветерком...
Ну что ещё тебе для счастья надо?
Не хватит ли бороться и искать?
Ведь в пробужденье собственного сада
ты чудом света можешь обладать.

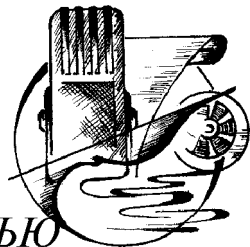
г. Москва

СВО: ВЫСТОИТ ЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ?

— Вячеслав Борисович, вот уже более года идёт война. «Кыяны и галичань» вновь воюют против нас на стороне западноевропейских варваров. А в последние месяцы разномастные публичные крикуны с чувством абсолютной убеждённости вторят: нынешний политический режим в России обречён и совсем скоро падёт. В этих извечных мечтаниях наших врагов есть ли хоть толика правды?

— Сохранение текущего политического режима зависит от того, сможет ли он учесть опыт предыдущих катастроф, постигших Россию за столетие аж дважды, сможет ли учесть реальные угрозы и не допустить повторения.

Стопроцентных гарантий сохранения режима в РФ сегодня не даст никто, кроме откровенных болтунов. Ошибок совершено слишком много. Причём, я не о военных действиях говорю, а о политических и кадровых решениях. В том числе в сфере экономики. Разбирать здесь эти ошибки я не хочу, так как это уже во многом сделано другими, более сведущими в экономике и политике специалистами. Здесь и сейчас есть

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

смысл рассмотреть причины двух прошлых политических катастроф: в чем были причины крушения Российской империи и почему рухнул Советский Союз?

Понимание этих причин уже создаёт предпосылки для решения проблем нынешних, дабы не допустить новой катастрофы.

— *Почему, на Ваш взгляд, распалась Российская империя?*

— Это тема для десятков диссертаций. Советскую историографию на эту тему я оставляю за скобками, поскольку марксистско-ленинская методология делает упор на социально-экономические процессы, практически игнорируя такие факторы, как демография, и рассматривая систематический индивидуальный террор исключительно как «живое творчество масс».

В отечественной литературе практически игнорируется тот факт, что за полтора десятилетия перед революцией в стране было истреблено более семнадцати тысяч государственных чиновников и русских общественных деятелей, занимавших монархические и патриотические позиции. В стране, где 84 процента населения составляло крестьянство, а слой образованных людей был тонок и к тому же засорён интеллигентской западнической идеологией, ещё более тонким был слой тех образованных чиновников-монархистов, которые погибли. Убийство террористами более 17 000 членов управленческого класса стало для того режима критическим. В период с 1901 по 1911 год террористы убивали монархистов-патриотов от столоначальника до премьер-министра П.А. Столыпина.

В результате обескровливания государственного аппарата наша страна потеряла управляемость. Однако Лондонское Сити уже планировало развязать большую войну, поэтому, по указанию из Лондона, с 1911 года революционеры вдруг свернули индивидуальный террор: англичане опасались, что в России некому будет провести мобилизацию для великой бойни.

На эту тему вкратце написал Вадим Кожин, но большинство номенклатурных историков словно не слышат его аргументов. Не слышат ничего о решающем факторе, собственно, определившем крушение империи. Оставшиеся в государственном аппарате патриоты в 1914 году отправились на фронт, столицы же оказались в руках либералов и откровенных революционеров, пришедших в госаппарат на места убитых патриотов.

— *То есть, по-вашему, уничтожение управляющего класса стало, главной причиной крушения империи?*

— Не только. В дело вмешалась упомянутая выше демография. Численность населения России, прежде всего русского населения, возрастала рекордными темпами. Рос народ мощный, энергичный, предприимчивый, выражаясь словами Льва Гумилёва, пассионарный. При тогдашних массовых армиях сам факт создания гигантских масс вооружённых людей уже был чреват социальным взрывом. К тому же эти массы искренне не понимали, зачем им эта война. Какие такие интересы русские люди отстаивают с оружием в руках?

И вот на фоне свободного роста народонаселения государственный аппарат был злой волей террористов и их «кураторов» обескровлен. Двух этих факторов хватило для того, чтобы разрушить государство, и без того полное всяческих менее масштабных противоречий.

— Допустим, что так. Однако после революции выросли тысячи талантливых военачальников, учёных... Те же Жуков, Рокоссовский...

— Конечно, в Российской империи был такой органический дефект — социальные лифты не работали. Какой-нибудь талантливый администратор как соискатель на должность в государственном аппарате заведомо проигрывал некому князю или графу. В какие-то структуры (например, в МИД) можно было устроиться только и исключительно по родственному. Протекционизм просто-таки заслонял таланты солнце. Поэтому часть способных и особенно честолюбивых людей выдавливалась в революционное движение — они не могли найти себе подходящего места в рамках действовавшей политической и социальной системы.

— Были ли какие-то общие причины крушения Российской империи и СССР?

— У крушения СССР и падения Российской империи есть по крайней мере одна общая причина. Она состоит в незавершённости формирования политической нации. До 1917 года русская нация не завершила формирования своих институтов, а начавшаяся в 1914 году война прервала (на время, а в 1917 году навсегда) этот процесс.

Следует подчеркнуть, что империя лишь отчасти состояла из государственного аппарата. На самом деле империя — это ещё и ансамбль народов, в котором голос каждого этноса слышен в общем хоре. Вот такой стройной системы ансамбля в нашей стране до революции создать не удалось. Существовал императорский двор. Существовал светский государственный аппарат, включая представительный орган (Государственную думу). Имперской же нации в полной мере не

доставало. В 1905—1907 годы русская нация заявила о своём рождении, она заступилась за растерявшихся перед лицом революции государственных чиновников. Но после окончания революции это самое государство и императорский двор не поддержали инициативу: формирование устойчивых институтов русской нации на общенациональном уровне не произошло. А в 1917 году всё-таки созданные русской нацией институты были истреблены.

— *А в Советском Союзе о какой нации мы тогда говорим?*

— В Советской России большевики чуть ли не с первого дня взялись за синтезирование новой этнической общности. Она должна была заменить собой русскую нацию, которую большевики категорически не принимали. Эта нация помешала им в 1905 году взять власть — им требовалось её раскисировать. Русские по составу населения губернии перекраивались, их обрезки шли на создание «национальных республик», в которых к власти приводился какой-нибудь местный полуфеодалный клан, согласный сотрудничать с большевистской властью. Поддерживалась родоплеменная знать — лишь бы не русские!

Наркомат по делам национальностей синтезировал нечто качественно иное, чем нация. Много позже, уже при Брежневеве, было объявлено о завершении формирования этой «новой исторической общности», которую тогда называли «советским народом». Но на самом деле и этот процесс национального строительства также не был завершённым. Если бы большевикам-коммунистам удалось создать новую нацию, которая имела бы твёрдое представительство во власти, то чёрта-с-два бы кто смог разрушить СССР!

Однако *номенклатурной сволочи* (научный термин) не хотелось ни с кем делиться властью. Ей хотелось захватить общенародную собственность, превратить все заводы и пароходы в своё частное владение. Потому и создание «советского народа» велось в имитационном порядке.

Всякая нарождающаяся нация как в воздухе нуждается в национализме — в формулировании своих национальных интересов. Но это-то и находилось под строжайшим запретом. Головы людям забивали засушенными марксистско-ленинскими догмами суловского образца. Вместо ясных мировоззренческих смыслов, таких как национальные интересы, народу в головы вдалбливали фразы-заглушки. Зачем мы пошли в Афганистан? — задавались вопросом люди. Ответом было: «Интернациональный долг!» Что это такое? И с чем его едят? А ничего — слово-заглушка, чтобы не отвечать на вопрос по существу. А от слова-заглушки, по выражению

философа Фёдора Гиренка, в голове образуется смысловой тромб.

Вот с этими смысловыми тромбами в голове мы и пришли к 1991 году.

— *В Афганской войне русские солдаты совершали воинские подвиги, офицеры смогли по максимуму сохранить личный состав (безвозвратные потери 15 тысяч — это за 10 лет!)...*

— Никто этого не отрицает. Герой остаётся героем, но и грубейшая геополитическая ошибка политического руководства СССР от этого не перестаёт быть ошибкой. Эксперты ещё тогда, в 1978 году, прогнозировали, что в военном афганском конфликте нам будут противостоять объединённые силы НАТО и Японии, всех мусульманских стран, как суннитов, так и шиитов, а также Китай — весь мир! Без преувеличений можно сказать, что для СССР это была глобального масштаба катастрофа. Возможно, с чисто военной точки зрения ввод войск в Афганистан имел смысл. Но политический провал был налицо. Оружие моджахедам и деньги на оружие жертвовали арабские страны, Иран и Китай (ныне нам дружественные).

Негативных политических и идеологических последствий ввода войск в Афганистан не перечислить. Об этом надо отдельно говорить. Главное, война в Афгане ускорила диссоциацию «элиты» СССР, ускорила в конечном счёте и развал страны. Без той войны политический режим имел шанс дотянуть до первых лет XXI столетия. Я без сожаления это говорю — просто констатирую факт.

Политическое руководство СССР тогда совершило ошибку, потому что уже физически не в состоянии было просто прочитать все аналитические записки и выработать правильное решение. Это была ошибка по старости.

— *И советское правительство, Вы считаете, уже не могло противодействовать разрушению СССР?*

— Уже в 80-е годы страной управляла номенклатурная бюрократия, которая и морально и физически выродилась и сама возвела на трон своего могильщика — Михаила Горбачёва. Горби ведь не совершал государственный переворот, не захватывал власть силой. Нет, его избрала на пост генерального секретаря та самая партия.

Честные люди, которые уже в 80-е годы понимали, куда дело идет, не желали иметь ничего общего с этой партией. Я не про диссидентов говорю, нет. Я имею в виду таких людей как, например, Андрей Фурсов. Он отказался вступать в партию, и был вынужден поменять профессию (его лишили допусков к секретным материалам). Честные люди беззго-

вали организацией, в которой генеральным секретарём 18 лет был человек, никогда не читавший труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина (это Леонид Брежнев), при том, что партия позиционировала себя как коммунистическая и даже обещала построить к 1980 году коммунизм.

— *Не все честные люди занимали такую позицию...*

— Наивные люди шли в партию. Честные, но наивные, не понимавшие, что происходит. Эти честные работники не видели, что правящий класс СССР уже сгнил на корню. И сгнивший «плод» упал почти что сам собой. В августе 1991 года всё ещё существовал генсек, на своих постах находились министры, существовала армия, милиция, КГБ. Но по сомнительным причинам и абсолютно незаконно *номенклатурная сволочь* стройными рядами подчинилась главе Российской Федерации.

Народ же, так и не оформленный в нацию, при этом, как водится, *безмолвствовал...*

— *А мы, теперешние? Наша нынешняя власть? Она не разбежится, не пойдёт на сговор с «партнёрами» в угоду своим ишкурным, своим индивидуальным интересам? Нынешний политический режим не перейдет ли на сторону врага?*

— Как говорится, «вопрос интересный». И ответ на него я себе в общих чертах представляю так... Во-первых, никто руководству РФ такого предложения — перейти на их сторону — не делал. Им не предлагают о чём-то договориться. Как раз наоборот, руководству современной России было сделано предложение совсем иного рода. То же, которое ангlosаксы в своё время сделали индейцам Северной Америки — уберите! Теперь это наша земля и все её ресурсы тоже наши!

Нечто похожее уже звучало в адрес Виктора Януковича. Новые «хозяева мира» — компании «Шелл» и «Шеврон», приехавшие на Украину, чтобы добывать из земли Донецкой области сланцевый газ (или что-то более существенное), предложили ему убраться. И он на совещании в Варшаве убраться согласился...

— *Его же свергли в результате незаконного государственного переворота и пытались убить...*

— Да, Виктор Янукович опирался на достаточно большую и влиятельную группу, базировавшуюся тогда в Донецке, но имевшую своих людей и в Англии, и в США. Этим людям обидно было исполнять роль индейцев, сгоняемых с родной земли. Они ведь выросли на донецкой земле, *вышли в большие люди*. Мнили себя равными с менеджерами «Шелл» и «Шеврон». Поэтому под занавес Янукович — видимо по совету *донецких друзей* — решил подложить «хозяевам» свинью.

Помнится, к тому времени на Украине уже действовало рамочное соглашение с Китаем, поэтому новый договор в рамках соглашения не нуждался в ратификации. Я про договор о передаче КНР всех портов Крыма в аренду на полвека вперёд. То есть китайские товары попадали бы в Восточную и Центральную Европу не из рук транснациональных (американских) торговых компаний, а непосредственно от китайских производителей...

Западные «партнёры» сильно расстроились таким жестом Януковича. Что было дальше, вы знаете.

— *Но что же Янукович, по мнению «партнёров», должен был сделать? И чего, соответственно, они требуют от руководства РФ?*

— Они хотели, чтобы Янукович просто молча отполз в сторону, исчез из их поля зрения. Понятное дело, что современное руководство действующего политического режима в Российской Федерации в ещё меньшей степени, чем Янукович, стремится исполнить мечту западных «партнёров». Поэтому оно (руководство РФ) и приняло в феврале 2022 года известное решение.

— *Давайте прервемся в размышлениях о судьбе руководства страны. Скажите, чем нам, гражданам России, грозит такой поворот событий? Что произошло бы, если бы руководители страны уступили Западу?*

— Ничего хорошего для нас бы не было. Неким образом, наподобие украинского образца 2014 года, президентом стал бы какой-нибудь Ходорковский. Пенсионная система была бы попросту ликвидирована. Образование в кратчайшие сроки сведено к самому минимально необходимому для обслуживания «трубы». Система здравоохранения была бы сохранена только в тех населенных пунктах, которые непосредственно занимаются добычей и транспортировкой добываемых из земли богатств. Последние извлекались бы и отправлялись в Западную Европу практически бесплатно. Из южных областей за бесценок подчистую вывозилось бы зерно и урожай масленичных культур.

— *Но кто бы такое допустил? Народ поднялся бы...*

— Какой народ? При советской власти были ликвидированы все остававшиеся от имперского времени институты русской нации, все общественные организации подменялись имитационными. При советской власти создание даже какого-нибудь студенческого клуба по интересам требовало согласования в райкоме, который подключал для контроля и подбора «лидеров» районный отдел КГБ. Каким же образом это население — без собственных институтов и вождей — может организовать для отпора?

— *Известна такая русская черта: чем больше на нас наседают, тем твёрже мы становимся и даём отпор...*

— Отечественные пропагандисты периодически раздражаются с голубых экранов тирадой о том, что мы — такой народ, на который напрасно сильно давить, ведь от этого мы только сильней мобилизуем все свои силы. Мол, такая есть наша загадочная русская душа. Я должен эту идею обозначить как заведомо ложную. На Западе глобальные проектировщики войн и прочих безобразий отлично знают про эту нашу черту. Ещё в 1908 году большевик Александр Богданов в своей книге «Красная звезда» (забавное такое название для восьмого года двадцатого столетия!) описал «научную» конференцию «марсиан», то есть аналитиков Запада, которые описывали поведение «землян», то есть русских. В описании конференции чётко проводится мысль о том, что внешнее нападение ведёт к резкому возрастанию патриотизма и сопротивляемости «землян». И, мол, следует избегать открытого нападения, а уничтожать «землян» следует неявными, скрытыми средствами.

Так что на Западе об этой нашей особенности знали уже более ста лет назад. Революционер Александр Богданов, обучавшийся специальным методам подрывной работы в Лонжюмо и на Капри, об этом в своей книге свидетельствует. Он не о марсианах и землянах в своём романе написал, а о том, как Запад планирует расправиться с русскими. И надо понимать: если сегодня западными *решалами* практикуется открытое нападение на нас, значит они делают это намеренно и именно с описанной целью — разжечь в русских жажду противодействия, а в конечном счёте разжечь в нас азарт войны. Они вовсе не по недомыслию так себя ведут, а целенаправленно.

— *Западу нужна эта война для каких-то других целей?*

— Скажем так, тем проектировщикам, которые это всё замыслили и воплощают в реальность, нужно достичь сразу нескольких целей. Нам трудно даже вообразить все их «замыслы». Планировщики глобальных заварух — назовём их условным обозначением «хозяева мира» — собираются в ближайшее десятилетие свить гнездо в районе Тихого океана. Сейчас они ставят под свой контроль Австралию, где имеются просто-таки рекордно большие запасы урановой руды — более двух миллионов тонн (в РФ разведанных запасов урана порядка 600 тысяч тонн). Там у них не будет никаких проблем с энергетикой. К 104-м ядерным реакторам в США они прибавят ещё пару сотен более мощных реакторов в Австралии. И запасов топлива лет на сто хватит.

Остальной же мир — по их представлениям — нужно занять чем-то грандиозным и бесконечным, большой войной. Собственно, результат этой войны глобального заказчика не сильно волнует. Если европейцы победят Россию и заберут себе все её энергетические ресурсы, то западноевропейские конкуренты «Американо-Тихоокеанской империи» ещё какое-то время просуществуют, хотя и сильно ослабленными. Но долго будут зализывать раны. Если же в этой войне победит Россия, то тем самым будут навсегда устранены западноевропейские конкуренты новой «империи». Только вот победа эта — по замыслу «хозяев мира» — должна достигаться очень-очень долго, чтобы все участники были заняты кровавыми разборками, а не попытками догнать «империю» в её предстоящем технологическом броске в «светлое будущее».

— *О каком таком технологическом броске вы говорите?*

— Никто не скажет это вам точно. Все только фантазируют вслух. Возможно, что впереди планеты всей встанет тот, кто научится сжигать в ядерной топке уран 238-й. Сегодня для нынешних АЭС годится только смесь с 235-м ураном, которого в мире всего-то 0,06 процента от всего мирового объёма урана. И запасы его конечны. Соответственно 238-го очень много, но он пока не горит в реакторах АЭС. Вот тот, кто его научится жечь, и будет на коне.

Ещё ведутся всяческие разработки (по большей части разговоры) в области нейросетей. Однако сегодня для одной такой сети, занимающей несколько высокопроизводительных серверов, чтобы обучить её английскому языку, требуется столько энергии, что людям придётся отказаться от света и отопления — всё будет уходить на содержание нейросетей.

Впрочем, возможно, что это — тупиковые направления. А «светлое будущее» сведётся к структурной перестройке управления, при которой, грубо говоря, наёмный труд вновь заменится рабским...

— *Что же в нарисованных Вами условиях должно делать руководство России?*

— Согласитесь, было бы странным сейчас что-либо формулировать в качестве программы действий руководства нашей страны. Это было бы даже глупо. Оно ведь нас не слышит. А вот западные «партнёры» хотели бы, чтобы наше руководство просто ушло в небытие. Недавно обозначили эту свою мысль бывшие главы европейских государств. Ангела Меркель заявила, что она и не собиралась исполнять Минские соглашения. А русские, подписавшие его — просто лохи ушастые. Что это как не предложение, направленное окружению президента РФ, такой, знаете ли, *тонкий намёк*, кото-

рый не понимают только те, кто очень-очень сильно не хочет понимать смысла слов бывшей канцлерин.

На ту же цель направлено установление со стороны ЕС потолка цен на нефть. Уже была в стране ситуация, при которой мировые цены на нефть резко упали, и «олигархи» номенклатурного класса потребовали компенсации своих потерь, после чего им позволили взвинтить цены на бензин внутри страны. Во всём мире при удешевлении нефти бензин дешевеет, а у нас он подорожал. Вот и сегодня Запад рассчитывает, что те же клановые «олигархи» потребуют от руководства РФ компенсации: гони деньги или уходи!

Нам же нужно, чтобы руководство страны учло причины крушения Российской империи и Советского союза, чтобы сделало выводы из тех причин, чтобы воплотило эти выводы в практические действия.

Однако пока реакция руководства какая-то мутная. Своира пропагандистов внушает нам, будто бы Меркель со своими признаниями по Минским соглашениям... просто выжила из ума, а «потолок цен» — просто такая дурацкая бессмысленная затея без каких бы то ни было последствий.

— *Каких, например, действий Вы ждёте от руководства страны?*

— Как-то лет уж десять назад в ходе записи телепередачи на «Красной линии» я участвовал в обсуждении «Культурно-исторического стандарта», на основе которого предполагалось написание *единого учебника истории*. Присутствовавший в студии номенклатурный историк из ИРИ РАН господин Журавлёв оправдывался перед заседавшими на него с критикой другими участниками дискуссии: «Мы приглашали для обсуждения *стандарта* представителей «Мемориала», учли их замечания».

Как мы все сегодня знаем, «Мемориал» является иноагентом, а его деятельность в РФ запрещена.

К слову сказать, в том «стандарте» в качестве «исторических деятелей» 90-х и 2000-х годов указывались Алла Пугачева и Андрей Макаревич!!! Кто они? Где они сейчас, эти «деятели исторические»?..

Итожа тридцать лет существования режима, можно констатировать: всё это время он вёл диалог с сущностями, которые теперь признаны зловредными и потому запрещены. А вот наш голос и вообще любой голос из толщи народа — в любом его формате — режим в упор не слышит, проявляя полную неспособность к разговору. И при том карательные меры против любой инициативы, исходящей из толщи народа, сохраняются в полном объёме.

Лет двадцать назад я был причастен к регистрации СМИ со словом «русский» в названии. В тот момент уже существовал «Русский журнал», которым заведовали Г. Павловский, Р. Лейбов и др. Уже обанкротился банк «Русский хлеб», созданный чеченцами. Та же история с «Русским продовольственным банком». А вот нам, группе русских великороссов, в этом слове было отказано. Попробуйте-ка сейчас зарегистрировать СМИ со словом «русский» в заглавии. Я просто уверен, что вы откроете для себя много неожиданного про нынешний политический режим.

— *Лично Вы чего хотели бы от руководства страны в условиях продолжающейся войны?*

— Я лично? Знаете, совсем недавно такой известный русский якут Сергей Колмогоров сказал: «Владимиру Владимировичу, Сергею Кожугедовичу и тем, кто за ними, нет другого пути, кроме как победить». Замечательный оборот речи! Я бы только добавил: пусть Владимир Владимирович, Сергей Кожугедович и «те, кто за ними», услышат наконец не только мнение «Мемориала» и Макаревича с Пугачевой... Пусть они услышат и наш голос.

— *Что произойдёт в противном случае? Россия погибнет?*

— Не обязательно. Полагаю, что в нашей стране появится другой политический режим. Возможно даже, что он будет более жёсткий и активный, но другой. Можно даже предположить, что среди «хозяев мира» есть такие глобальные группировки, которые заинтересованы в установлении в РФ более воинственного режима.

— *Вячеслав Борисович, но мы с Вами всё равно верим, что Россия не погибнет. Бывали времена страшнее, когда русские бояре в Смутное время думали: к полякам ударить или к литовцам, а поляки в Кремле уже солили в бочках боярских детей. И немец был уже под Москвой в декабре 1941-го. Сегодня у нас есть подвижники в разных сферах — в медицине, в образовании, в военном деле, в культуре — о которых не говорят в медиапространстве. Зато выносят на показ всякое попсовое отребье. Пусть не говорят, не будем выдавать врагу наш потенциал. И главное, мы не можем не верить пророчеству великого русского святого — преподобного Серафима Саровского: «Россия путём страданий придёт к великой славе».*

Беседовала Ирина УШАКОВА.

ФИАСКО СОТВОРЁННЫХ КУМИРОВ

Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.
Не делай себе кумира...

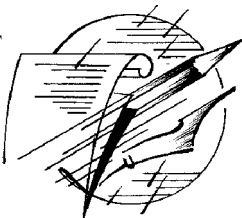
Исх. 20: 2-17

Идолы и поклонники

Десять заповедей Господних даны нам в наставление для духовной ориентации в нашем грешном мире. Но мы вновь и вновь спотыкаемся о наше собственное невежество и неумение следовать наставлениям Всевышнего. Мы творим кумиров и низвергаем их только для того, чтобы сотворить новых кумиров и поклоняться им. В том проявляется греховная сущность человека, не способного идти, не плутая, по пути, указанному нам Господом.

Идолов для поклонения делают из подручного материала. Но это дело рукотворное. Кумиров творят из живых современников. Кумиросотворение — великий грех, ибо кумир — это антипод Бога, требующий не только признания, но и поклонения.

Кумирами не рождаются. Их создают могущественные кукловоды для осуществления своих целей. Качество человеческого материала при этом дело второстепенное. Чаше — чем хуже, тем лучше.

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

Кукловоды из мировой закулисы не ограничиваются созданием кумиров из послушных им политиков и государственных деятелей. Кумирами миллионов становятся чаще всего актеры и певцы, музыканты и спортсмены, реже — писатели, поэты и журналисты. Подобное кумиротворение относительно невинно до тех пор, пока кумиропоклонник не потеряет своей личности, копируя внешне и внутренне предмет своего обожания и поклонения. И чем порочнее и греховнее сам кумир, тем ближе к гибели его поклонник.

Как-то, бродя по Сети, я наткнулся на концерт в Стамбуле известного у нас рэпера Алишера Моргенштерна (признан иноагентом по решению Минюста РФ 06.05.2022 г.). В 2022 году он переехал в Дубай, спасаясь от уголовного преследования за пропаганду запрещенных веществ. С тех пор оттуда выезжает на гастроли по всему миру. Я не любитель рэпа и считаю этот жанр одним из признаков вырождения музыки и искренне сожалею, что этот жанр становится популярным среди нашей молодежи. После просмотра концерта Моргенштерна я лишь убедился в своем мнении. На сцене извивался полуголый дистрофик, покрытый татуировками, одну из которых — сионистскую Моген Довид (звезду Давида) он вытравил себе на левой щеке. Всеми своими движениями он напоминал пьяного человека, пытающегося забить в доску гвоздь под настойчиво повторяющиеся синкопы ударных инструментов. Такое было впечатление, что Моргенштерн какую-то одну строчку из своего донельзя примитивного рэпа пытается вбить в головы окружавшей эстраду толпы своих фанатов. Это была повторяющаяся бесконечно строчка «Делай деньги! Делай деньги! Делай деньги!» Было в этом что-то от шаманства, танца хлыстов. Впечатление мерзостное.

В России со времен Петра Первого в правящих классах культивировалось преклонение перед Западом, хотя сам Петр учил свое дворянство и особенно военных относиться к насаждению «западного суемудрия» с умом.

Разумно — и об этом непрестанно говорили со времен Петра — брать у Запада всё то разумное, что пойдет на пользу России, не сотворяя себе при этом кумира из западного мира (за это выступал, например, Петр Валув, сподвижник убитого народниками императора Александра II). Но слепое копирование Запада неизбежно приводило к «европейничанью» по меткому слову одного из основателей русской цивилизациологии Н.Я. Данилевского, которое стало «болезнью русской жизни».

«Мы возвели Европу в сан нашей общей Марьи Алексеевны, верховной решительницы достоинства наших поступков, — писал Данилевский. — Место одобрения народной

совести признали мы нравственным двигателем наших действий трусливый страх перед приговорами Европы, унизительно-тщеславное удовольствие от ее похвал».

История повторяется. «Европейничанье» стало у нас основой государственной политики еще при Андропове, а Горбачев лишь утвердил эту ориентацию окончательно. И надо было дожидаться Мюнхенской речи Путина 2007 г., чтобы приостановить эту тенденцию на государственном уровне. Но в области культуры, науки и образования влияние Запада, увы, только усилилось за последние 15 лет.

Политика и культура, как бы ни отрицали это апологеты «западной цивилизации», тесно взаимосвязаны. А уж поп-культура, т.е. массовая культура, рассчитанная на миллионы потребителей, тем более. Здесь к тому же действуют самые волчьи законы рынка, процветают кумовство и взяточничество, орудуя гиганты мирового шоу-бизнеса, международные синдикаты видео и звукозаписи, разного рода группировки по интересам, не говоря уже о ЛГБТ-лоббистах и активистах различной половой ориентации, мафиози всех мастей и понятий, а также частных спонсорах, плате натурой за возведение в «звезды». Все это сориентировано на многомиллионную армию фанатов, массово пораженных дурновкусием. Государство на этом рынке — и государство российское не исключение — неконкурентоспособно, чем активно пользуются враги России и всего русского. С начала 80-х годов они последовательно превращали шоу-бизнес России и отечественную культуру в сферу своего влияния. Стоит ли удивляться, что в списке иноагентов, составленном Минюстом РФ, большинство составляют именно представители российского шоу-бизнеса, в котором давно уже задают тон русофобствующие либералы-западники, космополиты, сионисты и активисты ЛГБТ, что порой обнаруживается в одном лице

В шоу-бизнесе, как и в любом другом, действуют законы рынка. Там прагматично исходят из того, что «короля эстрады» Филиппа Киркорова даже за большую взятку ни в один оперный театр не возьмут. Но вот зато на эстраде он может зарабатывать миллионы для себя и своих спонсоров даже с помощью «фанеры», просто раскрывая рот под музыку. Кумира из него создают концертные костюмы по лекалам ЛГБТ, эротическая пошлятина, и искусство эпатажа, где обязательны публичные скандалы, потасовки и пьяные кутежи с голубым оттенком. Его шоу на Gold 55 шокировало даже его поклонников. «Клоун и лицедей. За это еще кто-то деньги платит?», «Раньше был нормальный, сейчас в этих перьях не понять что», «С каждым годом смешнее и смешнее!», «Павлин!» — возмутились его фанаты в Сети.

Но его и сделали «павлином» творцы кумиров, просто решив, что в таком виде его шоу принесет больше денег, а «пипл схавает», как говорил известный российский олигарх.

В российском кумиротворении — это основополагающий принцип. Он рассчитан на людей с мизерным вкусом и средним заработком, основных потребителей продукции для производителей «массовой культуры». Не только шоу-бизнес, космополитический по своей природе, но и традиционно высокое искусство театра, оперы и балета претерпевает в наши дни в России стирание граней между прекрасным и безобразным, уродливым, запретным и вседозволенным. Вот почему на сцене Большого театра появляется Евгений Онегин без штанов в одноименной опере, в другом театре демонстрируется свальный грех, а в третьем с большим сочувствием показывают инцест.

Поклонение театральным режиссерам Фаллосу стало едва ли не повальным в России. Пропаганда ЛГБТ и «секса без границ» ведется практически свободно. Книжный рынок завален литературной порнухой и описаниями всех перечисленных в сексопатологии половых извращений. И всё это выражается открытым площадным матом.

Широкой публике этакий культурный стриптиз для лохов подается как раскрепощение личности и освобождение ее от контроля государства, как доказательство торжества свободы в России. А на деле это лишь подтверждение торжества искусно внедряемой в Россию идеи охлократии, власти толпы, которая не раз в истории приводила к развалу могущественных империй и государств. Россия в XX веке пережила это дважды. То, что наш основной противник сосредоточился сейчас на том, чтобы окончательно развалить ее в третий раз, ни за океаном, ни в Евросоюзе уже не скрывают, а провозглашают как свою конечную цель.

Рычаги влияния

Для сотворения любых идиологов и кумиров в средствах массовой информации и для манипуляции общественным мнением наилучшим образом приспособлены радио и телевидение. Зритель, общаясь с этими СМИ, может от них отключиться в любой момент, но технически он беззащитен, так как у него нет возможности активного с ними взаимодействия, возражения, спора, и он обречен на пассивное восприятие, хочет он того или нет, на уровне подсознания. Чем сильнее его зависимость от такого источника влияния, тем менее он способен воспринимать информацию альтернативную. С учетом этого принципа и строится вся теле и радио пропаганда.

Если же полистать и посмотреть наши СМИ, пройти по Сети, то создается впечатление, что российского обывателя куда больше волнует, за сколько миллиардов продаст Пугачева свой замок в деревне Грязи на Рублевке, чем ход СВО на Украине. С наступлением весны нам, например, сообщили с пометкой «срочно», что невестка Пугачевой закатила богатую вечеринку в Майами в стиле «шальная императрица», что актриса из «Бригады» Екатерина Гусева вышла замуж за миллионера».

В новостях на читателя ежедневно обрушивается поток «сенсаций» из жизни «звезд» шоу-бизнеса, как оставшихся в России, так и сбежавших. Читаю утром на днях: «Айза раскрыла новые подробности ссоры Гуфа и Юлии». Кто такая Айза и кто такой Гуф с Ю. Королевой, я знать не знаю и знать не хочу. Но куда скроешься от сообщений о том, что «Ушастая красавица» Африкантова слила в Сеть скабрзные фото своей соперницы Мусульбес». Неужели? Какой пассаж! Даже Правда.ру не избежала этого искусства звездохроники и умиляется воспоминаниями Максима Галкина о его школьной учительнице, напомнив только в конце этой своей статейки, что Галкин «признан Минюстом РФ иноагентом». Почему же, несмотря на все позорные юридические пометки на репутации беглых звезд, осевших в Израиле, США и других странах на ПМЖ, нам ежедневно сливают о них информацию? Зачем вообще нам нужна вся эта хроника походов иноагетов за границы? Потому что за нее платят их продюсеры? Или у нас столь могущественны промоутеры, пробивающие в шоу-бизнес очередных «звезд» по давно опробованной на Западе и перенятой в РФ методике? О событиях на Украине у нас меньше пишут, чем обо всей этой эстрадной шушере. Очевидно, что государство и его надзорные органы утратили контроль над российским информационным полем, а это в условиях даже частичной мобилизации и военных действий в рамках СВО прямо угрожает нашей национальной безопасности.

Внедряясь в российские СМИ, в телевидение, в первую очередь, агентура влияния Запада и международного сионизма активно использовала либеральную оппозицию в России, которая сформировалась еще в период становления советского диссидентства после известной закрытой речи Хрущева на XX съезде КПСС. И если патриархи этого движения, такие, как писатели Владимир Максимов, Андрей Синявский, его жена Мария Розанова и другие властители умов той поры, отрицали русофобию, выступая за сохранение русского народа и российской государственности, то современные лидеры российских либералов — сплошь русофобы и космо-

политы, которые своей родиной считают не Россию, а США, страны Евросоюза и Израиль.

Координаты их симпатий, политической и этнической принадлежности можно определить по направлениям начавшейся с год назад «алии протеста» звезд российского шоу-бизнеса, журналистики и литературы, т.е. бегства из России в силу неприятия СВО РФ на Украине. Основным направлением был Израиль, через который прошли не только евреи по происхождению, такие как Алла Пугачева и Максим Галкин, Ксения Собчак, Семен Слепаков, Л.Ярмольник, Л.Гозман, В. Шендерович и др., но и звезды «арийского» происхождения вроде владелицы медиахолдинга «Дождь» Светланы Синдеевой. Она в начале своего «исхода» посетила Израиль, но в конечном итоге обосновалась со всей своей командой в Риге, откуда и вещает теперь на Россию. (Все они, за исключением пока Пугачевой и Собчак, признаны Минюстом РФ иноагентами.)

В Праге после, как я думаю, тщательного отбора, на канале «Настоящее время» при «Голосе Америки», курируемого ЦРУ, обосновалась группа русскоговорящих ведущих, которые вещают на Россию с утра до вечера по You Tube и другим каналам. По-прежнему ежедневно выходит в эфир на русском языке кадровая радиостанция ЦРУ «Свобода».

Окончательно слинявший Познер

Самые большие надежды на разрушение России изнутри Запад связывал с либеральной оппозицией и ее представителями в российском медиапространстве. С началом СВО эти ресурсы практически сошли на нет. Прекратила свой выпуск «Новая газета». Утек в Ригу «Дождь». Газпром наконец перестал финансировать «Эхо Москвы», что он делал с 1998 по 2022 годы. Почти 25 лет из кассы нашего «народного достояния», как именуют Газпром в рекламе, на счет главного рупора либеральной оппозиции в России регулярно поступали десятки миллионов рублей в год. Это ли не иллюстрация того, что в верхних эшелонах российской власти прочно окопалась именно эта оппозиция, по сути «пятая колонна».

Главный редактор «Эха Москвы» А.Венедиктов после того, как его вместе с его радиостанцией Минюст объявил наконец иноагентами, с марта 2022 года выпускает на YouTube-канале программу «Живой гвоздь». Надеюсь, Газпром ее не финансирует. Хотелось бы знать всё же, кто спонсоры этого иноагента сегодня? А они у него есть.

Вскоре после закрытия его «Эха» Венедиктов пооткровенничал в интервью журналу «Форбс»: *«В глазах людей, кото-*

рые [работают] в Кремле, всего три медиа являлись влиятельными среди людей, принимающих решения. Министры, депутаты, руководители агентств все-таки смотрели «Дождь», читали «Новую», слушали «Эхо Москвы». И добавлю к этому: смотрели по телевидению перед сном по Первому каналу программу Владимира Познера — тогда представление о взглядах и настроениях той части нашей властной элиты, которая сориентирована на Запад и завела там себе счета в банках, недвижимость и даже нередко гражданство либо вид на жительство, будет более полным.

В прошлом году, как только началась СВО на Украине, кумир российской либеральной оппозиции 88-летний ветеран российского телевидения Владимир Познер без объяснения причины снял с эфира Первого канала свою многолетнюю персональную программу «Познер». И после этого перестал где бы то ни было появляться. Ему было куда податься: помимо российского у него есть еще минимум два гражданства — США, где он родился и всегда считал своей родиной, и Франции, где он как гурман и любитель хорошего вина предпочитает жить.

Его карьера по-своему уникальна. Познеру в свое время пригрозил разоблачением бывший председатель КГБ СССР Владимир Крючков. Когда в одной из своих передач Познер решил проехаться по чекистам, Крючков намекнул ему публично, что может обнародовать сведения не только о работе его отца на КГБ, но и о сотрудничестве самого Познера с этой организацией. Действительно, отец Познера еще до отъезда из США стал агентом КГБ, этого Познер-сын и не скрывал. Но от своих связей с КГБ всячески открещивался. Факты же — упрямая вещь. Еще в октябре 1961 года Познер поступил на работу в Главную редакцию политических публикаций АПН, которая была частью аппарата КГБ СССР. Свою связь с родной ему Америкой он поддерживал за счет различных радио и телемостов. С начала 1980-х он вёл «Воскресный вечер с Владимиром Познером» и «Америка Владимира Познера», которые транслировались одновременно в США и СССР. И, конечно, только абсолютно наивный человек не догадывался, что такого рода диалоги через океан не могли выходить в СССР в эфир без цензуры и без контроля со стороны Лубянки, а значит, и без сотрудничества Познера с КГБ. Крючков мог напомнить Познеру и о его пропагандистских поездках по СССР с американскими журналистами в сопровождении эскорта штатных сотрудников КГБ. После этого намека Крючкова Познер от публичной критики КГБ воздерживался. Он признал: «Я был удачливым советским

пропагандистом и шел на компромиссы, о которых жалею».

С приходом Горбачева решила ее основная проблема — он 38 лет был мертво невыездным и, как только с него сняли это клеймо, вернулся в США на свою настоящую родину 14 мая 1986 года, где в 1991 году получил предложение работать с известным американским телеведущим Филом Донахью и вёл с ним на телеканале CNBC еженедельную программу «Pozner & Donahue», которая транслировалась нашим Центральным телевидением.

Россию, куда его привез еще в детстве отец, он никогда не любил, хотя своей известностью и карьерой обязан именно ей. Но по его собственному признанию, наша страна была для него только «местом работы».

Я лично знал Познера и участвовал в его передачах на Америку в конце 70-х годов. Он действительно талантливый мастер своего дела, хотя его «неодолимое обаяние» — это миф его либеральных поклонников и поклонниц. Он всегда внешне напоминал мне французского бульдога. Но на вкус и цвет товарищей нет. Да и с лица воду не пьют.

Если такие трибуны либеральной оппозиции, как Гозман и Шендерович по уровню интеллекта стоят не выше местечкового раввина, то Познер — это общепризнанный асс и гуру российского медийного пространства и окопавшейся в нем «пятой колонны».

Будучи евреем по происхождению, он евреем себя не считает, а его фильм «Еврейское счастье», сделанный совместно с евреем Иваном Ургантом (признан в РФ иноагентом) даже критиковали как антисемитский. Познер не апатрид, у него три гражданства, но он, как говорят, считает себя «гражданином мира».

После развала СССР Познер добился внушительного успеха в России и за рубежом, выступая в роли «совести нации», духовного отца русской демократии и современной русской интеллигенции. Но при этом — он всегда был проводником западного влияния, одним из идеологов враждебного нам мира, ценности которого он пытался в меру своих возможностей перенести и утвердить в России. Если до перестройки Познер не мог себе позволить критики власти даже по мелочам, то в наше время это стало основной темой и направлением его передач. Хотя и в этом он сохранял пиетет по отношению к тем, кто принимает жизненно важные решения в нашей стране, и сам им следовал. Но Советский Союз, где он и сделал себе имя, вещая на США, он не раз сравнивал с фашистским режимом, за что историк Евгений Спицын называл Познера «патентованным негодяем и подлецом».

Познер стал настоящим кумиром для многих российских западников. Он внушал и наставлял, судил и миловал. Как правило, свысока. Его роль в пропаганде западных ценностей высоко оценили за океаном. Он восстановил американское гражданство. В 2010 году в его студию пришла сама Хиллари Клинтон, в то время государственный секретарь США.

17 ноября 2008 года на «Первом канале» состоялась премьера его авторской передачи «Познер». С Эрнстом Познер договорился, что он не станет штатным сотрудником канала, который лишь покупает его программу. Но когда он затеял двойную игру, начав 8 апреля 2012 года передачу «Парфёнов и Познер» на телеканале «Дождь» (в 2022 г. признан в РФ иноагентом), Эрнст поставил перед ним ультиматум: либо Первый канал, либо «Дождь». 24 июня того же года Познер сообщил Эрнсту, что предпочел «Познер». Формально разорвав контракт с «пятой колонной», где «Дождь», как теперь очевидно, играет роль рупора антироссийской пропаганды, Познер по своим убеждениям остался Познером и отказываться от них не намерен. Как внутренний эмигрант и человек с двойным дном он в совершенстве овладел искусством «двоемыслия» (термин из романа-утопии «1984» Джорджа Оруэлла). Поэтому, даже поддерживая в чем-то власть, как во времена СССР, так и после его распада, он всегда держал фигу в кармане, чем и привлекал симпатии либеральной интеллигенции. Еще в 80-е годы в одной из своих передач о том, «как хорошо в Стране Советской жить», он выпустил в эфир наивную девушку, которая, отвечая на вопрос американского партнера Познера, как относятся в СССР к сексу, заявила на весь мир: «В СССР секса нет!». Нет сомнения в том, что это была хорошо отрежиссированная подстава.

Программа «Познер» годами регулярно выходила в эфир Первого канала без какой-либо цензуры. Познер сам ее и закрыл, хотя и не объявил публично о связи этого его «молчаливого протеста» с началом СВО, поэтому иностранным агентом в России он пока официально не признан.

Многие, особенно беглые и оставшиеся в РФ либералы, ждали, когда же наконец выскажется Познер о том, что происходит в мире и, в частности, на Украине. Он упорно отмалчивался, отшучивался и уходил от ответа больше года, так и не высказавшись ни по поводу СВО, ни по поводу курса на раздел и уничтожение России, снова взятого США. Он попросту пропал с радаров, сбежав из России вместе с другими звездами из «алии протеста».

Кто-то объясняет это тем, что Познер и раньше не поддерживал режим Зеленского, когда отказался выступить против

возвращения Крыма в Россию и тем самым гарантировал себе работу на российском телевидении. Кто-то говорит, что Познер на старости лет больше не хочет ввязываться в политику — ему уже пошел 88 год.

Но Познер не был бы Познером, если бы вновь не проявил чудеса двоемыслия. Он решил-таки высказаться в день 8 марта. Объективно он оправдал решение Кремля о начале СВО, приведя в пример кубинский кризис 1962 г., когда Никита Хрущев в ответ на размещение американских ракет «Першинг» в Турции по договоренности с Фиделем Кастро разместил советские ракеты на Кубе. Но в силу своего двоемыслия в бочку меда лести российскому руководству влил все же ложку дегтя, обругав всех тех, кто в российских СМИ поддержал СВО. Депутат Госдумы Анатолий Вассерман, узнав об этом, сказал, что Познер упустил удачную возможность промолчать.

Либеральная оппозиция была явно разочарована столь очевидным нежеланием своего кумира сидеть с ней вместе в одном окопе за рубежом. Этому оковавшийся в Латвии телеканал «Дождь» посвятил целую передачу, суть которой сводилась к тому, что загнанных лошадей... Ну, вы знаете, что об их судьбе говорил Марк Твен.

На 8 апреля с.г. в Москве был запланирован творческий вечер Познера «О людях», ранее перенесенный с 26 ноября 2022. Но и его отменили без объяснения причин.

Под конец своей жизни Познер, видимо, и сам понял, что оказался невостребованным ни в России, ни за океаном, куда он опять вернулся. Его списали. Тележурналист Михаил Шахназаров именно этим и объясняет «исход» Познера и закрытие его программы на ЦТ, равно как и его отказ от встреч со своими поклонниками: «Когда человек начинает выступать в роли ментора, — пишет он в своем блоге, — начинает учить всю страну, навязывать свое мнение, то кроме чувства раздражения, у меня это вызывать ничего не может. Знаете, есть моменты, когда пора уходить — из-за возраста. Возраст не влияет положительно на клетки головного мозга, когда за 80 скакануло уже».

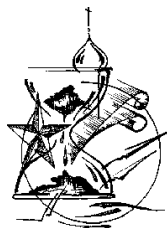
Думаю, что у Познера дело не столько в возрасте, сколько в кризисе жанра, в отсутствии потребности в его ток-шоу в России, да и в общей деградации либерализма, который превращается у претендентов на мировое господство в либеральный фашизм. Вот поэтому телекумир российских либералов благоразумно сам сошел с пьедестала, а телепередача, названная его именем, приказала долго жить.

Вадим КОЖИНОВ
(1930—2001)

ЗАГАДКА 1937 ГОДА

Контрреволюция, осуществляемая «по-революционному».
(Из книги «Россия. Век XX»)

Сосредоточение, даже, если прибегнуть к современному жаргонному словечку, «заклиненность» на фигуре Сталина фатально мешала и мешает увидеть реальное движение истории в 1930-х годах, — движение, о котором достаточно весомо и верно сказал, например, такой деятель и идеолог, как Л.Д. Троцкий. Речь идет о его книге «Преданная революция», законченной к началу августа 1936 года (то есть еще до 1937-го и до расстрела Зиновьева и Каменева 25 августа 1936 года) и издававшейся также под названием «Что такое СССР и куда он идет?». Троцкий считал эту книгу «главным делом своей жизни». Однако нынешних авторов, пишущих о 1930-х годах, как правило, интересуют другие сочинения Троцкого, написанные несколько позже, — сочинения, посвященные «разоблачению» личных пороков Сталина. Дело в том, что в левых кругах Запада в течение 1930-х годов всё нарастал культ Сталина. Троцкого это крайне раздражало, и он стремился всячески дискредитировать своего победившего «соперника». Эти сочинения Троцкого гораздо более легковесны, чем «Преданная революция», о чем без обиняков говорится даже в апологетической книге Исаака Дойчера «Троц-

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

кий в изгнании», однако сегодняшние авторы, заклинившись на Сталине, ценят более всего именно «сталиниану» Троцкого.

В сочинении же «Преданная революция» Троцкий явно ставил перед собой задачу понять ход самой истории, а не личные сталинские «козни»:

«Достаточно известно, — совершенно верно писал он, — что каждая революция до сих пор вызывала после себя реакцию или даже контрреволюцию, которая, правда, никогда не отбрасывала нацию полностью назад, к исходному пункту... Жертвой первой же реакционной волны являлись, по общему правилу, пионеры, инициаторы, зачинщики, которые стояли во главе масс в наступательный период революции... Аксиоматическое утверждение советской литературы, будто законы буржуазных революций «неприменимы» к пролетарской, лишено всякого научного содержания».

И далее Троцкий конкретизировал понятия «реакция» и «контрреволюция» непосредственно на «материале» жизни СССР в середине 1936 года: «...вчерашние классовые враги успешно ассимилируются советским обществом... — писал он. — Ввиду успешного проведения коллективизации «дети кулаков не должны отвечать за своих отцов»...» Мало того: «...теперь и кулак вряд ли верит в возможность возврата его прежнего эксплуататорского положения на селе. Недаром же правительство приступило к отмене ограничений (это началось в 1935 году. — **В.К.**), связанных с социальным происхождением!» — восклицал в сердцах Троцкий.

Ныне об этой стороне дела уже мало кто знает, а между тем «ограничения» были чрезвычайно значительными. Так, например, в высшие учебные заведения принимались почти исключительно «представители пролетариата и беднейшего крестьянства». Выразителен в этом отношении написанный в октябре 1923 года «отчет» профессора Факультета общественных наук (ФОН) Московского университета В.Я. Брюсова — знаменитейшего тогда поэта, ставшего в 1920 году большевиком. В отчете речь шла, в частности, о «чистке» студенческого состава: «...принимался во внимание и момент социальный... результат чистки оказался в общем удачным. Надо признать, что в прошлом 1922—1923-м академическом году состав студенчества ФОНа оставлял многого желать... В текущем году это значительно изменилось. Что касается 1-го курса, то в текущем году состав его должен оказаться совершенно иным, так как принимались почти исключительно окончившие рабфаки» (то есть подготовительные «рабочие факультеты»).

Отказ от такого рода «ограничений» возмущал Троцкого, хотя сам-то он вырос в весьма богатой семье... Резко писал он и о другом «новшестве» середины 1930-х годов: «По размаху неравенства в оплате труда СССР не только догнал, но и далеко перегнал (это, конечно, сильное преувеличение. — **В. К.**) капиталистические страны!.. Трактористы, комбайнеры и пр., т.е. уже заведомая аристократия, имеют собственных коров и свиней... Государство оказалось вынуждено пойти на очень большие уступки собственническим и индивидуалистическим тенденциям деревни...» и т.д.

С негодованием писал Троцкий и о стремлении возродить в СССР семью: «Революция сделала героическую попытку разрушить так называемый «семейный очаг», т.е. архаическое, затхлое и косное учреждение... Место семьи... должна была, по замыслу, занять законченная система общественного ухода и обслуживания — то есть «действительное освобождение от тысячелетних оков. Доколе эта задача не решена, 40 миллионов советских семей остаются гнездами Средневековья... Именно поэтому последовательные изменения постановки вопроса о семье в СССР наилучше характеризуют действительную природу советского общества... Назад к семейному очагу!.. Торжественная реабилитация семьи, происходящая одновременно, — какое providенциальное совпадение! — с реабилитацией рубля (имеется в виду денежная реформа 1935—1936 гг. — **В. К.**)... Трудно измерить глазом размах отступления!.. Азбука коммунизма объявлена «левацким загибом». Тупые и черствые предрассудки малокультурного мещанства возрождены под именем новой морали».

И другая сторона этой проблемы: «Когда жива была еще надежда сосредоточить воспитание новых поколений в руках государства, — продолжал Троцкий, — власть не только не заботилась о поддержании авторитета «старших», в частности, отца с матерью, но наоборот, стремилась как можно больше отделить детей от семьи, чтобы оградить их от традиций косного быта. Еще совсем недавно, в течение первой пятилетки (то есть в 1929—1933 годах. — **В. К.**), школа и комсомол широко пользовались детьми для разоблачения, устыжения, вообще «перевоспитания» пьянствующего отца или религиозной матери... Этот метод означал потрясение родительского авторитета в самых его основах. Ныне и в этой немаловажной области произошел крутой поворот: наряду с седьмой (о грехе прелюбодеяния. — **В. К.**) пятая (о почитании отца и матери. — **В. К.**) заповедь полностью восстановлена в правах, правда, еще без бога... Забота об авторитете старших

повела уже, впрочем, к изменению политики в отношении религии... Ныне штурм небес, как и штурм семьи, приостановлен... По отношению к религии устанавливается постепенно режим иронического нейтралитета. Но это только первый этап...»

Наконец, возмущался Троцкий, «советское правительство... восстанавливает **казачество** (выделено самим Троцким. — **В.К.**), единственное милиционное формирование царской армии (имелось в виду постановление ЦИК СССР от 20 апреля 1936 года. — **В.К.**)... Восстановление казачьих лампасов и чубов есть, несомненно, одно из самых ярких выражений Термидора! Еще более оглушительный удар нанесен принципам Октябрьской революции декретом (от 22 сентября 1935 года. — **В.К.**), восстанавливающим офицерский корпус во всем его буржуазном великолепии... Достоинно внимания, что реформаторы не сочли нужным изобрести для восстанавливаемых чинов свежие названия (в сентябре 1935 года были возвращены отмененные в 1917-м звания «лейтенант», «капитан», «майор», «полковник». — **В.К.**)... В то же время они обнаружили свою ахиллесову пяту, не осмелившись восстановить звание генерала». Впрочем, Троцкий, который был убит 20 августа 1940 года, успел убедиться в последовательности «реформаторов»: 7 мая 1940-го и генеральские звания были возрождены...

Итак, Троцкий определил поворот, совершившийся в середине 30-х годов, как «контрреволюцию» (которая, помимо прочего, закономерно привела в конце концов к уничтожению массы революционных деятелей; Троцкий написал приведенные выше тексты еще до второго суда над группой Зиновьева—Каменева, обречшего ее на казни). Естественно, может возникнуть вопрос о своего рода абсурде: в стране идут контрреволюционные изменения, а, между тем, репрессируемых квалифицируют именно как контрреволюционеров. Это было настолько общепринятым обвинением, что возникло даже ходовое словечко «каэры» (так произносилась аббревиатура «КР»). Но к вопросу об этом «абсурде» мы еще вернемся: рассмотрим сначала феномен «контрреволюции» 1930-х годов в освещении другого «наблюдателя».

В том же 1936 году, когда Троцкий писал о громадных изменениях, произошедших за краткий срок в СССР, о том же самом, но с прямо противоположной «оценкой» писал видный мыслитель Георгий Федотов, эмигрировавший из СССР осенью 1925 года, то есть сравнительно поздно (это обеспечило ему хорошее знание послереволюционного положения на родине). Он утверждал, что 1934 год начал «новую полосу

русской революции... Общее впечатление: лед тронулся. Огромные глыбы, давившие Россию семнадцать лет своей тяжестью, подтаяли и рушатся одна за другой. Это настоящая контрреволюция, проводимая сверху. Так как она не затрагивает основ ни политического, ни социального строя, то ее можно назвать бытовой контрреволюцией. Бытовой и вместе с тем духовной, идеологической... Право юношей на любовь и девушек на семью, право родителей на детей и на приличную школу, право всех на «веселую жизнь», на елку (в 1935 году было «разрешено» украшать новогодние — бывшие «рождественские» — елки, что я — тогда пятилетний — хорошо помню. — **В.К.**) и на какой-то минимум обряда — старого обряда, украшавшего жизнь, — означает для России восстание из мертвых...»

И далее: «Начиная с убийства Кирова (1 декабря 1934 г.) в России не прекращаются аресты, ссылки, а то и расстрелы членов коммунистической партии. Правда, происходит это под флагом борьбы с остатками троцкистов, зиновьевцев и других групп левой оппозиции. Но вряд ли кого-нибудь обманут эти официально пришиваемые ярлыки. Доказательства «троцкизма» обыкновенно шиты белыми нитками. Вглядываясь в них, видим, что под троцкизмом понимается вообще революционный, классовый или интернациональный социализм... Борьба... сказывается во всей культурной политике. В школах отменяется или сводится на нет политграмота. Взамен марксистского обществоведения восстанавливается история. В трактовке истории или литературы объявляется борьба экономическим схемам, сводившим на нет культурное своеобразие явлений... Можно было бы спросить себя, почему, если марксизм в России приказал долго жить, не уберут со сцены его полинявших декораций. Почему на каждом шагу, изменяя ему и даже издеваясь над ним, ханжески бормочут старые формулы?.. Отречься от своей собственной революционной генеалогии — было бы безрассудно. Французская республика 150 лет пишет на стенах «Свобода, равенство, братство», несмотря на очевидное противоречие двух последних лозунгов самим основам ее существования»; и в самом деле — между богатыми собственниками и наемными рабочими и служащими нет ни «братства», ни «равенства»...

Характерно, что Георгий Федотов здесь же вспомнил о Троцком: «Революция в России умерла. Троцкий наделал много ошибок, но в одном он был прав. Он понял, что его личное падение (в 1927 году. — **В.К.**) было русским «термидором». Режим, который сейчас установился в России, это уже не термидорианский режим. Это режим Бонапарта» — то есть

нечто подобное режиму ставшего в конце концов императором полководца Французской революции Наполеона.

Немаловажно, что единое понимание (правда, с совершенно разной «оценкой»!) происходившего в 1934—1936 годах было высказано двумя столь различными деятелями. Правда, оба они явно преувеличивали результаты «контрреволюционных» изменений, делая это опять-таки по разным причинам: Троцкий стремился как можно более решительно разоблачить «предательство» Революции, а Федотов, напротив, — внушить надежду на «воскрешение» России, какой она была до революционного катаклизма. И то, и другое стремления мешали объективному пониманию происходившего.

В рассуждениях Троцкого с очевидностью предстает «дурное» противоречие: он ведь сам заявил, что «каждая революция» сменялась «реакцией» или даже «контрреволюцией», то есть справедливо увидел в перевороте 1934—1936 годов воплощение неотменимой исторической закономерности, однако далее начал негодовать по поводу вполне «естественных» последствий этого поворота истории (определенное «восстановление» прошлого).

В свою очередь, Федотов совершенно уместно напомнил о ходе Французской революции, которая закономерно породила Наполеоновскую империю, однако тут же заговорил о возможности «восстания из мертвых» дореволюционной России, — хотя, как ему хорошо было известно, ни «бонапартизм», ни даже позднейшая реставрация монархии (в 1814 году) не смогли «отменить» основные результаты Французской революции (стоит, правда, отметить, что впоследствии Федотов «разочаровался» в совершившейся в СССР 1930-х годов, согласно его определению, «контрреволюции» и перестал усматривать в ней «восстание из мертвых» прежней России, — но это уже другой, особый вопрос).

При всех возможных оговорках и Троцкий, и Федотов были правы в основной своей мысли, — в том, что страна, начиная с 1934 года, переживала «контрреволюционный» по своему глубокому смыслу поворот.

Нельзя не задуматься о самом этом слове «контрреволюция». В устах Троцкого оно имело самый что ни есть «страшный» обличительный смысл, в то время как Федотова это слово явно не «пугало». Об этом необходимо сказать потому, что и до сего дня в массовом сознании «контрреволюция» воспринимается скорее «по-троцки», чем «по-федотовски», — хотя в истории нет ничего «страшнее» именно революций — глобальных катастроф, неотвратимо ведущих к бесчисленным жертвам и беспримерным разрушениям.

Господствовавшее в продолжении десятилетий прославление и Российской революции, и — что закономерно — любых революций вообще, посеяло прочное, но заведомо ложное представление о сущности этих катаклизмов. Беспощадность, которая была присуща всем революциям, когда они сталкивались с каким-либо сопротивлением, поистине не сравнима ни с чем. Вот типичные факты.

После победы Английской революции в 1648 году часть тогдашней Великобритании — Ирландия — не признала новой власти. Началась жесточайшая борьба, и в 1650 году, как констатируется в специальном исследовании, «английское командование прибегло... к таким средствам, как выкуривание (поджог мелколесья) и голодная блокада (поджог и истребление всего, что могло служить повстанцам продовольствием)... После трех лет борьбы Ирландия к концу 1652 г. лежала в развалинах. Запустение страны было столь велико, что можно было проехать десятки верст и не встретить ни одного живого существа... Население Ирландии сократилось почти вдвое».

Через полтора года, во время Французской революции, примерно то же самое произошло в своеобразной области страны — Вандее, которая также сопротивлялась новой власти. Борьба с вандейцами «была чрезвычайно кровопролитной... По наивысшим оценкам погиб 1 млн. человек (учитывая тогдашнее население Франции — примерно 25 млн. человек, — это было колоссальное количество. — **В.К.**)... Целые департаменты обезлюдели».

В ходе Российской революции такая же ситуация имела место, например, в Области Войска Донского (ее и назвали тогда «казацкой Вандеей»), где также погибла примерно половина населения... И, конечно, жертвы «контрреволюции» 1930-х годов несопоставимы в этом отношении с результатами Революции: выше было показано, что в 1934—1938 годах погибло примерно в 30 раз (!) меньше людей, чем в 1918—1922 годах...

Впрочем, к этой скорбной теме мы еще вернемся. Сначала следует рассмотреть конкретные черты «контрреволюционного» поворота середины 1930-х годов.

Кардинально изменилось тогда само отношение к «дореволюционной» истории России. В 1930—1932 годах издавалась десятитомная «Малая советская энциклопедия», в статьях которой, несмотря на их предельную лаконичность, всё же нашлось место для всяческого поношения величайших исторических деятелей России:

«Александр Невский... оказал ценные услуги новгородскому торговому капиталу... подавлял волнения русского на-

селения, протестовавшего против тяжелой дани татарам. «Мирная» политика Александра была оценена лавиной с ханом русской церковью: после смерти Александра она объявила его святым (т. 1, с. 216). ...Минин-Сухорук... нижегородский купец, один из вождей городской торговой буржуазии... Буржуазная историография идеализировала М.-С. как бесклассового борца за единую «матушку Россию» и пыталась сделать из него национального героя (т. 5, с. 229)... Пожарский... князь... ставший во главе ополчения, организованного мясником Мининым-Сухоруким на деньги богатого купечества. Это ополчение покончило с крестьянской революцией (т. 6, с. 651)... Петр I... был ярким представителем российского первоначального накопления... соединял огромную волю с крайней психической неуравновешенностью, жестокостью, запойным пьянством и безудержным развратом» (там же, с. 447) и т.д. и т.п.

Начиная с 1934 года об этих русских деятелях заговорили совершенно по-иному, и вскоре вся страна восхищенно воспринимала апофеозные кинопоэмы «Петр Первый» (1937), «Александр Невский» (1938), «Минин и Пожарский» (1939), «Суворов» (1940) и др.

Нельзя не вспомнить и о том, что в 1929—1930 годах по обвинению в «монархическом заговоре» и других подобных грехах было арестовано большинство виднейших историков России разных поколений — С.В. Бахрушин, С.К. Богоявленский, С.Б. Веселовский, Ю.В. Готье, Б.Д. Греков, В.Г. Дружинин, А.И. Заозерский, Н.П. (не путать с Д.С.) Лихачев, М.К. Любавский, В.И. Пичета, С.Ф. Платонов, С.В. Рождественский, Б.А. Романов, Е.В. Тарле, Л.В. Черепнин, А.И. Яковлев и многие другие. Но всего через несколько лет все они — за исключением Любавского, Платонова и Рождественского, которые, увы, не дожили до освобождения — не только возвратились к работе, но и были вскоре удостоены самых высоких почестей и наград. К этому следует добавить, что почти все «обвинители» С.Ф. Платонова и других, начиная от воинствующих марксистских историков Г.С. Фридлянда и М.М. Цвибака и кончая руководителями ОПТУ и ЦКК ВКП(б) Я.С. Аграновым и Я.Х. Петерсом, были в 1937—1938 годах репрессированы. Поистине символическим актом явилось переиздание в том же 1937 году основного труда скончавшегося в 1933-м главного обвиняемого, С.Ф. Платонова, и избрание в 1939 году недавних «врагов» Ю.В. Готье действительным членом и С.В. Бахрушина — членом-корреспондентом Академии Наук...

Конечно, коренная перемена в отношении власти к дореволюционной истории (и, соответственно, историкам) — это только одна сторона поворота, о котором идет речь, и для воссоздания полной картины пришлось бы подробно говорить чуть ли не обо всех областях и аспектах жизни страны в 1934—1936 годах.

Но в данном случае важнее всего понять, что столь масштабный и многосторонний поворот неверно, даже нелепо рассматривать как нечто совершившееся по личному замыслу и воле Сталина. Как уже говорилось, позднее тот же Троцкий, стремясь переломить нараставшие тогда симпатии левых кругов Запада к Сталину, приписывал его личным усилиям чуть ли не всё, что происходило в 1930-х годах в СССР. Об этом критически говорится в восторженном в целом жизнеописании Троцкого, принадлежащем Исааку Дойчеру, который, в частности, счел нужным написать: «Апологетам Сталина... Троцкий отвечал с таким гневом, который, хотя был и оправдан, выставлял его фольклорным злоумышленником», то есть сочинителем «сказок» в духе упомянутого выше «Тараканища».

Но это, повторяю, было попыткой остановить рост культа Сталина на Западе. На деле же Троцкий был, конечно, много умнее, и в своем дневнике (который был опубликован лишь в 1986 году) вполне обоснованно записал еще 18 февраля 1935 года, что «победа... Сталина была предопределена. Тот результат, который зеваки и глупцы (позже он сам, в сущности, присоединился к таковым! — **В.К.**) приписывают личной силе Сталина, по крайней мере его необыкновенной хитрости, был заложен глубоко в динамику исторических сил. Сталин явился лишь полубессознательным выражением второй главы революции, ее похмелья».

Впрочем, и в своем опубликованном в 1936 году сочинении «Преданная революция» Троцкий, ставя вопрос, «почему победил Сталин?», отвечал: «Каждая революция вызывала после себя реакцию или даже контрреволюцию», — то есть суть дела заключалась в закономерном ходе истории после любой революции, а не в «индивидуальной» идеологии и политике Сталина, который, правда, сумел так или иначе понять реальную «динамику исторических сил».

Эту «динамику», как видим, понимал и сам Троцкий, но он — в сущности, противореча своему собственному верному «диагнозу», — оценивал закономерный отказ от крайних разрушительных последствий революционного катаклизма безоговорочно отрицательно. Он явно жаждал всё более интенсивного «углубления» революционной «переделки» жиз-

ни — в конце концов полного уничтожения складывавшегося в течение столетий бытия России, пытаясь приписывать это устремление большинству ее населения, которое будто бы возмущалось явлениями «реставрации».

В противовес Троцкому Георгий Федотов (который, как мы помним, сам был в свое время, до революции, членом РСДРП) писал в том же 1936 году: «Россия, несомненно, возрождается материально, технически, культурно. ...Одно время можно было бояться, что сознательное разрушение семьи и идеала целомудрия со стороны коммунистической партии загубит детей. Мы слышали об ужасающих фактах разврата в школе, и литература отразила юный порок. С этим, по-видимому, теперь покончено... Школы подтянулись и дисциплинировались. Нет, с этой стороны русскому пароду не грозит гибель... Строится, правда, очень элементарное, но уже нравственное воспитание. Порядок, аккуратность, выполнение долга, уважение к старшим, мораль обязанностей, а не прав — таково содержание нового послереволюционного нравственного кодекса. Нового в нём мало. Зато много того, что еще недавно клеймилось как буржуазное... В значительной мере реставрировано десятизаконие (то есть десять христианских заповедей, — что, в противоположность Троцкому, Федотов приветствует. — **В.К.**). Правда, по-прежнему с приматом социального, с принесением лица в жертву обществу, но и лицо уже имеет некоторый малый круг, пока еще плохо очерченный, своей жизни, своей этики: дружбы, любви, семьи. И тот коллектив, которому призвана служить личность, уже не узкий коллектив рабочего класса или даже партии, а нации, родины, отечества, которые объявлены священными. Марксизм — правда, не упрямый, но истолкованный — не отравляет в такой мере отроческие души философией материализма и классовой ненависти. Ребенок и юноша поставлены непосредственно под воздействие благородных традиций русской литературы. Пушкин, Толстой — пусть вместе с Горьким — становятся воспитателями народа. Никогда еще влияние Пушкина в России не было столь широким. Народ впервые нашел своего поэта. Через него он открывает собственную свою историю. Он перестает чувствовать себя голым зачинателем новой жизни, будущее связывается с прошлым. Вудушенную рационализмом, технически ориентированную душу вторгаются влияния и образы иного мира, полнозвучного и всечеловечного, со всем богатством этических и даже религиозных эмоций. Этот мир уже не под запретом».

Федотов, конечно же, и в этом рассуждении (как и в цитированном выше) весьма и весьма преувеличивал плоды чае-

мого им «воскрешения» России, но само направление поворота — которое так возмущало Троцкого — он обрисовал верно (и сочувственно). И это был, повторю еще раз, ход самой истории, а не реализация некой личной программы Сталина, который только в той или иной мере осознавал совершавшееся историческое движение и так или иначе закреплял его в своих «указаниях». И, как явствует из многих фактов, его поддержка этого объективного хода истории диктовалась прежде всего и более всего нарастанием угрозы глобальной войны, которая непосредственно стала в повестку дня после прихода к власти германских нацистов в 1933 году.

Вполне естественно, что Георгий Федотов не без волнения писал в конце 1936 года: «Еще очень трудно оценить отсюда (то есть из эмиграции. — В.К.) силу и живучесть нового русского патриотизма... Сталин сам, в годы колхозного закрепощения, безумно подорвал крестьянский патриотизм, в котором он теперь столь нуждается... Мы с тревогой и болью следим отсюда за переборами русского надорванного сердца. Выдержит ли?»

То есть победа в грядущей войне, по убеждению Федотова, всецело зависит от того, насколько глубок и всеобъемлющ совершающийся поворот. Троцкий же, проявляя в данном случае поразительную недалекость, утверждал тогда же: «Опасность войны и поражения в ней СССР есть реальность... Судьба СССР будет решаться в последнем счете не на карте генеральных штабов, а на карте борьбы классов. Только европейский пролетариат, непримиримо противостоящий своей буржуазии... сможет оградить СССР от разгрома...» (на деле «революционный» пролетариат не играл во Второй мировой войне существенной роли, и вполне закономерно, что в ходе этой войны был распушен Коминтерн).

Позднее, в 1939 году — то есть уже после периода террора — Троцкий писал: «Сталин не способен воевать... Он не способен дать ничего, кроме поражений». И объяснял это тем, что в СССР «задушен» (к 1939 году) «революционный народ». То есть Троцкий представлял себе войну с нацистской Германией как, по сути дела, «гражданскую», «классовую» войну...

Троцкий «забыл» или же вообще не сумел понять глубокого различия между «классовыми» схватками и войной в собственном смысле слова. Когда РСФСР в 1920 году оказалась в состоянии войны с Польшей, с поляками как нацией, предреввоенсовета Троцкий отправил командовать сражениями почти весь интернациональный сонм победителей в «классовых битвах»: руководили польской войной Гай (Бжишкян), Гамарник, Корк, Лазаревич, Мясников (Мяс-

никян), Раковский, Розенгольц, Смилга, Тухачевский, Уборевич, Якир и другие — в числе их и Сталин-Джугашвили. Но в единоборстве со сравнительно небольшой польской нацией они потеряли настолько сокрушительное поражение, что пришлось отдать Польше громадные территории Украины и Белоруссии, возвращенные лишь в 1939 году.. Нельзя исключить, что Сталин, испытавший на себе горечь поражения 1920 года, в конечном счете извлек из него важный урок...

Господствует мнение, что гибель в 1937—1938 годах всех (кроме Сталина) перечисленных руководителей прискорбной войны с Польшей привела к крайне тяжким последствиям в 1941 году. Но это, надо прямо сказать, весьма спорный вопрос. Гитлер, который отнюдь не был лишен проницательности (хотя это принято отрицать), в конце войны неоднократно говорил об одной из причин победы СССР: «Правильно сделал Сталин, что уничтожил всех своих военачальников...» Но к этой нелегкой проблеме мы еще вернемся.

26 января 1934 года Сталин заявил на заседании XVII съезда партии об «изменении политики Германии», о смене предстоящей — «мирной» — политической линии Германии в отношении СССР «политикой — как он иронически определил в кавычках — «новой», напоминающей в основном политику бывшего германского кайзера, который оккупировал одно время Украину и предпринял поход против Ленинграда» (то есть — тогда — Петрограда). Речь шла о политике Германии в 1918 году, то есть уже в отношении советской, а не царской России. Но, конечно, «политика кайзера» была той же самой до 1917 года; об этом просто неудобно было говорить в начале 1934 года, когда еще всецело господствовало большевистское толкование Первой мировой войны, согласно которому царская Россия рассматривалась в качестве столь же враждебной пролетариату силы, как и кайзеровская Германия...

Но вот что в высшей степени важно. Сталин, говоря об угрозе войны с Германией, подчеркнул: «...дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной (Италия как таковая, сама по себе, действительно никогда не имела планов войны против СССР. — В.К.)... Дело в изменении политики Германии». Эта постановка вопроса и по сей день вызывает негодование тех или иных идеологов: смотрите, говорят они, Сталин еще в январе 1934 года готов был иметь «наилучшие отношения» с фашизмом! Между тем, в стратегическом и, шире, геополитическом плане такая по-

становка вопроса была всецело обоснованной. Ибо германский фашизм или, точнее, нацизм лишь в пропагандистских целях уверял, что ведет борьбу именно и только с большевизмом; действительной его целью было сокращение России как геополитической силы, и Сталин правильно видел в этом давнюю «традицию»: политика Гитлера была «новой» именно в кавычках. Не исключено, что разведка сообщила Сталину хотя бы о первом выступлении Гитлера перед германским генералитетом 3 февраля 1933 года (фюрер нацистов стал рейхсканцлером всего четырьмя днями ранее — 30 января): «Цель всей политики в одном: снова завоевать политическое могущество», а затем — «захват нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация».

Иными словами, противостояние «фашизм—большевизм» — это лишь внешняя оболочка принципиально более глубокого и широкого исторического содержания. Заявив еще в 1934 году, что «дело не в фашизме», Сталин обнаружил тем самым осознание внутреннего смысла этого геополитического противостояния и, естественно, по-иному стал воспринимать историческое прошлое России, ограничившись, правда, поначалу напоминанием о политике кайзеровской Германии в 1918 году, то есть уже после превращения Российской империи в РСФСР, а не о войне, начавшейся в 1914 году.

Однако, осознав, что назревающая война будет по существу войной не фашизма против большевизма, но Германии против России, Сталин, естественно, стал думать о необходимости «мобилизации» именно России, а не большевизма. По-видимому, именно в этом и заключалась главная причина сталинской поддержки той «реставрации», которая так или иначе, но закономерно совершалась в 1930-х годах в самом бытии страны (а не в личной политической линии Сталина, которая ее только «оформляла»).

Впоследствии Сталин будет утверждать, что он всегда, с молодых лет был озабочен судьбой России (а не только большевистской политикой): так, выступая по радио с «обращением к народу» 2 сентября 1945 года, он скажет: «...поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны... легло на нашу страну черным пятном... Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной...»

Ясно помню, что я, тогда пятнадцатилетний, испытал чувство глубокого удивления, услышав из тарелки репродуктора эти произносимые подчеркнuto спокойным тоном Сталина слова. Об историческом «реванше» за поражение 1904 года

как-то ничего до тех пор не говорилось, это поражение было только одним из поводов для обличения «самодержавия» (на-пример, во всем известной тогда повести Валентина Катаева «Белеет парус одинокий»). И несмотря на свой столь юный возраст, я не очень поверил тому, что Сталин в самом деле с 1904 года «ждал» этого реванша. Сейчас я допускаю, что он мог его ждать, но только не сорок, а максимум десять лет...

Ответы на подобные вопросы весьма важны, ибо речь идет в конечном счете вовсе не об изменении личных воззрений Иосифа Виссарионовича, а о понимании истории страны. Ныне с прямо противоположных сторон Сталина стремятся представить, так сказать, прирожденным, исконным «русским патриотом», хотя одни — так или иначе чуждые России авторы — говорят об этом с проклятиями, а другие, напротив, с удовлетворением или даже восхищением.

М.П. Лобанов, которого я издавна глубоко уважаю и — решаюсь печатно зафиксировать это задушевное слово — люблю, всё же, думаю, не прав, утверждая на страницах «НС» (1996, №7, с. 175—176), что Сталин был «непреклонным государственным... (тут же конкретизируя: «сторонником «органического» развития государства как целого, которое вбирает в себя и подчиняет себе все его составляющие — личность, классы и т.д.») уже в то предоктябрьское время, когда «ленинская гвардия» жаждала превращения России в костер мировой революции». И еще до Октября Сталин-де выступал в этом вопросе «в противовес Ленину».

В качестве доказательства приводится заявление Сталина на VI съезде партии в июле 1917 года: «...не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму». И Михаил Петрович заключает, что уже тогда Сталин видел будущую Россию «государственностью («социализм в одной отдельно взятой стране»), не зависимой от мировой революции, мировых капиталистических сил».

Однако Сталин делал доклад на VI съезде по прямому поручению Ленина, который в тот момент находился на «нелегальном положении». И процитированные сталинские слова явно опирались на то, что было сказано в работе Ленина, написанной еще двумя годами ранее, в августе 1915 года: «...возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира...» и т.д.; этот ленинский прогноз Сталин, кстати сказать, впоследствии неоднократно цитировал.

И при всем желании едва ли можно обнаружить существенные противоречия между постановкой подобных вопросов у Ленина и Сталина в 1910—1920-х годах. Даже в позднейшем часто цитируемом письме Сталина к Демьяну Бедному (от 12 декабря 1930 года) высказано именно то понимание «национальной гордости», которое было сформулировано Лениным еще в 1913 году, и согласно которому в историческом прошлом России ценно одно только революционное движение: «Руководители революционных рабочих всех стран, — писал в самом конце 1930 года Сталин, — с жадностью изучают поучительнейшую историю рабочего класса России, его прошлое, прошлое России, зная, что кроме России реакционной существовала еще Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых (имелся в виду старший брат Ленина. — В.К.), Халтуриных и Алексеевых». Между тем вы, Демьян Бедный, возмущался Сталин, «запутавшись между скучнейшими цитатами из сочинений Карамзина и не менее скучными изречениями из «Домостроя», стали возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения».

Исследователь этого периода Ю.В. Емельянов справедливо писал о сталинском послании «запутавшемуся» Демьяну: «Из этого письма ясно, что И.В. Сталин решил отказаться от оголтелой дискредитации русского национального характера... лишь постольку, поскольку это вредило развитию мировой революции». Не приходится уже говорить о том, что в качестве объектов «национальной гордости» предложены, главным образом, террористы...

До 1934 года в сущности нет и намека на приверженность Сталина собственно русской (а не только революционной) теме. В своем докладе на XVI съезде партии (27 июня 1930 года) он посвятил целый раздел разоблачению «уклона к великорусскому шовинизму»: «Нетрудно понять, что этот уклон отражает стремление отживающих классов господствовавшей ранее великорусской нации вернуть себе утраченные привилегии. Отсюда опасность великорусского шовинизма как главная опасность» (т. 12, с. 370—371). К этому времени, кстати сказать, уже были арестованы почти все виднейшие русские историки...

Позднее, 5 февраля 1931 года, Сталин публикует следующее прямо-таки удивительное рассуждение: «История старой России (вся ее история вообще! — В.К.) состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били... Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны» и т.д. Впоследствии Сталин

«вспомнит» и о Дмитрие Донском, и о Суворове, и Ушакове, триумфально бивших этих самых «турецких беков», и о сокрушающих победах России над «шведскими феодалами», которые в результате навсегда отказались от каких-либо военных предприятий вообще, и о Минине и Пожарском и т.д. Но, повторяю, это было позже — после 1934 года, явившего собой определенную историческую грань. И опять-таки повторю, что суть дела не в выяснении развития личных сталинских представлений, а в понимании исторического развития самой страны.

Приписывание Сталину роли инициатора того (разумеется, весьма относительного) «воскрешения» России, которое совершалось в 1930-х годах, несостоятельно уже хотя бы потому, что в течение всего послеоктябрьского времени в стране было немало пользовавшихся более или менее значительным влиянием людей, которые никогда и не «отказывались» от тысячелетней России, — несмотря на риск потерять за эту свою приверженность свободу или даже жизнь. Ведь именно таковы были убеждения названных выше крупнейших историков во главе с С.Ф. Платоновым, арестованных в 1929—1930 годах! То же самое было присуще Сергею Есенину и писателям его круга (Клюев, Клычков, Павел Васильев и другие), которых начали арестовывать еще в 1920-х годах. И с теми или иными оговорками это можно сказать и о таких достаточно влиятельных в 1920 — начале 1930 годов писателях (пусть и очень разных), как Михаил Булгаков, Иван Катаев (не путать с Валентином!), Леонид Леонов, Михаил Пришвин, Алексей Толстой, Вячеслав Шишков, Михаил Шолохов, да и многих других. Притом нет сомнения, что за этими писателями стояла, как говорится, целая армия читателей, в той или иной мере разделявших их убеждения. Люди этого склада вели более или менее упорную духовную борьбу за Россию, и совершенно ясно, что поворот середины 1930-х годов был подготовлен и их усилиями.

Стоит коснуться здесь одного эпизода из жизни Михаила Булгакова — тем более, что он преподносился подчас с грубейшими искажениями. Так, театровед А.Смелянский писал в своем изданном в 1989 году 50-тысячным тиражом сочинении: «Осенью 1936 года в доме Булгаковых были поражены разгромом «Богатырей» в Камерном театре по причине «глумления над крещением Руси». В 1939 году ура-патриотические тенденции стали официальной доктриной режима». Незнакомый с фактами читатель неизбежно поймет процитированные фразы в том смысле, что-де «в доме Булгаковых

были поражены» прискорбно или даже возмущенно... На деле же всё было, как говорится, с точностью до наоборот.

Пресловутая «опера» по пьеске Демьяна Бедного-Придворова была беспримерным издевательством над «золотым веком» Киевской Руси — над великим князем Владимиром Святославичем, его славными богатырями и осуществленным им Крещением Руси. «Опера» эта была поставлена впервые еще в 1932 году и всячески восхвалялась. Журнал «Рабочий и театр» захлебывался от восторгов: «Спектакль имеет ряд смелых проекций в современность, что повышает политическую действенность пьесы. Былинные богатыри выступают в роли жандармской охранки. Сам князь Владимир... к концу спектакля принимает образ предпоследнего царя-держиморды» и т.п. (1934, №1, с. 14). Через четыре года, в 1936-м, один из влиятельнейших режиссеров, Таиров-Корнблит, решил заново поставить в своем театре эту стряпню — явно не понимая, что наступает иное время. «Спектакль» был, если воспользоваться булгаковскими образами, зрелищем, организованным Берлиозом на стишки Ивана Бездомного (еще не «прозревшего»).

Е.С. Булгакова записала в своем дневнике 2 ноября 1936 года: «Днем генеральная репетиция «Богатырей» в Камерном. Это чудовищно позорно». А 14 ноября она записывает: «Миша сказал: «Читай» и дал газету. Театральное событие: постановлением Комитета по делам искусств «Богатыри» снимаются, в частности, за глумление над Крещением Руси». Я была потрясена. Вот фрагменты из постановления: «Спектакль... а) является попыткой возвеличивания разбойников Киевской Руси как положительный революционный элемент, что противоречит истории... б) огульно чернит богатырей русского былинного эпоса, в то время как главнейшие из богатырей являются... носителями героических черт русского народа; в) дает антиисторическое и издевательское изображение крещения Руси, являвшегося в действительности положительным этапом в истории русского народа...»

Всё это настолько «отличалось» от насаждаемой ранее идеологии, что «потрясение», испытанное супругой писателя и, без сомнения, им самим, вполне понятно. Не прошло и десяти дней, как М.А. Булгаков (23 ноября) делает наброски к либретто другой оперы, озаглавленные для начала просто: «О Владимире». Он сгоряча преувеличил последствия совершающегося политико-идеологического поворота, но, очевидно, понял затем его «ограниченность» и не продолжил работу над произведением о Крестителе Руси.

Но поворот все же совершался.

Как мы видели, Троцкий был непримиримым противником этого поворота. В первое послереволюционное десятилетие он — о чем подробно говорилось выше — стремился постоянно подчеркивать «видимость» русского национального характера революции, но когда видимость начала становиться реальностью, он не жалел проклятий по этому поводу. Однако совершенно неверно полагать, что яростными противниками «реставрации» были только Троцкий и близкие ему деятели «левацкого толка». Бухарин, который в середине 1920-х годов активнейшим образом боролся против Троцкого, в середине 1930-х годов мог бы быть его вернейшим союзником.

В последние годы фигура Бухарина была представлена множеством авторов в заведомо ложном освещении — притом, пожалуй, в большей мере, чем какой-либо другой «вождь». Это искажает и общую картину 1920—1930-х годов, и потому необходимо хотя бы кратко сказать о действительной сущности идеологии Бухарина.

В 1930-х годах Троцкий — что вполне понятно — сделал главной мишенью своих обличений Сталина, который в результате стал восприниматься как главный или даже единственный его враг. Между тем, ранее, сразу после окончательного отстранения его от власти в октябре 1927 года, Троцкий совершенно недвусмысленно писал: «Всем известно, что Бухарин был главным и, в сущности, единственным теоретиком всей кампании против троцкизма...» Ныне нередко утверждают, что за спиной Бухарина стоял Сталин, который им манипулировал. Но это едва ли верно. Бухарин — что является из множества его вполне определенных высказываний — к середине 1920-х годов проникся чрезвычайно тревожными опасениями, полагая, что преобладающее в стране крестьянство, если его охватит сильное недовольство, неизбежно погубит большевистскую власть. И в «левацкой» программе Троцкого и его единомышленников, постоянно требовавших усиления нажима на «мелкую буржуазию», Бухарин видел смертельную угрозу. Это выражено в целом ряде его важнейших докладов и статей 1925—1927 годов, посвященных непримиримой борьбе с «троцкизмом».

В докладе же 13 апреля 1928 года Бухарин удовлетворенно констатировал: «После разгрома оппозиции (троцкистской. — В.К.) вся наша партия, естественно, должна приняться за деловую работу». Однако всего лишь через полтора месяца, 28 мая, Сталин неожиданно выступил с заявлением о необходимости неотложной коллективизации. И, как иронически писал 7 февраля 1930 года — уже в Константинопо-

ле — высланный из СССР Троцкий, «правое крыло (Бухарин, Рыков, Томский) порвало со Сталиным, обвинив его в троцкизме...»

Благодаря этому конфликту со Сталиным Бухарин обрел, пользуясь модным сегодня словечком, имидж «защитника крестьянства» — крестьянства в целом, включая «кулаков» — и потому чуть ли ни патриота, поскольку речь шла прежде всего о русском крестьянстве; именно так его необоснованно воспринимал, в частности, ряд писателей есенинского круга. И в наше время сей бухаринский имидж внедрен в сознание самых широких кругов.

В действительности же Бухарин, выступая против «сплошной коллективизации», стремился «защищать» тем самым вовсе не крестьянство, а большевистскую власть, для которой, по его убеждению, крестьянское сопротивление представляло смертельную опасность. В своем вызвавшем резкие нападки Сталина докладе «Политическое завещание Ленина» (21 января 1929 года) он заявил, что «если возникнут серьезные **классовые разногласия**» (выделено самим Бухариным) между рабочим классом и крестьянством, «гибель Советской республики неизбежна».

И нетрудно показать, что своей репутацией защитника крестьянства и даже — страшно подумать! — кулака Бухарин целиком и полностью обязан именно Сталину и его сподвижникам по борьбе с «правым уклоном». Стремясь всячески очернить Бухарина, ему совершенно бесосновательно приписали тогда эти ни в коей мере не свойственные ему устремления (для политической борьбы такое искажение взглядов противника — дело типичное...).

По мере развертывания коллективизации Бухарин убедился в том, что ни о какой «гибели Советской республики» не может идти речи, и в статье, опубликованной в «Правде» 19 февраля 1930 года, далеко «обгоняя» самого Сталина, громко заявил, что с кулаками «нужно разговаривать языком свинца».

После этого с Бухарина были полностью сняты те — в сущности, чисто клеветнические — обвинения, в силу которых он предстал как некий пособник кулачества; сохранилось лишь обвинение в крайнем преувеличении кулацкой опасности. Судите сами: в своем «заключительном слове» на XVI съезде партии (2 июля 1930 года) Сталин свел всю «вину» Бухарина и «правого уклона» в целом к необоснованной «тревоге», которую вызвало у них решение о «чрезвычайных мерах против кулаков»: «Помните, — вопрошал Сталин, — какую истерику закатывали нам по этому случаю лидеры пра-

вой оппозиции?.. «Не лучше ли проводить либеральную политику в отношении кулаков? Смотрите, как бы чего не вышло из этой затеи»... Появилась у нас где-либо трудность, загвоздка, — они уже в тревоге. ...Приходят в ужас и начинают вопить о катастрофе, о гибели Советской власти... И — «пошла писать губерния»... Бухарин пишет по этому поводу тезисы и посылает их в ЦК, утверждая, что политика ЦК довела страну до гибели... Рыков присоединяется к тезисам Бухарина... Правда, потом, через год, когда всякому дураку становится ясно, что... опасность не стоит и выеденного яйца, правые уклонисты начинают приходить в себя... заявляя, что они не боятся... Но это через год. А пока — извольте-ка маяться с этими канительщиками...»

Поскольку с лидеров так называемых «правых» были тем самым сняты заведомо клеветнические обвинения в защите кулаков, то есть «классового врага», Бухарин, Рыков и Томский тут же, 13 июля 1930 года, были переизбраны членами ЦК партии — то есть высшего эшелона власти, состоявшего тогда всего из семи десятков человек. «Врагами» эти трое «оказались» намного позднее, в 1937 году; в 1929—1930-м они потеряли только свои места на самой что ни есть вершине власти — в Политбюро ЦК (ранее роль Бухарина была сравнима лишь с ролью самого Сталина).

Но Бухарин — и в этом он не отличался от Троцкого — был полностью чужд повороту, начавшемуся в 1934 году. Ю.В. Емельянов в своей уже упомянутой книге о Бухарине совершенно справедливо писал: «Н.И. Бухарин безоговорочно принял и плоды «сплошной коллективизации», и меры против кулачества. Однако там, где позиция руководства вступала в полный конфликт с его идеями, он как мог оказывал сопротивление новому курсу. По словам С. Коэна (американский биограф Бухарина. — **В.К.**), «Бухарин попросту отказывался от уступок и не участвовал в неонационалистической реабилитации царизма». Так как ясно, что под «реабилитацией царизма» С. Коэн имеет в виду частичные попытки восстановить уважение к достижениям прошлого России и что никакой реабилитации царизма на самом деле не происходило, становится очевидным, — заключает Ю.В. Емельянов, — что непримиримый протест Бухарина вызывало возвращение с начала (вернее, с середины — **В.К.**) 30-х годов в учебники истории и публикации имен героев русской истории, свидетельств побед русского народа».

Между прочим, то же самое писал о Бухарине и совершенно другой исследователь — сионист М.С. Агурский: «О нём сложилось немало легенд, и одна из них заключается в том,

что он якобы был настоящим русским человеком, близко к сердцу бравшим страдания русского народа и, в особенности, крестьянства...»; на деле же «Бухарин испытывал подлинную ненависть к русскому прошлому... Он до самого конца пытался сражаться, как только мог, с русским национализмом... Он говорил (имеется в виду статья Бухарина в редактируемой им газете «Известия» от 21 января 1936 года. — **В.К.**), что русские были нацией Обломовых, а слово «русский» было синонимом жандарма и т.п. Правда, при этом Бухарин прославлял современный ему русский рабочий класс за то, что ему удалось победить в себе отрицательное наследие прошлого (как и Сталин до 1934 года. — **В.К.**). «Правда» резко отозвалась на эту статью Бухарина: «Партия всегда (сие, конечно, никак не соответствовало действительности! — **В.К.**) боролась против... «Иванов, не помнящих родства», пытающихся окрасить все историческое прошлое нашей страны в сплошной черный цвет» (цитируется «Правда» от 10 февраля 1936 года).

Как уже говорилось, «реабилитация» исторического прошлого была лишь одним из проявлений того поворота, той «контрреволюции», которая совершалась в 1930-х годах, но проявлением особенно наглядным, особенно выразительным, — почему и уместно говорить о нем подробно. Троцкий определил «восстановление» в 1935 году дореволюционных воинских званий как «самый оглушительный» удар по «принципам Октябрьской революции». Но едва ли иначе воспринимал это «восстановление» столь, казалось бы, далекий от Троцкого Бухарин (Троцкий, кстати сказать, относился к нему с презрением, именуя его в своем кругу «Колей Балаболкиным»). Неприятие и в какой-то мере прямое сопротивление «реставрации» было присуще преобладающему большинству революционных деятелей.

Правда, это неприятие чем дальше, тем менее выражалось открыто, публично, что вполне понятно: ведь дело шло о неприятии «поворота», становившегося к середине 1930-х годов одной из основ политико-идеологического курса страны! Ю.В. Емельянов говорит по этому поводу: «Н.И. Бухарин активно не принял... поворота в отношении прошлого. Он никак не мог принять и упорно продолжал клеймить «рабское», «азиатское» прошлое России, обзывая ее «нацией Обломовых». Лишь в 1936 году это вызвало огонь критики, и Бухарин отрекся от столь любимого ярлыка, который он придумал для своей Родины»; имеется в виду «покаянная» бухаринская статья, опубликованная в редактируемых им «Известиях», через три дня после нападок на него в «Правде», 14 февраля 1936 года.

«Загадочность» 1937 года во многом обусловлена тем, что открыто говорить о неприятии совершавшегося с 1934 года поворота было в сущности невозможно: ведь пришлось бы заявить, что сама власть в СССР осуществляет контрреволюцию! Но именно об этом и заявляли находившиеся за рубежом Троцкий и, хотя и с совершенно иной оценкой, Георгий Федотов.

И в высшей степени показательно, что именно к этому «диагнозу» присоединились многие из тех, кто, будучи посланы с политическими заданиями за границу, решили не возвращаться в СССР. Так, один из руководящих деятелей ОГПУ-НКВД Александр Орлов (урожденный Лейба Фельдбин), ставший в 1938 году «невозвращенцем», рассказывал позднее, что начиная с 1934 года «старые большевики» — притом, как он отметил, «подавляющее большинство» из их среды — приходили к убеждению: «Сталин изменил делу революции. С горечью следили эти люди за торжествующей реакцией, уничтожавшей одно завоевание революции за другим». Так, «Сталин воскресил казачьи войска со всеми их привилегиями (это, конечно, преувеличение. — **В.К.**), включая казачью военную форму царского времени... На праздновании годовщины ОГПУ, которое состоялось в декабре 1935 года в Большом театре, всех поразило присутствие... группы казачьих старшин в вызывающей форме царского образца... Взгляды присутствующих чаще устремлялись в сторону воскрешенных атаманов, чем на сцену. Бывший начальник ОГПУ, отбывавший когда-то каторгу, прошептал, обращаясь к сидевшим рядом коллегам: «Когда я на них смотрю, во мне вся кровь закипает! Ведь это их работа!» — и наклонил голову, чтобы те могли видеть шрам, оставшийся от удара казацкой шашкой» (имелся в виду зампред ОГПУ в 1926—1930 годах М.А. Трилиссер, вскоре репрессированный. — **В.К.**). Все это, заключил Орлов, призвано было «показать народу, что революция со всеми ее обещаниями кончилась».

Что же касается верных принципам революции большевиков, Орлов писал о них: «...они втайне надеялись, что сталинскую реакцию смоем новая революционная волна... они помалкивали об этом. Но... молчание рассматривалось как признак протеста».

Все высказанное отнюдь не было оригинальной личной «версией» Орлова. Так, еще один «невозвращенец», сотрудник НКВД Игнатий Рейсе (Натан Порецкий) писал 17 июля 1937 года, что СССР является «жертвой открытой контрреволюции», и тот, кто «теперь еще молчит, становится... предате-

лем рабочего класса и социализма... А дело именно в том, чтоб «начать всё сначала»; в том, чтоб спасти социализм. Борьба началась...» (в сентябре 1937 года Рейсе был разыскан в Швейцарии группой под руководством специально присланного из Москвы виднейшего деятеля НКВД Шпигельгласа и убит...).

То же самое согласно утверждали и другие тогдашние «невозвращенцы»: Вальтер Кривицкий (Самуил Гинзбург), по словам которого в СССР осуществляют «ликвидацию революционного интернационализма, большевизма, учения Ленина и всего дела Октябрьской революции», Александр Бармин (Графф), объявивший, что в СССР произошел «контрреволюционный переворот», и «Каины рабочего класса... уничтожают дело революции», и т.д. (в некоторых из процитированных высказываний «контрреволюционный» поворот целиком приписан личному своеволию Сталина, но, как уже не раз говорилось, это заведомо примитивное объяснение; Троцкий и Федотов справедливо видели в совершавшейся метаморфозе воплощение объективной исторической закономерности послереволюционной эпохи, а не индивидуальный произвол).

В самом СССР противники «контрреволюции» редко решались говорить нечто подобное (разве только в кругу ближайших единомышленников), но несдержанные на язык это всё же делали. Так, кадровый сотрудник НКВД, а затем заключенный ГУЛАГа, Лев Разгон (впоследствии — автор нашумевших мемуаров) уже в наше время обнаружил в собственном следственном «деле» следующую агентурную информацию о своих речах 1930-х годов: «Говоря о картине «Петр I» и других, Разгон заявляет: «Если дела так дальше пойдут, то скоро мы услышим «Боже царя храни»...»

Восстановление дореволюционных «реалий» особенно бросалось в глаза и едва ли ни более всего раздражало революционных деятелей. Когда в середине 1930-х годов стали неожиданно возвращаться из ссылки «разоблаченные» в 1929—1930 годах как «монархисты» и «шовинисты» видные историки, сам этот факт, без сомнения, крайне возмущал тех деятелей, которые всего несколько лет назад так или иначе способствовали тотальной расправе над русской историографией.

Поистине «замечательно», что даже и в наши дни находят авторы, негодующие по поводу «реабилитации» историков во второй половине 1930-х годов. Так, нынешний поклонник Троцкого В.З. Роговин гневно писал в 1994 году, что «коренной идеологический сдвиг» (это его — верное — определение) 1930-х годов «выдвинул на первый план историков

«старой школы»... В 1939 году был избран академиком Ю.В. Готье, чьи дневники периода Гражданской войны дышат неистовой ненавистью к большевизму и зоологическим анти-сепитизмом. Тогда же Высшей партийной школой был переиздан курс лекций по русской истории академика Платонова, не скрывавшего своих монархических убеждений и за шесть лет до того умершего в ссылке».

При этом Роговин умалчивает о том, что и Ю.В. Готье был репрессирован в одно время с С.Ф. Платоновым, а кроме того обнаруживает свое невежество, ибо платоновский курс лекций был переиздан лишь в 1993 (!) году, да и не мог появиться раньше; в 1937-м (а не в 1939-м, как пишет Роговин) вышло в свет новое издание классических «Очерков по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.» С.Ф. Платонова (впервые были изданы в 1899 году).

Можно представить себе, с какими чувствами воспринимал «реабилитацию» виднейших русских историков Бухарин! Помимо мифа о нём как о «защитнике крестьянства» в массовое сознание внедрена и столь же фальшивая идейка о Бухарине — «защитнике интеллигенции». Но вот хотя бы один факт. В конце 1930 — начале 1931 года было официально объявлено о «разоблачении» двух «вражеских» центров — «Промпартии» во главе с выдающимся инженером Л.К. Рамзиным и «контрреволюционного заговора», возглавляемого выдающимся историком, академиком С.Ф. Платоновым. Ко второму «делу» Бухарин имел прямое отношение, ибо в 1928 году он возглавлял статью академиком, как будто ему было мало его тогдашних постов в Политбюро и Исполкоме Коминтерна. Академики, вполне понятно, сопротивлялись внедрению в их среду полупросвещенных большевистских идеологов. Но последовал упорный и жесткий нажим власти, о чем теперь подробно рассказано в ряде упомянутых выше исследований, и Бухарин в январе 1929 года все-таки «пробился» в академики — правда, за счет всего только одного голоса (за него проголосовали 20 академиков, а если бы их было 19, избрание не состоялось бы). Это сопротивление академиков сыграло свою роль в начавшихся против них в том же 1929 году репрессиях. И нельзя не упомянуть, что 19 октября 1929 года Бухарин вместе с другими «большевиками-академиками» подписал обращение в ЦК ВКП(б), «уличающее» во враждебных деяниях С.Ф. Платонова, который сразу же был освобожден от своих постов в Академии наук, а затем арестован...

И после официальных сообщений о «делах» Промпартии и академиков, 6 апреля 1931 года, Бухарин громогласно зая-

вил, что «квалифицированная российская интеллигенция... заняла свое место по ту сторону великой Октябрьской революции... Рабочие СССР... не могут просить «извинения» перед холопами капитала, великодержавности (это именно о «монархических» историках. — **В.К.**)... Речь идет о **целом слое** (выделено Бухариным. — **В.К.**) нашей технической и научно-исследовательской интеллигенции, который оказался в лагере наших самых отъявленных, самых кровавых (! — **В.К.**) врагов, лишь для внешности надевающих в «мирное» время лайковую перчатку дипломатии и усердно орудующих по временам лакированным языком буржуазной христианской цивилизации. С врагом пришлось поступить как с врагом. На войне, как на войне: враг должен быть окружен, разбит, уничтожен» (стоит отметить, что свое цитируемое сочинение сей мнимый «защитник интеллигенции» в 1931—1932 годах счел нужным опубликовать трижды в разных изданиях).

Однако не более чем через пять лет все сумевшие выжить из этих «самых отъявленных врагов» были возвращены к работе; правда, Бухарин, расстрелянный в 1938 году, уже не узнал, что «великодержавный» историк С.В. Бахрушин в 1942 году, а «холоп капитала» инженер Л.К. Рамзин в 1943-м были увенчаны самой престижной наградой — Сталинскими премиями. В таких «превращениях» — а их было множество в то время — со всей яркостью выразился поворот, который и Троцкий, и Федотов называли «контрреволюцией».

Помимо принадлежащих Троцкому и Федотову истолкований тех коренных сдвигов, которые привели в конечном счете к 1937 году, стоит процитировать еще одно своеобразное сочинение, написанное тогда же, в 1936 году, незаурядным историком российской революции Б.И. Николаевским (1887—1966). За свою долгую жизнь он успел побывать и большевиком, и меньшевиком, руководил историко-революционным архивом в Москве, затем эмигрировал и занялся упорным и квалифицированным «расследованием» происходившего в XX веке в России. В конце 1936 — начале 1937 года он опубликовал в Париже под видом «письма» некоего «старого большевика» опыт объяснения состоявшегося в августе 1936 года судебного процесса над бывшими верховными революционными вождями Зиновьевым и Каменевым. Широко распространено мнение, что «письмо» это было-де попросту изложением мыслей Бухарина, который, находясь в феврале-апреле 1936 года по заданию ЦК ВКП(б) в Париже, подолгу беседовал с Николаевским. Но последний не раз опровергал эту версию, хотя и признавал, что «использовал некоторые рассказы Бухарина». Достаточно сказать, что од-

новременно с Бухариным Николаевского посещал тогда видный большевик А.Я. Аросев; были у составителя «письма», несомненно, и другие «источники».

Как определил впоследствии сам Б.И. Николаевский, в сочиненном им «письме» представлены «общие настроения, присущие «старым большевикам», на которых надвигалась новая эпоха, где они погибли...» Мы, эти большевики, говорится в «письме», видели, что с начала 1935 года «реформы следовали одна за другой, и все они били в одну точку: замирение с беспартийной интеллигенцией, расширение базы власти путем привлечения к активному участию в советской общественной жизни всех тех, кто на практике, своей работой в той или иной области положительного советского строительства показал свои таланты» и т.д. Между тем «мы («старые большевики». — **В.К.**) являемся все нежелательным элементом в современных условиях... Заступиться за нас никто не заступится. Зато на советского обывателя сыпятся всевозможные льготы и послабления».

Утверждение о «нежелательности» этих самых большевиков имеет в «письме» двойственный характер: с одной стороны, признается определенная обоснованность этого «приговора», с другой же — вроде бы он вынесен (и несправедливо) лично Сталиным, по мнению которого неприемлемы «самые основы психологии старых большевиков. Выросшие в условиях революционной борьбы, мы все воспитали в себе психологию оппозиционеров... Мы все — не строители, а критики, разрушители. В прошлом это было хорошо, теперь, когда мы должны заниматься положительным строительством, это безнадежно плохо. С таким человеческим материалом... ничего прочного построить нельзя, а нам теперь особенно важно думать о прочности постройки советского общества, так как мы идем навстречу большому потрясению, связанным с неминуемо нам предстоящей войной».

Здесь ясно проступает отмеченная «двойственность»: то ли эта характеристика «старых большевиков» объективна, то ли на них возведена напраслина. Таковы, очевидно, и были «общие настроения» тех, кто подверглись репрессиям (эта двойственность как бы объясняет слабое сопротивление «старых большевиков» своей участи). А дальше в «письме» идет речь о «выводе» Сталина: «...если старые большевики, та группа, которая сегодня является правящим слоем в стране, не пригодны для выполнения этой функции в новых условиях, то надо как можно скорее снять их с постов, создать новый правящий слой... с новой психологией, устремленной на положительное строительство».

Итак, выше были рассмотрены в основном сочинения трех весьма различных наблюдателей и толкователей того исторического сдвига, который породил феномен 1937 года, — Троцкого, Федотова и Николаевского. Все трое высказались «свободно», ибо находились вне СССР, и все три сочинения относятся к 1936 году. Вполне вероятен вопрос, почему я основываюсь на суждениях, высказанных еще до наступления самого 1937 года, до обрушившегося на большинство «правлящего слоя» беспощадного террора?

Можно бы доказать на множестве исторических примеров, что в периоды крайне драматических, катастрофических событий ослабляется или даже вообще утрачивается объективность восприятия и осмысления. И нетрудно убедиться, что в написанных позднее сочинениях тех же Федотова и Троцкого нет столь ясного видения происходящего, господствуют эмоционально-экспрессивные утверждения и оценки.

Весомость их суждений 1936 года обусловлена, с одной стороны, тем, что они прямо и непосредственно наблюдали ход исторических перемен, а, с другой стороны, тем, что еще не разразился тот «взрыв», который вызвал в той или иной степени шоковое состояние. Необходимо осознать, что вообще-то смена «правлящего слоя» в периоды существенных исторических сдвигов — дело совершенно естественное и типичное.

Уместно сопоставить с этой точки зрения 1934—1938 годы с другим пятилетием больших перемен — 1956—1960 годами. В ЦК ВКП(б), избранном на XVII съезде (в марте 1939), только около 20 процентов составляли те члены и кандидаты в члены, которые были в прежнем, избранном за пять лет до того, в 1934 году, ЦК, и этот факт часто расценивается как выражение беспримерной «чистки»; однако ведь и в ЦК, избранном на XXII съезде, в 1961 году, также лишь немногим более 20 процентов составляли те, кто были членами (и кандидатами) ЦК до 1956 года!

Что же касается верховного органа власти, Политбюро, то там при Хрущеве была проведена даже намного более решительная «чистка»: если из 9 членов Политбюро 1939 года (включая Сталина) состояли в нем и в 1934 году, то в Президиуме ЦК (так тогда именовалось Политбюро) 1961 года из 10 его членов сохранились из состава 1956 года только 3 — сам Хрущев, «гибкий» идеолог Сулов и «вечный» Микоян (то есть в первом случае «уцелевшие» составляли две трети, а во втором — менее одной трети!).

Разумеется, мне сразу же (и многие — возмущенно) напомнят, что в 1930-х годах «чистка» завершалась чаще всего

отправлением на казнь, а в 1950-х (кроме Берии) — всего-навсего на пенсию... Однако объясняется это — конечно, чудовищное — «различие» вовсе не тем, что Хрущев-де был менее «кровожаден», чем Сталин. Есть всецело достоверные сведения о предельной беспощадности Хрущева и в 1937 году, когда он был «первым секретарем» в Москве, и в 1938-м, когда он занимал тот же пост на Украине. И только малоосведомленные люди продолжают сегодня считать, что Хрущев и другие уничтожили Берию со товарищи не как «соперника» в борьбе за власть, а якобы в качестве представителя прежней злодейской клики, которую теперь-де сменили другие, «добрые» начальники. Но вот хотя бы один выразительнейший факт. Чтобы, так сказать, стереть с лица земли всё «бериевское», сами «органы безопасности» были тогда, в 1954 году (что делалось не в первый раз), выведены из министерства внутренних дел во вновь созданное учреждение — КГБ. Однако в главе этого Комитета Хрущев поставил не кого-нибудь, а И.А. Серова, который в свое время был заместителем наркома внутренних дел Берии и, вполне понятно, действовал заодно с ним!

Суть дела отнюдь не в замещении «злых» людей «добрыми», а в глубоком изменении самого политического климата в стране — изменении, которое медленно, но всё же совершалось в течение 1939—1952 годов. В последнее время были, наконец, опубликованы «совершенно секретные» документы о политическом терроре второй половины 1930 — начала 1950-х годов. Количество смертных приговоров, хотя оно и не имеет ничего общего с пропагандируемыми до сего дня — в том числе с телеэкрана — нелепыми цифрами в 5, 7, 10 или даже 20 миллионов (выше цитировались иронические слова эмигрантского демографа С.Максудова о том, что согласно подобного рода «цифрам», к 22 июня 1941 года «все взрослые мужчины СССР погибли или сидели за решеткой. Все и немного больше...»), конечно, было всё же громадно: в 1937—1938 годах 681692 человека были приговорены к смерти.

Но затем — в 1939—1952 годах — происходило последовательное уменьшение масштабов террора. Во многих сочинениях утверждается обратное: что-де Сталин, старея, всё более разнузданно злодействовал. И поскольку о нескольких «процессах» последних лет его жизни — Ленинградском деле, расправе над Еврейским антифашистским комитетом, судилищах над рядом военачальников и деятелей военной промышленности, деле кремлевских врачей и т.д. — написано очень много, создается впечатление, что террор всё нарастал или, по крайней мере, не ослабевал до 1953 года.

Между тем, вот всецело достоверные цифры о количестве смертных приговоров, вынесенных в течение трех пятилетий после 1937—1938 годов «за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления»: в 1939—1943 годах — 39069 приговоров, в 1944—1948-м — 11282 (в 3,5 раза меньше, чем в предыдущем пятилетии), в 1949—1953-м — 3894 приговора (в 3 раза меньше предыдущего пятилетия и в 10 раз (!) меньше, чем в 1939—1943-м).

Разумеется, даже и последняя цифра страшна: в среднем около 780 приговоренных к смерти за год, 65 человек в месяц! Но вместе с тем очевидно неуклонное «затухание» террора, без сомнения, подготовившее тот отказ от политических казней, который имел место после смерти Сталина (кроме казней нескольких десятков «деятелей» НКВД-МГБ).

Эти сопоставления лишний раз показывают, что «объяснение» террора личной волей Сталина совершенно неосновательно; есть множество свидетельств о крайней «подозрительности» и своеволии вождя именно в последние годы его жизни, а между тем масштабы террора всё более сокращались. Речь должна идти совершенно о другом — о закономерном изменении самого бытия страны, самого господствующего в ней, как уже сказано, политического климата.

К 1937 году в стране еще царил атмосфера Революции и Гражданской, «классовой» войны (коллективизация и была именно «классовой» войной). Это, в частности, со всей определенностью, а подчас и с немалой силой воздействия на души людей выражалось в широко известных, звучавших над страной стихах (и песнях на их стихи) Э.Багрицкого, Д.Бедного, А.Безыменского, М.Голодного, М.Светлова и других революционных авторов. В популярном стихотворении М.Голодного «Судья Горба» (1933) с возвышенным пафосом воспет герой, отправляющий на казнь родного брата, а в чрезвычайно ценимом тогда стихотворении Э.Багрицкого «ТВС» (оно было опубликовано в 1929—1936 годах в десятке изданий) не без талантливости утверждалось, что, мол, нелегко разобраться в нашем времени, не прост выпавший нам век, «Но если он скажет: «Солги», — солги. Но если он скажет: «Убей», — убей». Эти строки не только полная отмена нравственных заповедей, но и точная «модель» поведения множества людей в 1937 году...

Конечно, смысл популярных стихов — только одно, не принадлежавшее к наиболее существенным из проявлений политического климата, но даже и он, этот смысл, дает представление о том, почему возможно было без особенных «трудностей» отправить на казнь сотни тысяч людей в 1937—1938

годах. Очень важно само безоговорочное требование «солги», ибо террор тех лет основывался на заведомой и тотальной лжи: деятели, оказавшиеся не соответствующими тем историческим сдвигам, которые были явным отходом от собственно революционной политики и идеологии, то есть, в конечном счете, сдвигами контрреволюционными (о чем согласно писали и Троцкий, и Федотов), осуждались и уничтожались как контрреволюционеры!

Стоит отметить, впрочем, что иногда действительный смысл происходившего как бы обнажался. Так, например, Алексей Толстой написал в 1938 году следующее: «Достоевский создавал Николая Ставрогина (главный герой романа «Бесы». — **В.К.**), тип опустошенного человека, без родины, без веры, тип, который через 50 лет (писатель немного ошибся — через 65 лет. — **В.К.**) предстал перед Верховным судом СССР как предатель...», — то есть получалось, что в 1937-м судили все-таки чуждых родине «бесов» Революции...

Один из исследователей обратил внимание и на статью бывшего «сменовеховца» Исая Лежнева (Альтшулера) в «Правде» от 25 января 1937 года о начавшемся 23 января суде над «контрреволюционерами» Пятаковым, Сокольниковым, Радеком, Серебряковым (все — бывшие члены ЦК) и другими: «Статья эта носит название «Смердяковы», и ее главной целью является доказать, что подсудимые не просто враги советской власти, а преимущественно враги русского народа... Лейтмотивом статьи являются слова Смердякова (героя романа Достоевского «Братья Карамазовы». — **В.К.**): «Я всю Россию ненавижу... Русский народ надо пороть-с», — которые, согласно Лежневу, отражают душевное состояние подсудимых...»

Тем не менее, несмотря на такого рода «проговоры», 1937 год проходил все же под знаком борьбы с контрреволюционерами. Георгий Федотов утверждал в 1936 году: «Происходящая в России ликвидация коммунизма окутана защитным покровом лжи. Марксистская символика революции еще не упразднена...» И объяснял это, во-первых, тем, что «создать заново идеологию, соответствующую новому строю, задача, очевидно, непосильная для нынешних правителей России», а, во-вторых, тем, что «отречься от своей собственной революционной генеалогии — было бы безрассудно», — вот, смотрите, Франция уже 150 лет (ныне — 200 с лишним) не отрывается от своей революции, не менее чудовишной, чем российская.

Федотов, как уже говорилось, сильно преувеличивал «контрреволюционность» политики 1930-х годов, но основное

историческое движение определял верно. В частности, как ни неожиданно и для многих возмутительно это прозвучит, именно в 1930-е годы в стране начинается в какой-то мере утверждаться законность, правовой порядок. Господствует прямо противоположная точка зрения, согласно которой 1937 год был временем крайнего, беспрецедентного беззакония, что особенно ясно и страшно выразилось в избиениях и даже изощренных пытках «обвиняемых», от которых требовали признаний в выдуманных «преступлениях».

В первые послереволюционные годы такого рода «практика» была гораздо более редким явлением. Жестокое насилие применялось, главным образом, тогда, когда надо было заставить выдать какую-либо «тайну» (скажем, сведения о количестве и вооружении отряда белых или о том, где скрываются повстанцы и т.п.). Добиваться же признания в какой-нибудь «вине» перед Революцией было, в общем, совершенно ни к чему.

Это хорошо показано в кратком исследовании Дмитрия Галковского «Стучкины дети» — о «правовой» идеологии одного из первых наркомов юстиции РСФСР, а затем — председателя Верховного суда Петериса Стучки (1865—1932), кстати сказать, зяте (муже сестры) известнейшего латышского писателя Яна Райниса. Стучка недвусмысленно писал: «Так называемая юриспруденция есть последняя крепость буржуазного мира». И чтобы окончательно отменить юриспруденцию, Стучка «отменил» сам ее «предмет» — преступность:

«Слово «преступность» не что иное, как вредная отрывка буржуазной науки... Возьмем... крестьянина, который напился «вдрызг» и в драке убил случайно того или другого... Если крестьянин совершил убийство по бытовому побуждению, мы этого убийцу могли бы отпустить на свободу с предупреждением... И наоборот, кулак, эксплуататор, даже если он формально и не совершал никаких преступлений, уже самим фактом своего существования в социалистическом обществе является вредным элементом и подлежит изоляции».

Это «теоретизирование» вполне адекватно отражало практику революционного времени. Совершенно очевидно, например, что преобладающее большинство казней в 1918—1922 годах совершалось вообще без хоть какого-либо «разбирательства». Так, точно известно, что в 1921 году был вынесен всего лишь 9701 смертный приговор, но совершенно нелепо было бы полагать, что мы имеем тем самым сведения о количестве расстрелянных в этом году. Вот тот же самый Багрицкий, который отлично знал, что происходило на Украине в

1919—1921 годах, ибо сам побывал инструктором политотдела отряда красных, описывает «практику» воспеваемого им комиссара продотряда:

*Выгребайте из канавы
Спрятанное жито!
Ну а кто подымет бучу,
Не шуми, братишка:
Усом в мусорную кучу,
Расстрелять — и крышка!*

Естественно, при этом ровно никакие юридические акции не предпринимались, и «приговор» нигде не фиксировался.

Между тем, в 1930-х годах юриспруденция так или иначе начинает восстанавливаться. Это, между прочим, убедительно показано в переведенном на русский и изданном в Москве в 1993 году исследовании американского правоведа Юджина Хаски «Российская адвокатура и Советское государство» (1986). Характерны названия разделов этого трактата: «Гражданская война и расцвет правового нигилизма» и «Конец правового нигилизма». Этот «конец» автор усматривает уже в событиях начала 1930-х годов, хотя тут же отмечает, что другой американский исследователь истории советской юриспруденции, П.Джуливер, в своей книге «Революционный правопорядок» (1976) «датирует начало поворота в правовой политике 1934—1935 годами» — то есть временем многостороннего поворота, о котором подробно говорилось выше.

П.Джуливер, несомненно, датирует вернее, да и сам Ю.Хаски исходит только из того, что до указанной даты имели место лишь отдельные выступления в «защиту» юриспруденции, и сообщает, что «в начале 1930-х годов нарком юстиции РСФСР Н.Крыленко и некоторые другие оставались приверженцами нигилистического подхода к праву». Точно так же, пишет Хаски, «известный как «совесть партии» Аарон Сольц отказался отступить от революционных принципов». И так, и нарком, и влиятельнейший член Президиума Центральной контрольной комиссии ВКП(б), осуществлявший верховный партийный надзор за судебной практикой, были против утверждения правовых норм. Но к середине 1930-х годов этого рода сопротивление было сломлено.

Между прочим, именно благодаря этому мы смогли узнать обо всех — или, в крайнем случае, почти обо всех — жертвах 1937 года... Могут сказать, что для многих тогдашних «контрреволюционеров» установление правовых норм имело тяжкие последствия, ибо из них «выбивали» признания в мни-

мых преступлениях вместо того, чтобы попросту расстрелять, как это делалось в первые послереволюционные годы. И тут действительно есть о чем задуматься...

С другой стороны, вполне вероятно такое сомнение: можно ли говорить о восстановлении права, если едва ли не абсолютное большинство передаваемых в суды следственных материалов было фальсифицированным? Но, во-первых, судебный процесс как таковой вообще «формален»: он исходит из результатов следствия, а не занимается изучением самой реальности. А, во-вторых, ОГПУ и НКВД, занимавшиеся расследованием «контрреволюционных преступлений», явно не коснулись тогда те перемены, которые произошли, начиная с 1934 года, в других сферах и областях жизни страны.

Вот характерный пример. Преемник Дзержинского на посту председателя ОГПУ, В.Р. Менжинский (1874—1934) писал о великом «достоинстве» своего предшественника:

«На меры репрессий он смотрел только как на средство борьбы, причем всё определялось данной политической обстановкой и перспективой дальнейшего развития революции». То есть совершенно не имело значения, в чем «повиновен» репрессируемый; как поясняет в следующей фразе Менжинский, «одно и то же контрреволюционное деяние при одном положении СССР требовало, по его (Дзержинского. — **В.К.**) мнению, расстрела, а несколько месяцев спустя арестовать за подобное дело он считал бы ошибкой» (!). Стоит отметить, что в одном из новейших изданий этого текста редакторы сочли за лучшее изъять вторую фразу... Эти «принципы» деятельности «органов безопасности» всецело сохранились в 1937—1938 годах, когда, если угодно, расстреливали за то, за что в 1935-м или 1939-м не стали бы даже арестовывать.

Как уже сказано, в 1937-м совершилась смена «правлящего слоя», типичная для любых крупных исторических сдвигов (например, в 1956—1960 годах). Страшное «своеобразие» заключалось в том, что прежние носители власти не только отстранялись, но и уничтожались или, по меньшей мере, оказывались в ГУЛАГе. Однако заведомо ложно широко распространенное представление, согласно которому эта варварская беспощадность является «особенностью» именно 1937 года и, конкретнее, выражением злодейской сущности Сталина. Часто говорится о мнимой «беспрецедентности» характерных для 1937 года директив, о заранее «подсчитанных» количествах «врагов», которых следует выявить. Но уже приводилось заявление одного из вож-

дей, Зиновьева, в сентябре 1918 года: «Мы должны увлечь за собой 90 миллионов из ста, населяющих Советскую Россию (то есть РСФСР. — **В.К.**). С остальными нельзя говорить (и уж, конечно, нельзя устраивать следственные и судебные разбирательства! — **В.К.**) — их надо уничтожать». И, действительно, уничтожали...

Нельзя не видеть, что именно отсюда идет прямая линия к словам, написанным Бухариным ровно через восемнадцать лет, в сентябре 1936 года, по поводу казни самого Зиновьева с Каменевым: «Что расстреляли собак — страшно рад».

Но, как известно, следствие НКВД (конечно, фальсифицированное) и судебные разбирательства «дела» Зиновьева и других длились полтора года — и это было «новым», в сравнении с 1918 годом, явлением... 1937 год самым диким образом соединил в себе восходящую к первым революционным годам стихию беспощадного террора и восстанавливаемые — пусть даже формально — юридические принципы, которые вплоть до 1934—1935 годов начисто отвергали «старые большевики» типа Крыленко и Сольца.

Один из людей моего круга, П.В. Палиевский, еще на рубеже 1950—1960-х годов утверждал, что 1937 год — это «великий праздник», праздник исторического возмездия. Много позднее человек совершенно иного, даже противоположного мировосприятия, Давид Самойлов, написал: «Тридцать седьмой год загадочен. После яacobинской расправы с дворянством, буржуазией, интеллигенцией, священством, после кровавой революции сверху (был страх, но не было жалости), произошедшей в 1930—1932 годах в русской деревне, террор начисто скопил правящий слой 20—30-х годов. Загадка 37-го в том, кто и ради кого скопили прежний правящий слой. В чьих интересах совершился всеобщий самосуд, в котором сейчас (это писалось в конце 1970 — начале 1980-х; раньше люди этого типа думали иначе. — **В.К.**) можно усмотреть некий оттенок исторического возмездия. Тех, кто вершил самосуд, постиг самосуд».

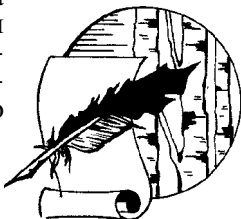
Существенно, что даже «либеральный» идеолог понял в конце концов необходимость признать этот смысл 1937 года — смысл возмездия.

«Я СГОРЕЛ НЕ ДОТЛА...»

Николай Фёдорович Полуни́н родился 15 декабря 1920 года. Его родина — деревня Лоторёво Детчинского района Калужской области. Места сказочно-красивые, типично средне-русские. Деревня стоит у истока реки Суходрев. Той самой, которая, уже наполнившись притоками, протекает по усадьбе Полотняный Завод, куда перед свадьбой ездил к своей невесте Наталье Гончаровой влюблённый Пушкин.

Окончил среднюю школу и поступил в Гурьевский техникум молочной промышленности. Работал техником-технологом в Ивановской области.

В Красную армию ушёл по призыву в ноябре 1941 года, когда враг уже стоял под стенами Москвы. Призван Сталинским райвоенкоматом Ивановской области. Сразу же направлен на учёбу в Сормовскую военную школу радистов-операторов. Фронту требовались специалисты радиодела. В июне 1942 года направлен на фронт. Участвовал в боях на Западном и Юго-Западном фронтах. Был связистом 727-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка 10-го танкового корпуса.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

«Чёрные ромбы» дрались всегда не просто в первом эшелоне, а — против танков. Фронтовики знают, как атаковали немецкие танки. На пехотные траншеи они накатывались острожно. На дистанции обрабатывали окопы осколочно-фугасными снарядами и пулемётным огнём, а подкатив к траншеям, останавливались в десяти шагах и будто приюхивались — не ждут ли их со связками гранат и бутылками с зажигательной смесью бойцы-гранатомётчики. Прорвавшись на артиллерийские позиции, немецкие танкисты вели себя иначе. На всей скорости они гнали свои боевые машины на огневые позиции противотанкистов. В этих крошечных обстоятельствах часто возникали дуэли: танк — противотанковое орудие, танковый экипаж против орудийного расчёта. Кто кого. Обычно исход решал точный выстрел. Быстрота и смелость механика-водителя или точный расчёт и хладнокровие наводчика-артиллериста.

Старшина Полунин обеспечивал связь расчётов с командно-наблюдательным пунктом.

Десятый танковый корпус в 1942 году дрался в Подмоскowie недалеко от родных мест Николая Полунина. Весной 1943 года корпус перебросили на юг, на участок Ливны — Старый Оскол. Ставка Верховного Главнокомандования готовилась к отражению летнего наступления немецких войск. Формировался Степной военный округ (генерал И.С. Конев), который располагался за спиной Воронежского фронта (Н.Ф. Ватутин). В него и вошёл 10-й танковый корпус.

Уже на следующий день Курской битвы, когда возникла угроза прорыва обороны Воронежского фронта и выхода танков генерала Гота к Курску с юга, часть соединений Степного фронта по приказу Ставки была передана в распоряжение генерала Ватутина. В первую очередь в район Обояни были переброшены артполки. А 7 июля в районе Прохоровки сосредоточились основные силы корпуса. Задачей было во что бы то ни стало удержать вторую полосу обороны Воронежского фронта.

Уже на второй день битвы 727-й ИПТАП (истребительный противотанковый артиллерийский полк) вступил в бой с немецкими танками.

Маршал К.А. Москаленко, в 1943 году генерал, командующий 40-й армией, вспоминал: «Несмотря на яростные атаки, противнику в течение четырёх дней не удалось прорваться на Обоянь. Командующий, умело маневрируя силами фронта, постоянно усиливал войска 6-й гвардейской армии и 1-й танковой армии. Только из состава 40-й армии на направление главного удара противника были переброшены

четыре стрелковые дивизии, две танковые бригады, два танковых полка, две артиллерийские бригады, четыре истребительных противотанковых полка, гаубичный артиллерийский полк, два гвардейских миномётных полка и один самоходно-артиллерийский полк».

Артиллерия в нашей армии, ещё со времён Ивана Грозного, традиционно была сильна. Именно артиллерию всегда бросали на самые трудные и ответственные участки. На Курской дуге таких участков, намеченных немцами для прорыва, было два: на севере с орловского плацдарма ударные силы группы армий «Центр» били на юго-восток с поворотом на юг с направлением в район Курска, на юге группа армий «Юг» била на северо-восток с поворотом на север в район Курска. Так, по замыслу немецких штабов, в случае удачи, отсекался огромный Курский выступ со всеми войсками, расположенными на гигантской дуге. Неудачи, как приказал своим генералам Гитлер, быть не должно.

Десятый танковый корпус генерала В.Г. Буркова закрывал Обоянское шоссе. Когда 4-я танковая армия генерала Гота таранным ударом пробила первую линию обороны наших гвардейских армий, создалась угроза выхода немецких моторизованных соединений на главную коммуникацию — Обоянское шоссе, по которому до Курска оставалось рукой подать. Все танкоопасные направления на второй линии тут же были заняты нашими артиллеристами. В том числе и батареями 727-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка.

Как известно, Воронежский фронт, постоянно подпитываясь пополнениями, поступающими из тылового Степного фронта и не атакованных участков собственных армий, выстоял. После того, как противник, не добившись успеха, начал отход, вперёд пошли войска обеих советских фронтов — Степного и Воронежского. Началась наступательная операция «Полководец Румянцев». Были освобождены Белгород и Харьков.

В боях по освобождению Белгорода храбро дрался и 727-й ИПТАП. «Чёрные ромбы» выкуривали немцев из деревоземляных и бетонных сооружений, которые те успели построить по периметру города, точным огнём гасили танковые контратаки. При этом, конечно же, и расчёты несли большие потери.

В одном из таких боёв был тяжело ранен старшина Полунин. Его эвакуировали в тыл, в госпиталь № 5359.

Из наградного листа на старшину Полунина Н.Ф.: *«При освобождении г. Белгорода получил тяж. ранение левого плеча*

с повреждением лучевого и локтевого нерва. В данное время работает военруком Муратовской неполно-средней школы, к работе относится добросовестно. Повседневно повышает свои военно-политические знания. Предан делу Ленина—Сталина и Социалистической родине».

За освобождения Белгорода старшина Полуниин был награждён орденом Славы III степени.

Инвалид в двадцать три года — это нелегко.

В 1950 году окончил заочное отделение Московского педагогического института, факультет географии. Родину свою — Детчинский район — больше не покидал. Работал учителем, преподавал детям географию, директорствовал. Деревни и сёла родного края распахивали перед ним свои школы, где он руководил педагогическими коллективами, вёл уроки, воспитывал сельских детей, учил добру, справедливости, умению видеть прекрасное в окружающей природе и жизни.

Писались стихи.

*Вдали — Новосёлки.
Навстречу — Прудки.
Просёлки, просёлки,
Берёзки, дубки.*

*От лямок и плечи
В кровавых рубцах...
Ходил я до Детчина
В оба конца.*

*Во ржи перепёлки,
А сзади — рюкзак.
Я знаю: просёлки
Ведут на большак.*

Даже от названий сёл и деревень, где учительствовал Николай Полуниин, веет поэзией срединной, исконной России — Муратово, Сугоново, Николо-Дол, Прудки, Дубровка, Победа.

Он, учитель, сельский интеллигент, прекрасно понимал главное назначение и социальную миссию советской колхозной деревни — растить хлеба, кормить Россию.

*Февраль устал кривить дороги,
А март расслабил снежный наст...
Сегодня в полдень у порога
Воды хохлатка напилась.*

*Весна людей заторопила...
Она, как будто невзначай,
Проталок в поле обронила,
Пустила на него грача,*

*Засуетилась у причала,
Шумит, нет удержу воде!
Мы ждём...
Сейчас бы не мешало
У тракторных плугов отвалы
Почистить в первой борозде.*

Стихи охотно печатали областные и районная газеты.

Калужское книжное издательство в 1960 году выпустило первую книгу поэта — «Тропинка полевая». С первой книжкой Николаю Полунину повезло — успела выйти. Потому как в следующем, 1961 году, Калужское издательство запустило в производство альманах «Тарусские страницы», собранный тарусскими москвичами. Альманах по несчастливой случайности попал под руку партийным чиновникам, и они его распушили в хвост и в гриву. Альманах был изъят из книжной торговли, издательство спустя некоторое время на всякий случай прикрыли.

Третий поэтический сборник вышел уже после смерти поэта.

Писал Николай Полунин и басни, и стихи для детей, и поэмы. В конце жизни принялся за прозу. «Повесть о войне» закончить не успел. К сожалению, Николай Фёдорович не оставил воспоминаний о войне и военной поре. А ведь именно это могло стать его главной книгой. О непридуманном. О том, как учился на курсах связистов, как зачислили в истребительно-противотанковый полк, как стояли во время Курской битвы под Обоянью, а потом наступали на Белгород. И не подсказал никто. Общался Николай Полунин в основном с журналистами. А журналисты — народ поневоле поверхностный. Да и от поэта требовали в основном — «стишок в номер» и «по случаю, к дате».

На долгие годы местом работы Николая Полунина стал Детчинский совхоз-техникум. Преподавал географию и историю. До сих пор многие выпускники техникума с благодарностью вспоминают своего учителя. Занятия в историческом кружке, который учитель организовал и увлечённо вёл многие годы. Кружковцы под руководством своего наставника создали музей боевой славы, занимались розыском имён солдат и командиров, захороненных в братской могиле в селе Детчине.

В 1972 году Николай Полунин был принят в Союз писателей СССР.

23 августа 1972 года умер. В некрологе, опубликованном в «Литературной России», говорилось: «... *И писал стихи. Он их не придумывал, не сочинял. Они рождались в его душе, когда он шёл по родным полям и перелескам, разговаривал с хлеборобами, думал о судьбах тех, кто пашет землю, кормит и одевает страну... Строки его стихов согревают душу, помогают в труде*».

Николай ПОЛУНИН

Я СГОРЕЛ НЕ ДОТЛА...

Я сгорел не дотла
Под Смоленском в бою.
Семь атак, два «котла»
В день на роту мою...

А теперь видишь сам:
Я иду по овсам,
По пшенице и льну,
Там, где встретил войну.

Я безруким иду.
Я у всех на виду.
И не спрячешь беду
Каждый день под ремень...

1968

ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОСТОТА

Мы обходимся без милиции.
Тут порядок давным-давно.
Только девушки яснолицые
Любят семечки брать в кино.

Что ж, что семечки девки лузгают?
Деревенская простота.
А под ситцевой белой блузкою
Нерасплёсканная чистота.

Не зовут их здесь «вертихвостками»,
Ходят в девках — до сорока;
Ни с женатыми, ни с подростками
Не «махают налевака».

Если май придёт — все с веснушками,
Дело ясное тут — весна!
Если в клуб идут, то с частушками,
Им, как водится, не до сна.

Рассыпается дробь каблучная
Под трёхрядную под гармонь...
Если парочка не разлучная
К свадьбе вызрела — уж не тронь!

1960-е гг.

* * *

Четыре года не был дома —
В солдатском отшагал строю,
И край родимый, край знакомый
Сейчас почти не узнаю.

Стальные высятся опоры,
Связав гирлянды проводов,
Дымки из труб за косогором —
Шахтёрский вырос городок.

Железный мост повис над речкой.
С утра снуют грузовики.
И только смотрит мать с крылечка,
Как прежде, вдаль из-под руки.

1957

ТАРУТИНО

В Тарутине — два сраженья,
В Тарутине — два кургана...
Событий не сгладит время
Ни громом, ни ураганом.

Лежат под колонной предки.
Лежат под плитой потомки.

А вдаль по бетонной ветке
Бегут и бегут трёхтонки.

А между святых курганов,
У новых разбитых скверов,
Под ритмику барабанов
Равняются пионеры.

В салюте замрут ручонки,
Которым всё сметь, осилить!..
И верят своим потомкам
Курганы моей России.

1965

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Не мог я вмиг осмыслить сводку,
Но понимал одно: конец!
Я видел, как своей пилоткой
Ударил о ладонь боец;

Затем присел на край лафета,
Надел пилотку набекрень
И развязал шнурок кисета...
Нам не забыть тот майский день.

А жёны пашнями бежали,
Оставив в упряжи быков;
А матери, поправив шали,
Тревожно всматривались в дали,
За повороты большаков.

У сельсовета — слёзы, речи...
Мы верили в страдания женщин —
Они измучились без нас,
Взвалив все горечи на плечи.
Нам не забыть тот день и час:

Солдат цветами осыпали,
Солдат до хруста обнимали,
Смеялись жёны
И рыдали...

1971

НА ПОЛЕ БОЯ

Я нашёл окоп и место
Под Калугой, на лугу,
Где в сраженье было тесно
От разрывов на снегу;

Где в бою погиб наводчик,
Наш прославленный герой;
На снегу, разбрызгав точки,
Стыла розовая кровь...

Жизнь отсчитывает годы,
Жизнь захватывает дух:
Я смотрю, а цех завода
Разбежался прямо в луг.

Снова я на том кусочке
Отвоёванной земли...
Снова, снова вижу точки,
Но теперь, склонив листочки,
В травы ягоды легли...

1972

БИБЛИОГРАФИЯ

Тропинка полевая. Стихи. — Калуга: Калужское книжное издательство, 1960.

На большаке. — Тула: Приокское книжное издательство, 1968.

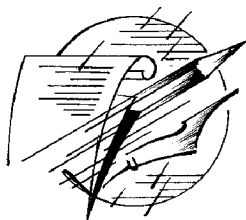
Когда не спят перепела. — Тула: Приокское книжное издательство, 1973.

ТРОЦКИЙ ПРОТИВ СТАЛИНА. ТАК КТО ЖЕ ПОБЕДИЛ?

Бессмысленный вопрос, не правда ли?

Ведь всем давно известно и внесено во все энциклопедии, что 20 (умер 21-го) августа 1940 года известный всему миру выдающийся русский революционер Лев Давидович Троцкий-Бронштейн (по происхождению еврей), по приказу такого же известного всему миру выдающегося русского революционера Иосифа Виссарионовича Сталина-Джугашвили (по происхождению грузина), был убит в пригороде Мехико Койоакане, в собственном доме, Рамоном Меркадером, убежденным испанским коммунистом, любящим СССР и связанным с НКВД. О чем тут еще толковать? Сталин убил Троцкого, значит, Сталин победил!

Ну да, если бы речь шла о схватке двух диких зверей, в которой один убивает другого, то такой вывод был бы вполне логичным. Но после убитого животного не остается ничего, кроме костей, а после человека остается многое. Очень многое, иногда даже слишком. И как тут не вспомнить старую советскую максиму относительно художественных персонажей: герой умер, но дело его живет! И в случае с Троц-

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

ким эта истина (когда-то казавшаяся людям старшего поколения всего лишь примитивным идеологическим штампом) будет звучать вполне злободневно.

За что же Сталин убил Троцкого? Ведь к 1940 году их реальный политический и государственный вес был настолько несоизмерим, что это убийство (да еще убийство человека, жившего на другой стороне земного шара!), казалось бы, было просто актом болезненной мстительности со стороны Сталина. И действительно: один — вождь великой страны (лихорадочно готовящейся к величайшей в Истории войне), а другой — всего лишь частное лицо без гражданства, изгнанник, так нигде толком и не приткнувшийся по причине своей неудобности и для правых, и для левых. Но...

Но Сталин, и это известно из свидетельств ближайшего окружения, выпустив Троцкого (точнее, изгнав его) из СССР в 1929 году, впоследствии очень жалел об этом своем шаге и считал его громадной ошибкой. Да еще — мало того! — Троцкому разрешили выехать со всем своим архивом, в котором содержались редчайшие документы, включая письма Ленина, и который насчитывал около трех десятков ящиков (не папок, а ящиков!). Вот это действительно трудно понять: ты выпускаешь из рук на свободу своего злейшего врага, зная, что он будет против тебя бороться всеми доступными ему средствами — и при этом даёшь ему вывезти огромный корпус животрепещущих и буквально кровотокающих документов?

Но в чём в чём, а уж в литературной бездарности Льва Давидовича никто не мог обвинить! Да, его слово могло разить противника насмерть (впрочем, как и слово многих его соратников по революции во главе с Лениным). И вдруг — такой подарок от смертельного врага, который мог выгнать Троцкого из страны без единой архивной бумажки, буквально интеллектуально и документально голым! Факт непонятный, необъяснимый, попросту — нелогичный. Явная политическая ошибка со стороны такого расчётливого и дальновидного политика, каким почти всегда был Сталин. Но, как говорится, и на старуху бывает проруха. (А может, в 1929 году Сталин вовсе и не обладал той полнотой абсолютного доминирования, которое мы ему приписываем задним числом?)

Но в чём же причина обоюдной ненависти этих двух ярчайших исторических деятелей (а они действительно ярчайшие в российском да и мировом XX веке)? В стремлении к личной власти? Но если бы только в обладании государственной властью заключалось дело, то не смог бы их конфликт длиться с той же огненной интенсивностью целый десяток лет после изгнания Троцкого. Нет, не в физическом облада-

нии властью было дело. Во всяком случае, не только в этом. А в чём же?

Дело в том, что для этого поколения людей (в отличие от замшелых, заскорузлых, заплесневевших деятелей позднего советского времени) реально существовала и была, пожалуй, главной такая сфера человеческой жизни, как сфера идейная, идеологическая. Ведь идеология, которой нас не устают пугать последние тридцать лет — это просто-напросто система идей! И когда мы в ужасе открещиваемся от официальной идеологии (якобы любой идеологии, хотя на самом деле живём до сих пор в парадигме идеологии империалистического американского величия), мы всего лишь публично признаём, что как государство, как нация не имеем никаких идей. Это мы-то, русские, которые всегда если и поражали чем-то мир, то именно великими, фантастическими и почти безумными идеями, — и мы теперь не имеем идей?..

Но это — отдельная тема, и тема огромная, болезненная и злободневная.

Итак, Сталин и Троцкий (про Ленина и не говорю), в отличие от ограниченного, трусливого и гнилого позднесоветского и постсоветского перестроечного бюрократа, демократического бандита и вора, идеи имели. Мало того, считались выдающимися идеологами XX века и почему-то этого звания совсем не стеснялись. Хотя, если судить объективно, чистыми идеологами не были ни тот, ни другой. Идеологом был Ленин, но это отдельная тема.

Идеология-практика Сталина воплотилась в реальное государство СССР, одну из двух мировых сверхдержав. Она воплотилась также в реальные масштабные исторические дела — победу в Великой Отечественной войне, овладение атомной энергией (в том числе и мирной), освоение космоса (не Хрущёв же подготовил полет первого Спутника в 1957 году, придя к власти в 1953-м!). В общем, со Сталиным ясно — он был по своей идеологии государственным, а потому, обладая недюжинными возможностями и способностями, а также железной волей и такой же целеустремленностью, оставил после себя именно великое государство — Советский Союз, который наши недруги не обвиняясь во все времена именовали исторической Россией.

Именно эту могучую и богатейшую страну перестроечные и демократические бесы растаскивали и распродавали много-много лет и до конца так и не могли растащить и распродать.

Ну а Троцкий? После него ведь государства не осталось? Во всяком случае, в мире нет государства, которое объявило бы себя наследником Льва Троцкого?

Но это как посмотреть...

Всем известно, что последние тридцать лет американской политикой заправляют (или направляют) люди, называемые неоконками, то есть новыми консерваторами. К ним относятся самые верхние слои американского политического истеблишмента, которые сегодня находятся у власти. А это множество политических кланов. Клинтон, Байден, Маккейн, семейство Нуланд-Каган, и так далее, и тому подобное. А их наставниками и учителями были (по восходящей) Норман Подгорец — Лео Штраус (Штросс) — Уильям и Ирвинг Кристола — а на самом верху (хронологически) — Макс Шахтман. И Шахтман был не просто убеждённый троцкист, а верный соратник Троцкого и близкий помощник по организации Четвертого (троцкистского) интернационала в конце 30-х годов.

То есть нынешние американские неоконки, правящие с начала 90-х годов в США, вышли идейно из гнезда Льва Давидовича. Они этого не скрывали, да в Америке это никогда и не считалось компроматом. У Ирвинга Кристола, одного из последователей Шахтмана, например, даже книга есть, которая так и называется — «Из мемуаров троцкиста».

Материалы по этой теме есть в достаточном количестве в интернете, каждый может почитать, поэтому здесь я не буду отрывать внимание читателя на очевидные, хотя и не общеизвестные факты. Но почему это так важно для нас и важно именно сегодня?

Во-первых, потому, что очень многие из американских последователей и соратников Троцкого были его земляками и единоплеменниками, выходцами с западноукраинских, польских и белорусских земель. Русофобами, поставившими свою главную карту на уничтожение России, они, в отличие от своего учителя, который никогда не был плоско-однозначным, стали сразу, изначально. Для них Украина всегда была, что называется, отмычкой для взламывания безопасности сначала Советского Союза, а позже Российского государства. А потому нынешняя война именно на Украине для них, как и для нас, имеет онтологическое, экзистенциальное и даже символическое значение. Ведь это, как ни крути, родина их предков, которую они категорически не хотят возвращать исторической России.

Во-вторых, если уж неоконки ведут свою историю от Троцкого, но нельзя ли увидеть в их действиях что-то, присущее именно троцкизму? Для ясности приведем несколько цитат из Троцкого. Сначала те, что касаются традиционной семьи:

— Революция сделала героическую попытку разрушить так называемый «семейный очаг».

— Революционная власть принесла женщине право на аборт — одно из ее важнейших гражданских, политических и культурных прав... Предстоящее запрещение абортов объясняют тем, что в социалистическом обществе, где нет безработицы, женщина не имеет права отказываться от «радостей материнства». Философия попа, который обладает в придачу властью жандарма.

— Торжественная реабилитация семьи, происходящая одновременно с реабилитацией рубля, порождена материальной и культурной несостоятельностью государства... Седьмая заповедь (не прелюбодействуй) приобретает в правящем слое большую популярность. Советским моралистам лишь приходится слегка обновлять фразеологию (то есть слова Заповеди. — **В.М.**).

Итак, разрушение семьи — одна из капитальных и постоянных идей и задач Троцкого. Поворот Сталина к семье в середине 30-х (тогда Троцкий уже жил вне СССР) буквально выводил его из себя. Аборт как фундаментальное право любой женщины — один из путей разрушения семьи. Сам Лев Давидович считал именно сексуальную свободу и реальную вседозволенность таким же фундаментальным правом каждого человека.

Но разве не те же идеи в отношении семьи господствуют сегодня на продвинутом Западе? Возможно, что-то из сегодняшней практики (зоофилия, например) могло бы даже и шокировать Льва Давидовича — но и это вряд ли. Сам он в сексуальных извращениях, вроде, не был замечен, но одна из его последних любовниц, жена художника Диего Риверы, приютившего его в Мексике, художница Фрида Кало, увлекалась далеко не только мужчинами. В общем, с сексуальной свободой в окружении Троцкого, да и у него самого, всё было в порядке.

А что у просвещённых и продвинутых наших западных партнёров? Вот только одна заметка за 2019 год из интернета: «В американской армии разрешили секс с животными. Половая жизнь американских солдат может стать богаче и разнообразнее: сенат одобрил законопроект, в котором содержится положение об отмене в армии запрета на содомию и зоофилию».

Особенно трогает формула «может стать богаче и разнообразнее». Ну как тут не порадоваться за американских солдат? Да и семья ведь теперь у них — это не союз мужчины и женщины, а союз кого угодно с кем угодно. Кажется, кто-то из европейцев уже официально вышел замуж за собственного кота — но то ли еще будет! А ведь это уже признак не просто духовной одержимости, но и тяжелой психической болезни...

Еще одна важнейшая черта идеологии Троцкого — отношение к молодежи. И опять говорящая цитата:

— Еще совсем недавно, в течение первой пятилетки, школы и комсомол широко пользовались детьми для разоблачения, устыжения, вообще перевоспитания пьянствующего отца или религиозной матери. Ныне и в этой немаловажной области произошел крутой поворот: наряду с седьмой и пятая заповедь (чти отца своего и мать свою) полностью восстановлена в правах, правда, еще без ссылки на бога.

— Отрицание бога, его помощников и его чудес являлось наиболее острым клином из всех, какие революционная власть вгоняла между детьми и отцами. Ныне штурм небес, как и штурм семьи, приостановлен. (У Троцкого Бог, естественно, везде со строчной буквы. — В.М.)

Но какие говорящие слова! Оказывается, революционная власть широко пользовалась детьми! К тому же постоянно вбивала клин между детьми и их родителями. Какое оригинальное проявление любви к молодому поколению — цинично использовать их в качестве средства! Именно с помощью этих глупых слепых котят, еще ничего не понимающих в жизни, но уже имеющих достаточно физических сил, чтобы скакать на площадях и бросать камни в полицейских, и разрушался старый уклад, традиционная семья, весь строй народной жизни.

Но разве цветные революции по всему миру делаются сегодня по какому-то иному принципу? Разве не пятнадцатилетних подростков выгоняют на площади свергать законную власть в неугодных Западу странах?

И кстати, по поводу бесконечных цветных революций то там, то здесь. Тут уже необходимо вспомнить о главной идее Льва Давидовича, благодаря которой он и остался прежде всего в ультралевом революционном движении. Главная его идея — идея о перманентной революции. Перманентная — значит постоянная, не прекращающаяся никогда. Человечество должно всё время жить в революционном пожаре и всё время должно в нём сгорать. Для чего? Для того, чтобы, в конце концов, революция стала мировой и победила по всей земле.

А что дальше, когда и если это произойдет? Самое интересное, что это «дальше» Троцкого, кажется, не очень и волновало. Ведь мировая революция произойдет только тогда, когда никого из сегодняшних революционеров просто не останется в живых...

И опять «наши» американские неокконы как будто списали свои немногочисленные методички с сочинений Троцкого. А может, и вправду списали, учитывая, что именно троцкистами были их идейные учителя? Тогда всё сразу стано-

вится на свои места. Как сейчас любят говорить, входит в свои пазлы.

Но почему именно этот нехитрый набор идей пришёлся так кстати, казалось бы, таким далеким от его автора силам? Далеким исторически, интеллектуально, культурно, географически наконец?

Потому что идеи Троцкого просто необходимы для тех, кто рвётся к мировому господству, к тотальной власти над всем человечеством. А если, как ему кажется, он уже захватил эту власть, то теперь он озабочен тем, как её удержать. А для этого, согласно «русскому» революционеру еврейского происхождения Льву Давидовичу Троцкому, желательно и даже необходимо:

— Разрушать всеми способами и всеми силами традиционную семью и вообще любые национальные и культурные традиции,

— Развращать молодежь, чтобы использовать её в качестве тарана, средства разрушения культур и государств, отрывая её от родителей, от семьи, навязывая ей «свободу» любых извращений и содомских грехов,

— Не останавливаться в «революционной деятельности» ни на шаг, ни на минуту, добиваясь, чтобы всегда где-то на земле бушевал пожар, сжигающий людей.

И эта идея трансформировалась в формулу «управляемого хаоса». Хаоса где? Где угодно. Управляемого кем? Всё той же *самой демократичной* страной мира. А точнее — её властной бандой — американскими неоконнами.

Но вернемся к заголовку. Так кто же победил в кровавой борьбе Троцкого и Сталина? Вроде, после того, как мы сделали небольшой экскурс в историю и кое-что вспомнили, можно сказать, что Троцкий?

Но ведь совершенно очевидно, что все идеи Троцкого — это идеи борца против Бога, против истинной веры. Это сатанинские идеи. То, что сатана проиграл изначально, тысячи лет назад, когда только восстал на своего Творца, это мы знаем. Но знаем также и то, что силам тьмы время от времени даются периоды видимого господства в этом мире. Господства, основанного на нашем личном безверии, нашей слабости, нашей неверности, нашем страхе и предательстве.

И борьба между тьмой и светом не только не закончена — она будет идти до Страшного Суда, это мы тоже знаем.

А потому можно сказать, что победа в этой вечной схватке зависит, пусть в малой степени, но от каждого из нас.

Светлана МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО,
председатель Краснодарской краевой
писательской организации

ИНОАГЕНТЫ «ЛИТГАЗЕТЫ»

Порой удивительно, какой развитой интуицией обладают наши либералы. Буквально на следующий день после послания президента Федеральному собранию, в котором он призвал поддерживать все формы творческого поиска — современное и традиционное искусство, реализм и авангард, классику и новаторство, «Литературная газета» решительно поддержала навязшего в зубах «классика». Причём, как уверяет Анна Гурина — автор статьи, опубликованной 22 февраля этого года — классического уровня её героиня достигла уже при жизни: «В огромном мире современной литературы среди десятков, даже сотен русских писателей имя Людмилы Улицкой, ставшей классиком при жизни, знакомо каждому».

Да-да, друзья, той самой Улицкой, сравнившей русских с грязными дикарями: «Я уже не раз это говорила, нам очень повезло, потому что Альберту Швейцеру пришлось покупать билет, бросить Баха и ехать лечить грязных, диких, больных дикарей. Нам никуда не надо ехать — достаточно выйти из подъезда и вот мы уже в Африке». А осенью 2022-го Улицкая выска-

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

зала предположение, что в ДНР и ЛНР пришла война, потому что «в них нет ни одного праведника», и сравнила Новороссию с Содомом и Гоморрой. Активистка «марша мира» 21 сентября 2022 года, вещая на камеру красивые слова против войны, писательница Улицкая то ли не знала, то ли позабыла, что русские люди, в том числе дети и женщины, в Донбассе гибли с 2014-го. Так почему восемь лет Улицкая на «марши мира» не выходила? Ах, да! Она же в это время стыдилась за русский народ, русский гимн и Россию в целом. О чём высказалась в августе 2022 в интервью немецкому журналу «Der Spiegel».

Обратилась «классик при жизни» Улицкая и к жителям Австрии, где за два месяца до этого ей была вручена Австрийская государственная премия по европейской литературе. Вот как она описывает начало этого мероприятия: «Торжественная часть начинается с австрийского гимна. Все зрители встают, я тоже. Хорошо вам, австрийцы, думаю я с лёгкой завистью. Текст вашего гимна в 1947 году написала ничем не запятнанная поэтесса Паула фон Прерадович. А мы нашего российского гимна давно уже стыдимся». Причина стыда Улицкой в том, что текст написал всё тот же Михалков, автор предыдущих вариантов, а «в нём когда-то упоминался Сталин»...

Да что там гимн, если, по мнению Улицкой, само российское государство маниакально больное, и ей, «классику», стыдно и за агрессивную Россию, и за безнравственный российский народ, о чём было заявлено ещё в 2014-м: «Я русская писательница еврейского происхождения, воспитанная в христианской культуре. Сейчас моя страна находится в состоянии войны с культурой, ценностями гуманизма, свободой личности и идеей прав человека. Моя страна больна агрессивным невежеством, национализмом и имперской манерой величия. Мне стыдно за мой невежественный и агрессивный парламент, за моё агрессивное и некомпетентное правительство, за руководящих политиков — сторонников насилия и вероломства, которые метят в супермены. Мне стыдно за всех нас, за наш народ, который растерял нравственные ориентиры».

И уже ничуть не удивляет название той самой статьи в «ЛГ» от 22.02.2023, восхваляющей «живого классика» Людмилу Улицкую: «Честность — фундамент мастерства!» Оказывается, именно честность — вот что более всего покорило Анну Гурину: русофобская, оскорбительная для Родины и христианской культуры иноагентная честность! Честность ненависти к русской земле и презрения к русскому народу. Такая

вот *честность* для такого «классического» мастерства. Тут сама собой, как в «Ревизоре» Гоголя, возникает немая сцена. Потому что цензурные слова здесь будут излишни.

Бывший завлит Камерного еврейского музыкального театра, соучредитель Конгресса интеллигенции «Против войны, против самоизоляции России, против реставрации тоталитаризма» и «Лиги избирателей», кавалер высшего знака отличия Франции, ордена Почётного легиона, Людмила Евгеньевна Улицкая живёт теперь в столице «дружественной» нам (по мнению Гуриной) Германии, где 12 лет назад она купила квартиру на месте снесённой Берлинской стены. И вот вопрос: а где «честность» главного редактора Максима Замшева, получившего медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» I степени в феврале 2023 года, почти в день годовщины ведущейся Специальной военной операции в противодействие агрессии НАТО, разместившего на площадке руководимого им издания хвалебную статью о литераторе, признанном иноагентом? Или вопрос надо ставить по-другому: в чём интерес главного редактора столь авторитетного и массового издания прорекламировать русофобку, которая осознанно «честно» перевирает нашу историю? Живущая в Германии фрау Улицкая дописалась в своих произведениях до того, что в 1941 году немцы взяли Тулу! Хотя со времён советской школы должна была знать, что рабочее ополчение и части так ненавидимого ею НКВД вместе с солдатами 50-й армии героически отстояли город. И потому танки Гудериана не смогли прорваться к Москве.

Статью Анны Гуриной «ЛГ» выдала к юбилею «классика» Улицкой. Не знаю, порадовала ли Улицкую публикация в стране, которая «больна агрессивным невежеством, национализмом и имперской манией величия», но плевком в души защищающих нашу страну солдат и их родителей она точно стала. Об этом мне написал отец убитого в Мариуполе матроса-гвардейца.

К сожалению, таких плевков немало. Ольга Любимова заявила, что возглавляемое ею Министерство культуры не запрещало замеченных в русофобии, пропаганде гомосексуализма и педофилии авторов для московских библиотек: «Очень была удивлена самому списку. [...] Никому никаких списков не посылали, и у нас никто не спрашивал. Книжки никакие мы не убирали» (цитата по «Интерфаксу»). Наверное, Министерство культуры «честно» не желает европейских обвинений в войне «с культурой, ценностями гуманизма, свободой личности и идеей прав человека», и коль детям интересно читать про пионеров-педерастов, то зачем же им запрещать? Зачем удалять из библиотечных запасников книги признанных ино-

агентами Дмитрия Быкова, Дмитрия Глуховского, Михаила Зыгаря, Екатерины Шульман, Леонида Парфёнова, Бориса Акунина и столь любимой «ЛГ» Улицкой? Не хочется верить, что к юбилеям вышеперечисленных иноагентов «ЛГ» готовит статьи, чтобы объявить их «классиками при жизни».

Нельзя не сказать о передаче Первого канала «ПРОУЮТ». Картинки и разговоры о семейном и личном счастье здесь ведутся строго под англоязычную музыку. Наши бойцы проливают кровь за Русский мир в Донбассе, а в это время англоязычные хиты продолжают покрывать пространство всех главных ТВ-каналов. Кто-нибудь может себе представить, чтобы по радио СССР во время Великой Отечественной войны транслировали brave марши и фокстротные песенки фашистской Германии? (Столько раз уже было сказано про «Голос» и «Ну-ка, все вместе!», где через одного вокалисты в обязательном порядке воспроизводят западные, в основном англоязычные песни.)

Руководство культурного центра «ЗИЛ», который находится в ведомстве Департамента культуры Москвы, отказало в предоставлении своей площадки для проведения вечера «Поэзия СВО». Неинтересна им эта поэзия. Они же, по их словам, вне политики. А может, и вне России? Только вот бюджетные средства на содержание центра поступают от государства исправно.

Выходит, даже второй год СВО не в силах изменить «культурную политику» в стране. Неужели так сильна пятая колонна?

Андрей АНТОНОВ

В ОТВЕТ НА САНКЦИИ...

Канал «Красная линия» сообщает: в 2022 году за рубеж «уехало» 250 млрд. долларов, абсолютный рекорд. К тому же российским компаниям дано право не возвращать валютную выручку в Россию. Таковы решения властей страны. А это конкретные чиновники, подписавшие соответствующие документы, депутаты, проголосовавшие за принятие конкретных законов.

А 300 млрд. долларов, отправленные Центробанком РФ в американские банки и захваченные «партнёрами»... Хотя ранее эксперты многократно предлагали, а общественные организации требовали вернуть эти средства в Россию и пустить на развитие российской экономики, а не кормить Запад.

И продажа российскими компаниями с санкции руководства России стратегического сырья, энергоносителей «партнёрам» из США и стран ЕС, объявившим санкции России. Эти недружественные страны нам санкции, а российские предприниматели и чиновники им денежные средства в огромных количествах, сырьё, энергоресурсы и пр.

Возникает резонный вопрос: в чьих интересах действуют российские власти? Разве это не финансовая и иная помощь иностранным государствам и организациям в ущерб интересам страны, народа, национальной безопасности? Аналогичные вопросы можно задать российским предпринимателям. И ответы напрашиваются сами собой.

Более того, правительство рассматривает вопросы снятия всех ограничений на вывоз валюты за рубеж, что приведет к разорению России. Об этом в марте этого года Госдуме заявил депутат от КПРФ Николай Арефьев: «В условиях, когда на нашу страну заведено 14 тысяч санкций, когда у нас не хватает денег на импортозамещение, когда не выполняются наши национальные проекты, правительство почему-то думает не о том, как найти деньги на импортозамещение, а как вывезти из страны валюту». В феврале прошлого года вывоз валюты был полностью запрещен, однако правительство постепенно снимало ограничения. В итоге во второй половине 2022 года был разрешен вывоз одного миллиона в месяц. «Посчитайте так: у нас 101 тысяча долларовых миллионеров. Вот они по одному миллиону в месяц вывезут. Это будет 101 миллиард. А если за год — это будет 1 трлн. 200 млрд. долларов. Эта сумма сопоставима с той, которая официально вывезена за 30 лет нашими нуворишами... А если мы снимем ограничения, тогда что же останется в стране?», — недоумевал Арефьев.

Денежные средства утекают в страны Североатлантического союза. С экранов телевизоров, в радиозфире постоянно звучат сообщения — против России воюют страны НАТО. А тут со стороны определённых лиц из России — фактически помощь странам НАТО. Что это?..

Как юрист, полагаю, что в действиях лиц, создающих условия для оказания финансовой помощи иностранным государствам и оказывающим такую помощь, содержится со-

став преступления, предусмотренный ст. 275 УК РФ (государственная измена). Это помощь недружественным странам в ущерб безопасности России.

Согласно уголовному кодексу РФ — государственная измена, то есть совершенные гражданином Российской Федерации шпионаж... либо оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет...

Но правоохранительные органы страны бездействуют. Разве перечисленное им неизвестно? Полагаю, давно известно. Об этом открыто говорят в Госдуме депутаты от КПРФ. Но меры не принимаются...

А как же принцип неотвратимости наказания? Ещё в своём послании ФС РФ от 2005 года президент страны В. Путин отмечал «...Любой преступивший закон должен знать, что наказание неотвратимо». Что-то изменилось с тех пор? Или для одних — неотвратимость наказания, а другим вседозволенность? Но это же противоречит требованиям ст. 19 Конституции РФ, гласящей — все равны перед законом и судом.

Судя по описанным событиям, полагаю, речи наших властей расходятся с реальными делами. Возможно, это связано с колониальной зависимостью России от коллективного запада. До сих пор Россия выполняет рекомендации, а фактически требования МВФ как одна из его участниц. А тут ещё ВТО, ВОЗ и прочее...

В середине декабря 2022 года руководство фракции КПРФ подготовило законопроекты о выходе России из глобальных финансовых институтов. В Госдуму внесены три инициативы: первая — о неучастии в МВФ, МБРР и Международной ассоциации развития (МАР), вторая — о разрыве отношений с ЕБРР, третья — об отмене режима наибольшего благоприятствования для враждебных государств. Прошло уже полгода, но что-то мы не слышали о рассмотрении данных законодательных инициатив. Кто-то из высокопоставленных чинов, видимо, блокирует их принятие. Кто?

Как известно, МВФ создавался в 1944 году и начал свою работу в 1947 году как часть Бреттон-Вудской системы, провозгласившей доллар базой валютных приоритетов и его господствующее положение в международной валютной системе. Отмечу, штаб-квартира МВФ находится в США, округ Колумбия, Вашингтон.

Россия в 1992 году при Ельцине вступила в МВФ и с тех пор неукоснительно выполняет его требования, даже и теперь, несмотря на СВО. Как говорится, заявления о защите Русского мира заявлениями, а обязательства перед МВФ надо выполнять. Недалеко от МВФ ушли МБРР, ЕБРР, МАР, ВТО и т.п. Но от их пут российское руководство также не избавляется.

Мы что-нибудь слышали о соглашениях российского правительства с МВФ? Думаю, нет. Эти документы не разглашаются, хотя они основа многих российских «реформ». Может быть, что-то слышали о подробностях встреч членов правительства РФ с комиссарами МВФ? Тоже нет.

В частности, о встрече миссии МВФ с министром финансов Силуановым, министром экономики Орешкиным, председателем Центрального банка Набиуллиной, иными высокими должностными лицами и представителями финансовых, научных и коммерческих организаций в мае 2017 года. Где, возможно, обсуждалась пенсионная реформа в России. Или поездки российских министров на совещания МВФ. Нет, не слышали, как и об итогах этих переговоров. Члены правительства РФ, к примеру, были на ежегодной встрече МВФ и Всемирного банка в Вашингтоне в апреле 2018 года.

В документах МВФ Россия проходит как страна № 17/197. Даже номер присвоили. Краткую информацию о сути деятельности МВФ в России раньше можно было найти на сайте московского представительства этой структуры. Сейчас там уже многое зачищено. МВФ осуществляет функции внешнего управления в России. И без разрыва отношений с ним ни о каком суверенитете говорить не приходится.

Под контролем «экспертов» МВФ в России после 1992 года была создана законодательная база, которая препятствовала эффективной работе российских предприятий любой формы собственности в сферах крупного, среднего и мелкого предпринимательства. Отечественные предприятия выталкивались в офшоры, под иностранную юрисдикцию, стимулировался отток капитала за рубеж.

Грабительская приватизация и передача прав собственности на российские предприятия иностранцам, Болонская система образования — это разве не плоды «помощи» со стороны МВФ? Было сделано много чего ещё, идущего вразрез с национальными интересами России. И от этого куратора, вернее, колониального надсмотрщика в лице МВФ, действующего в интересах США и их союзников, вопреки национальной безопасности России, видимо, не хотят отказываться некие высокопоставленные российские чиновники.

Согласно исследованию Брайна Джонсона и Бретта Шефера с 1965 по 1995 годы МВФ спасал 89 государств. К 2010 году 48 из них оставались примерно в такой же экономической и социальной ситуации, как и до помощи МВФ, а в 32-х — ситуация ухудшилась.

Ещё один характерный для современной России штрих. Европарламент 23.11.2022 года признал Россию применяющей средства терроризма в «агрессии против Украины». Хотя агрессию и военные действия развязал украинский режим.

В начале ноября 2022 года Петровская академия наук и искусств направила руководству Госдумы обращение о признании политического режима на Украине террористическим и фашистским. Было сделано серьёзное юридическое обоснование на основе российского и международного права. Однако руководство Госдумы РФ пока «тактично воздерживается» от признания украинского режима фашистским и террористическим.

Не потому ли затягивается СВО, что конкретные российские бизнесмены и чиновники продолжают «сотрудничать» с западными правительствами и предприятиями, поставляющими вооружение нацистским боевикам Украины?..

г. Санкт-Петербург

Максим ВОРОБЬЁВ

ТАКОЙ СТРАНЫ БОЛЬШЕ НЕТ!

Украины больше нет. Да её и никогда не было. Был морок, мираж, призрак независимости, захвативший людские умы. Декорация третьесортного театра, иллюзия самостоятельности и значимости. Химера национального сознания. Где реальные плоды её государственности? Не найти. Нет народа, нет нации без достижений во всех сферах жизни. Где же украинские поэты, глаголом жгущие сердца людей и возвыша-

ющие их над повседневностью? Где писатели, мудрое и живое слово которых находило бы отклик во всем мире? Где художники, запечатлевшие на своих полотнах образы, способные тронуть сердца людей? Где музыканты и композиторы, чью музыку слушают и в Европе, и в Азии, и в Америке? Где ученые и философы, внесшие вклад в мировую науку? Всё в прошлом, когда неразрывная связь с Россией питала жизнь Украины.

Ныне связи разорваны и осталась одна пустота. Напыщенные речи, самодовольство и притязания на исключительность. Ненависть ко всему, что напоминает о собственной ущербности. Разум у людей был отнят, и они начали возводить границы посреди единого государства. Делить то, что им не принадлежало, и отгораживаться друг от друга. Рука решила жить самостоятельной жизнью и отрезала себя от тела.

Землёй Украины стали править безумцы, потерявшие всякие представления о чести и совести. Марионетки, управляемые циничной и безжалостной рукой. Предательство, ненависть и убийства ради наживы стали привычным явлением. Нищета и порабощение простого народа обрушились на страну. Но и этого было мало, у народа украли разум и сердце. А народ и не сопротивлялся, даже воспринял эту кражу как благодеяние. А взамен получил безумное самопревозношение и ненависть. С воплями: «Слава миружу!», — люди кинулись грабить, насиловать и убивать других людей. Не стало правды в земле украинской, и лживый суд творят насильники. Им служат продажные псы, готовые за подачку загрызть и растерзать любого. Каждый считает себя правым, и голоса истины никто не слышит.

Народ, взращенный в озлоблении и питающийся ненавистью, истребится с лица земли.

Война пришла к тем, кто жаждал крови. Опьяневшие от безнаказанности и вседозволенности, украинские упыри оказались перед лицом смерти. Но порабощенные злом уже не могут остановиться. В слепом безумии они изрыгают богохульства и воют на Церковь Христову. На самого Христа. Они жаждут вновь и вновь распинать Его, но не в их власти повторить величайшее преступление в истории. Потому в бессильной ненависти они ополчились на христиан и храмы Божии. Пытают и убивают верных. Оскверняют храмы и устаивают в них сатанинские оргии. Пришло на головы людей возмездие. Сеявший ветер пожнет бурю. Пришла не буря — ураган, сметающий всякую нечисть с лица земли.

Отнята благодать Божия от земли Украинской. Черные птицы кружат над Киевом, предвещая тяжкие времена и по-

гибель. Рыдания вдов и матерей неумолчным стоном летят над землей. Сиротами заполнены города и сёла. Ряды могил уходят за горизонт и бесчисленные трупы валяются на полях сражений. Опустела земля, заросшие бурьяном поля наполнены железом и смертью. Голод и холод. Крысы-начальники бегут с корабля, прихватив с собой всё, что можно вывезти. Ненависть и отчаянье поселились в сердцах людей.

На поля сражений устремляются бешенные человеко-волки Запада. Они не ведают жалости, и нет в них ничего человеческого. А украинский народ бежит прочь от своей земли, ставшей полем битвы. Отныне беженцы обречены на скитания между народами, озлобленные на всех и ненавидимые всеми. Ибо ненависть рождает ненависть. Впереди — тяжкие страдания.

И лишь Россия сможет вдохнуть жизнь в агонизирующее тело Украины. Ради верных, ради тех, кто не отказался от Православия и братских уз, помилует Господь многострадальную землю и возродит единство Русского народа.

Фёдор ШИМАНСКИЙ

ЕГЭ И БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС

В России снова заговорили об отказе от «Болонской системы». В связи с этим народ вопрошает: «А не отменят ли по такому случаю ещё и ненавистный Единый Государственный Экзамен?» А чиновники отвечают: «Нет! Это даже не обсуждается!»

Возникает странная ситуация. Большое количество людей уверено, что ЕГЭ был частью Болонского процесса, и требуют его отмены. А чиновники отмены не хотят и утверждают, что экзамен никогда и не был его частью.

Глава Рособрнадзора Анзор Музаев придумал (ещё в прошлом году) замечательное объяснение: «Все привыкли пу-

тать Болонскую систему с единым государственным экзаменом. (...) Получилось так, что в один период шло обсуждение о вводе Болонской системы в образ высшего образования. В этот же период мы перешли к итоговой аттестации одноуровневой. (...) Её назвали тогда единым государственным экзаменом. Эти две сущности совершенно между собой не связаны. Болонская система не требовала проведения данной процедуры...»

Кто же прав? Народ или чиновники? Чтобы в этом разобраться, нужно для начала вспомнить, что такое Болонский процесс. Болонский процесс — это процесс реформ с целью гармонизации национальных образовательных систем высшего образования и создания единого Европейского Пространства Высшего Образования. Процесс сей стартовал в 1999 году, а на проведение реформ было отведено десять лет.

В 2010 году на Будапешто-Венской конференции состоялся официальный запуск Европейского пространства высшего образования. На бумаге получалось, что цель Болонского процесса была достигнута. А на деле мало кто из участников выполнил все требования процесса, поэтому реформы продолжают и поныне.

Теперь разберём, каковы же требования Болонского процесса? Основных, обозначенных с самого начала, всего пять: 1) легко понимаемые и сопоставимые уровни квалификации (благодаря европейскому приложению к диплому); 2) деление высшего образования на два основных цикла (всего 5 лет обучения по моделям 3+2 или 4+1); 3) система зачётных единиц (кредитов); 4) обеспечение мобильности студентов, преподавателей, исследователей и управленцев; 5) обеспечение качества образования.

Как видно, в требованиях действительно нет ничего про ЕГЭ. Но всё не так просто.

В конце сентября 2003 года состоялось заседание Совета по педагогическому образованию. На нём бывший тогда министром образования Владимир Михайлович Филиппов рассказал о планах реформаторов образования. Он объявил, что Россия подписала Болонскую декларацию, и теперь, ради Болонского процесса, нужно «форсировать внедрение ЕГЭ как единого критерия для поступления в вуз» (цит. по статье Е. Галкиной «Болонские тайны» реформы образования).

Также Россия (как и другие страны-участницы Болонского процесса) каждые два года готовила национальные доклады, в которых рассказывала о ходе и результатах реформ. И в них она докладывала... о внедрении ЕГЭ!

Например, в докладе 2005 года читаем: «9. Социальное измерение Болонского процесса. 9.1. Опишите меры, которые способ-

ствуют обеспечению равенства доступа к высшему образованию. ... Оно может быть достигнуто... посредством введения единого государственного выпускного экзамена в средней школе...»

В докладе 2007 года: «Изменения в области непрерывного образования. 20. Опишите любые процедуры признания предшествующего образования, включая формальные и неформальные образовательные траектории. В Российской системе образования внедряются новые формы и процедуры признания предшествующего образования. Одной из процедур признания предшествующего образования является Единый государственный экзамен (ЕГЭ). (...)

25. Опишите меры, которые способствуют обеспечению равенства доступа к высшему образованию в вашей стране. В последние годы доступность качественного высшего образования несколько выросла благодаря реализации следующих мер: расширение географического охвата Единого государственного экзамена (ЕГЭ)...»

После Лондонской конференции были приняты следующие законы: Федеральный закон «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об образовании» и Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в части проведения единого государственного экзамена» от 09.02.2007, № 17-ФЗ. Закон предусматривает, что процедуры государственной итоговой аттестации в школе и вступительные экзамены в вузах должны быть заменены на Единый государственный экзамен (ЕГЭ)».

То есть, у нас чиновники от образования говорили, что ЕГЭ нужен для Болонского процесса, и перед этим процессом о внедрении этого ЕГЭ отчитывались. Такие вот «две несвязанные между собой сущности»!

Так что не народ «запутался» и связал ЕГЭ с Болонским процессом. Это реформаторы от образования что-то попутали и формально привязали свои «хотелки» к направлениям Болонского процесса.

Понятно, почему это было сделано. У Болонского процесса был установлен строгий срок окончания — 2010 год. Поэтому с ним ЕГЭ и связали, чтобы «ускорить внедрение». «А то не успеем, и в Европу не возьмут».

А сейчас, видите ли, оказывается, Европе это было не нужно. Да и вообще мы Европе теперь больше не нужны. А кому тогда было нужно ломать образование в России? И зачем?

От редакции. Кому было нужно? Той самой прозападной пятой колонне «реформаторов от образования». Зачем? Чтобы разрушить образование в России, как и саму Россию.

ИМ НЕ МЕСТО НА РОССИЙСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ!

Кажется, разговоры о возвращении на российские телеэкраны всякой погани из состава «испуганных патриотов», в недавнем прошлом «звёзд» журналистики, актёрства и эстрады, будут вечны. Постоянно идут вбросы об их возвращении. И некому раз и навсегда с уровня государства сказать: «Всем, кто замечен в предательстве, не место на российском телевидении!» Пусть занимаются чем угодно, хоть пляшут, хоть поют, хоть хихикают, но не на центральном телевидении! А ещё лучше — пусть пудрят мозги западным зрителям, но там, на «ихнем» Западе, они никому не нужны, кроме таких же русскоязычных «испуганных» зрителей.

«Мэтр журналистики» Владимир Познер намерен был 23 февраля выступить на Кипре вместе со своим дружкой Иваном Ургантом. Познер, оказывается, пребывал в Лос-Анджелесе. Короткий видеоролик, появившийся в соцсетях, запечатлел довольного жизнью Познера, исполняющего англоязычную вокальную партию в джазовой композиции, а аплодировал ему на этом «американском камерном концерте» шоу-актёрчик Леонид Ярмольник. Правда, позже стало известно, что совместное выступление Познера и Урганта на Кипре было внезапно отменено. Точнее — перенесено с 23 февраля на 27 октября 2023 года без объяснения причин. И интересна добавочка к этой информации: «Все купленные ранее билеты остаются действительными». Деньги, короче, возвращать не хотят. То есть, по одному из методов Остапа Бендера, Владимир Познер и Ваня Ургант осуществили «честный отъем денег» у своих доверчивых потенциальных зрителей. Но что еще произойдет до октября?.. То ли ещё раз перенесут выступление, то ли все забудут о самом «вечере», то ли ещё что-то...

А пока Западу «не пригодились» на Кипре Познер и Ургант. Впрочем, как и Чулпан Хаматова в Латвии. Новый Рижский театр вынужден был сообщить, что спектакль с Хаматовой,

намеченный на 28 февраля, ради чего та прилежно заучивала латышские фразы, отменён в связи с беспрецедентным «творческим провалом». Теперь Чулпан плачет, что у неё нет ни денег, ни работы. Не нужны они, «испуганные», там никому!

А вот ещё одна «испуганная звезда» — Рената Литвинова, обрадовавшая недавно «дорогих россиян» своим возвращением в Россию из Франции, кстати, после провала своего спектакля «Кактус», премьеры которого состоялась в Париже. «Стричь бабки» по-настоящему они могут только здесь, в России, где «агенты влияния» во власти постоянно ищут возможности их возвращения.

А по вопросу отмены выступления Познера—Урганта, настораживает следующая информация. Сам Ургант объясняет: «Пришлось перенести выступления на октябрь по весьма уважительным причинам. Тем, кто утверждает, будто это происки врагов, не верьте — это связано с сугубо личными непредвиденными обстоятельствами». И тут же в Сети сообщают, что отмена кипрского мероприятия может быть связана с возвращением Урганта и Познера на Первый канал.

Познер, судя по всему, то ли сам, то ли по совету каких-то «модераторов» затеял некую комбинацию, выражающуюся в некоторых реверансах в сторону российской политики по т.н. Украине. После долгого молчания он начал рассуждать об ответственности США за невозможность усадить за стол переговоров Украину. «Если бы Штаты сказали господину Зеленскому: окей, пора сесть за стол переговоров и просчитать способ решения этой проблемы, то он как раз в точности это и сделает», — уверен Познер. Ну и, конечно же, добавил, что подавляющее большинство граждан России поддерживают политику президента Путина. Но стоит ли верить в искренность Познера? Конечно — нет. Более года молчал многословный Познер по вопросу СВО. Ведь отчего-то срочно выехал из России в такое долгое «путешествие» испуганный «мэтр журналистики»...

И сколько их таких! Алла и Максим пугачевы-галкины, «Ксюша» Собчак, Аллочка Михеева (подружка Вани), танцевавшая на вечеринке богатых украинцев во французском Куршевеле под песенку, дискредитирующую русскую армию и президента России. Их — тьма. Ещё один, и тоже «испуганный», и тоже радующий своим возвращением пятую телеколону, — «историк моды», телеведущий Александр Васильев, который вначале СВО публично её осудил и написал «покаянное письмо» литовским властям. Теперь он «радует» нас тем, что программа «Модный приговор» вернётся в эфир Первого канала. Шоумен заверил, что останется ведущим «Модного приговора», но подробности раскрывать не стал, назвав

это «служебной тайной». «Мы все ждём этого», — сказал он. Наверное, все телезрители так соскучились по нему, что даже не заметили отсутствия этой низкопробной передачи на телевидении и мгновенно «забыли» о существовании самого расфуфыренного «историка моды».

Более изощрённого удара по национальным интересам России, в случае возвращения «модных приговоров», «вечерних и ночных ургантов и познеров», придумать сложно. Но со стороны властей предержавших мы так и не услышали ни слова по этому поводу.

Анатолий СТЕПАНОВ,
главный редактор «Русской народной линии»

СОМНИТЕЛЬНЫЕ ЛИЧНОСТИ...

Два таких события даже для нашей тронутой «ольголюбимовщиной» культурки многовато. 24 марта был какой-то особенный, прямо-таки чёрный день, демонстрирующий наглядно уровень деградации Министерства культуры.

Вечером на государственном канале «Культура» показали пасквильный фильм Элема Климова «Агония», который устыдил даже советского генсека Л.И. Брежнева, распорядившегося положить его на полку. Леонид Ильич, как говорят, после просмотра фильма бросил фразу: «Ну, царь не такой дурачок был». И после этого фильм 10 лет пролежал на полке, пока его разрешил к показу только начинавший развал страны Горбачёв.

Но вот теперь кому-то из «культурных начальников» показалось нужным продемонстрировать этот фильм, который изображает святых Русской Православной Церкви Царя Николая и Царицу Александру как дегенеративных, истеричных типов, убиенного старца Григория Распутина представляет как сатаниста и коррупционера, закончившую свою жизнь монахиней Анну Вырубову — как интриганку. Никчемными людьми выглядят и другие государственные деятели России.

Зачем же понадобилось сегодня показывать этот пасквиль?! Похоже, это некий сигнал президенту России Владимиру Путину от «пятой колонны». Прозрачный намёк в условиях, как и тогда, идущей войны.

Словом, в стране нет культурной политики! От слова совсем! И пока власть не занимается культурой, ею занимаются те, кто стремится дискредитировать и демонизировать государственную власть! За государственные деньги! В условиях войны это можно воспринять только как сознательную диверсию по дискредитации верховной власти. И никак иначе.

Но этого оказалось мало. В этот же день только что назначенная директором Государственного музея им. Пушкина Елизавета Лихачёва в интервью телеканалу RTVI продемонстрировала не только свою вопиющую глупость, но и свой подзаборный стиль разговора. Она заявила: «Фигура Сталина сложная, неоднозначная, и я приверженец очень простой позиции: он сдох — всё, проехали. Мы не можем мерить нашу сегодняшнюю жизнь Сталиным, это смешно просто».

«Сдох» вообще-то говорят о собаке, а о человеке, если он тебе и не симпатичен, даже не очень культурные люди говорят — умер, скончался. Но у Лихачёвой, которая теперь будет руководить одним из символов русской культуры, видимо, свои представления о культуре речи. А чтобы никто в этой хамоватой «культуре» не усомнился, она, Е. Лихачёва, ещё и создателя Российской Империи Петра Великого, которым веками гордится Россия, назвала «сомнительным персонажем». А интересно, кто для Лихачёвой не сомнительный? Наверное, Горбачёв и Ельцин. А может, Троцкий или Лжедмитрий...

И такого человека (аж на конкурсной основе!) определили руководить Пушкинским музеем! Интересно, а каковы были критерии, по которым Минкульт определил способность Лихачёвой руководить одним из символов нашей культуры? Презрение к выдающимся деятелям русской истории? А может, умение выражаться «высоким хамоватым штилем»? Или, может, навыки глумления над умершими (она ещё Сталина назвала Микки-Маусом)?

Эти два события в один день наглядно демонстрируют уровень деградации государственного управления культурой. А мы еще возмущались Владимиром Мединским... Да при нём культура, можно сказать, процветала.

Настала пора президенту назначить министром культуры кого-то из работников этой сферы из Донбасса, где есть, по крайней мере, чёткое понимание: что хорошо и что плохо для нашего Отечества.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

2023 год
(Март)

Как только над кем-то из представителей т.н. пятой колонны в России начинается маячить уголовное дело за воровство, за клевету или за антигосударственную деятельность, они тут же сбегают в Израиль. А оттуда, как известно, выдачи нет. Да и никакие наши власти никого из них оттуда особо и не требуют. Мол, сбежали, ну и бог с вами, сидите там и не дёргайтесь. Словно Израиль для того и был создан, чтобы вся преступная шушера со всего мира, имеющая еврейские корни, находила там себе убежище. Сколько их уже сбежало из нашей страны! То есть они тут вредили, совершали экономические и уголовные преступления, воровали миллиарды, а им дали свободно отсюда выехать... И когда мы спрашиваем: как так, кто позволил им выехать? — ответов ни от кого не получаем. Наши вопросы повисают в воздухе как недостойные ответа. А некоторые всезнающие телевизионные «эксперты» на это снисходительно улыбаются и разводят руками...

Мы, конечно, понимаем, что большая часть этой вредительской пятой

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

колонны в Израиль еще не выехала, еще находится здесь и что для выезда у неё всё уже давно подготовлено. А пока можно еще здесь поживиться...

И на самом деле их здесь «тьмы и тьмы». На самом деле это никакая не колонна, а давно уже **пятый внутренний фронт**, выполняющий свою подлую работу, точнее даже, ведущий свою вредительскую **войну** против России — экономическую, идеологическую, информационную, антикультурную и антиморальную. И ведь мы очень многих из них знаем в лицо и пофамильно.

И как же мы собираемся побеждать Запад, если внутри страны действует целый прозападный **фронт** разорителей страны, саботажников, антиморальных диверсантов и ненавидящих нас эстрадно-попсовых лицемеров и театральнo-киношных русофобствующих приспособленцев? Их задача — не допустить нашей победы, их цель — разорить Россию, их вожделенная мечта — жить на доллары, евро и шекели.

Вопрос депутатам Госдумы: не пора ли уже вводить в Уголовный кодекс статью за русофобию?

СВО обнажила и накалила эти вопросы до невозможности их замалчивания. Если прошедшие двадцать с лишним лет этого века можно было всем ветвям власти снисходительно их не замечать, пропускать мимо ушей, то теперь, во время внешней войны и реальной угрозы существования государства, — не замечать их и отмалчиваться не получится. Русский народ и воюющая армия ждут на них ответа.

* * *

Вечером 14 марта по телеканалу ОРТ авторитетный военный эксперт и военный политолог Константин Сивков на наивный вопрос телеведущего о том, почему мы уже несколько месяцев никак не добьемся решающего успеха в Артёмовске, Авдеевке, Марьинке и Угледаре, прямым текстом сказал следующее (и это, конечно же, слышали миллионы телезрителей): «Дело в том, что там сейчас на стороне ВСУ воюют главным образом иностранные наемники, и разрешения на полное их окружение и полное уничтожение не даёт верховный главнокомандующий, а вернее сказать, политическое руководство страны, которое ведет постоянные секретные переговоры с натовскими лидерами. И та сторона, по всей видимости, выстала нашему политическому руководству эти условия». * Я не хочу давать оценку словам К.В. Сив-

* И никто в последующие дни этих слов через СМИ не опроверг.

кова. Могу лишь повторить его слова, сказанные в продолжении: «Умный сам поймет, а дуракам и понимать не надо».

В тот же день президент и верховный главнокомандующий В.В. Путин на встрече с работниками авиационного завода в Улан-Уде глав натовских стран, заваливших Украину смертоносным современным вооружением, снова назвал «нашими западными партнерами». Что бы ни происходило, Большие партнёрские игры ну никак не выветрятся из высоких властных голов.

И в этот же день МИД России в очередной раз объявил о «нашем жесте доброй воли» по продлению еще на 60 дней зерновой сделки с «европейскими партнерами» — дальнейшему вывозу из Одессы украинского зерна... Поистине интересы мирового олигархата — это святое...

Так что Большая игра продолжается не только на Первом канале российского ТВ. Кстати, еще одним ведущим «Большой игры» российского телевидения стал гражданин США Дмитрий Саймс...

* * *

На одной из главных святынь Киево-Печерской лавры — старинном Трапезном храме — резко почернели кресты и один из куполов. Этот храм захвачен раскольниками из ПЦУ, и в январе этого года в нем был устроен нацистский шабаш с «рок-концертом», на котором украинские дебиловатые «артисты» горланили русофобские песни с рефреном про «убийство москалей». Сейчас в этом храме, у стен которого находятся могилы Петра Столыпина и замученных по мазепинскому навету Кочубея и Искры, идут раскольнические «богослужения».

Почерневшие кресты этого храма, как сказал в своей проповеди наместник Киево-Печерской лавры митрополит Павел, — Божий знак. А еще точнее говоря, — реально явленное в наши дни самое настоящее чудо, которое еще многими всерьез не оценено и должным образом не понято. Это даже не просто знак, а настоящая Божья воля, проявленная так скоро по отношению не только к раскольнической «украинской церкви», но и ко всей киевской власти, а также — к безбожному Западу, вставшему на сторону фашистской киевской власти и т.н. «украинской церкви». Думается мне, это только начало проявления Божьей воли. Мы будем свидетелями и других знамений и чудес, проявленных на малоросской земле. Но уже явленный знак — почерневшие кресты на захваченном сатанистами храме — это одновременно и приговор для них и символ приближения великих событий, описанных в последней части Евангелия.

Кремль доигрался в тридцатилетний либерализм, демократию и жесты доброй воли. Вполне логичный и естественный итог этих игр. «Международный уголовный суд» в Гааге выдал ордер на арест Путина.

Европейские СМИ вешают нам лапшу на уши, утверждая, что, мол, Гаагский суд вынес это решение за каких-то детей, вывезенных в Россию из Украины. Да плевать Европа хотела хоть на украинских, хоть на российских, хоть на сирийских детей. На самом же деле истинные причины решения «Международного уголовного суда» заключаются совсем в другом. И я перечислю эти истинные причины. Их, вообще-то, много, и я перечислю лишь несколько.

Это — восемь лет «минских соглашений». Это — отказ от уничтожения киевской садистской банды во главе с Зеленским и Порошенко. Это — даже после года военной спецоперации сохранение железнодорожных узлов и мостов, соединяющих Киев с западом Европы. Это — даже после года военной спецоперации сохранение нацистской пропагандистской машины в виде киевского телевидения и интернета. Это — сохранение поставок газа, нефти и нефтепродуктов в Европу, а оттуда — на Украину. Есть и другие причины. Но уже названных вполне достаточно, чтобы вражеский т.н. Гаагский суд выдал своим главным европейским комиссарам ордер на арест российского президента.

А как мы думали? Может, кто-то надеялся на то, что Большие игры в либерализм, в демократию, в дипломатическую мягкотелость, в нашу «открытость к переговорам» и в улыбочивую близорукость по отношению к подрывной деятельности пятой колонны не приведут нас к «Международному уголовному суду» в Гааге?.. Видимо, кто-то там, «наверху», и впрямь надеялся. Возможно, и до сих пор надеется, что это всё так, мол, шуточки такие европейские... Опыт Хусейна, Каддафи и Милошевича нам всё еще не впрок. Во всяком случае наш президент и после гаагского ордера на арест заявил в телеэкран: «Россия открыта к дипломатическому решению украинской проблемы». Думаю, услышав это, наши морские пехотинцы в окопах под Угледаром и Авдеевкой молча сглотнули... А штурмовики из ЧВК «Вагнер» в Бахмуте отнюдь не молча, сплюнув, усмехнулись...

Этот вердикт т.н. Гаагского суда — не что иное, как плевок в лицо всего народа России. И недопустимо главным властям на него не реагировать или реагировать формально. Как стало известно, американцы за этот ордер «Международного уголовного суда» заплатили десять миллионов долларов. С

нашей стороны должен последовать такой, условно говоря, «ордер», чтобы эти миллионы долларов всей шайке «суда» встали поперек горла.

Но для нас гораздо важнее другое. Если бы не было указанных выше причин, то не было бы и данного решения т.н. Гагского суда, потому что сам этот суд о себе никак бы не напомнил — он с перепугу просто бы самоликвидировался, и все его убудочные «судьи» сидели бы тихо, как мыши под веником.

* * *

Приходится с сожалением констатировать, что российская власть не способна адекватно реагировать на распоясавшуюся западную русофобию. «Традиционно», а точнее говоря, прямо-таки ритуально лидеры российской власти ограничиваются пустыми словесными констатациями этого развязно-похабного явления и не предпринимают никаких практических действий, дабы дать не только по губам, но и по рукам обнаглевшим, потерявшим любые границы допустимого западным русоненавистникам. Как пелось в известной советской песенке, «Почему, мой друг, да потому...» Потому, что нынешняя российская власть вся плоть от плоти — из девяностых годов прошлого века, это сплошь бывшие ельцинские чиновники, собственными руками вскормившие и взлелеявшие пятую русофобскую колонну. Вся эта многотысячная пятая русофобская колонна была ими одарена государственными наградами и милостиво обеспечена баснословными гонорарами. А теперь многие из награждённых и одаренных объявлены т.н. «иноагентами» или сбежали в стан врагов России и оттуда поносят нас последними словами.

Ничтожные т.н. «республики Балтии» в своей изощренной русофобии, не имеющей абсолютной никаких человеческих границ, уже готовы перейти к реальной русофагии (дословно — пожиранию, уничтожению), т.е. объявлению русских не просто неграждами на этих территориях (по фашистской терминологии), а в прямом смысле нелюдми. И в ответ с нашей стороны, кроме ритуальных «возмущенных» слов, — ничего. Поставки газа в Прибалтику не только не прекращаются, но, наоборот, увеличиваются. Прибыли олигархов и дивиденды акционеров Газпрома гораздо важнее.

Русофагия на фашистско-нацистской Украине — это уже обыденная реальность, ежеминутно происходящие действия жидобандеровской власти, не просто поощряемой, а ежеминутно подталкиваемой и направляемой англосаксонской омасоненной «элитой», веками мечтавшей об уничтожении

русских как нации. Но жидобандеровская власть вольготно себя чувствует, ей, как мы увидели за прошедший год СВО, не объявляется ультиматума, ей словно бы гарантирована безопасность, она встречается с кем хочет из западных властных чиновников, а теперь уже и японских, она приезжает в прифронтовые города и без последствий возвращается на целёхонькую Банковскую улицу Киева... Повторяю, на Украине, где русофобия уже реально перешла в стадию русофгии.

История не раз доказывала, что прямое уничтожение русских начинается тогда, когда российская власть не способна жестко и конкретно пресечь русофобию. И для этого совсем не обязательно применять оружие. Для этого существует множество других средств. Но главное — наличие у власти воли, ума и не декларативной, а истинной любви к русскому народу.

* * *

Медиа-реклама — это одна из форм дебилизации населения и манипуляции его сознанием. Она выполняет ту же функцию, которую в свое время выполняли Кашпировский и Чумак, только более завуалированно и более изощренно. Власть заинтересована в рекламе, как она была заинтересована в Кашпировском и Чумаке, которые отвлекали население от главных проблем народа и страны.

Телеканалы имеют миллиардные доходы от рекламы, и при этом они постоянно кланчат деньги у населения якобы на дорогостоящее лечение тяжелобольных детей. Цинизм запредельный. Согласно неким спущенным сверху распоряжениям телеканалы имеют право 30 процентов от перечисленных населением денег оставлять себе.

* * *

Из Кремля до сих пор неустанно раздаются голоса: «Мы открыты к переговорам по Украине»... Но давно уже настала пора спросить: к переговорам с кем? Может быть, с теми, кого 29 марта этого года проклял наместник Киево-Печерской лавры митрополит Павел, назвавший банду Зеленского «сворой»? «Мы открыты к переговорам» с этой жидо-бандеровской **сворой**?

Митрополит Павел этой *своре* бросил слова: «Бойтесь!» Нельзя иметь дело с антихристовыми выродками, невозможно вести с ними никаких разговоров и переговоров, потому что в противном случае и сам закономерно и неизбежно превращаешься в *свору*.

Я уже писал о чёрных крестах над храмом, захваченном осатанелыми раскольниками из ПЦУ. Но символизм продолжается. Именно 29 марта прошлого года состоялись «наши» переговоры с шакалами *своры* в Стамбуле... Как говорится, аукнулось...

* * *

Это стихотворение, по логике событий, нужно было написать сегодня, в эти дни. Потому что его смысл и его правда полностью раскрылись именно сейчас, когда Запад распоясано, злобно, беспардонно и прямо-таки эйфорически изрыгает свою ненависть к нам. Причём с каждым днем он всё более и более изощряется в своей ненависти. Он ненавидит нас за всё, **абсолютно за всё** — за то что мы огромны и за то что мы добры, за то что мы щедры, отзывчивы на помощь и за то что мы сильны, за то что не злопамятны и за то что с ним были честны... За то, что снабжали его газом, нефтью, лесом и т.д. Победив Запад в страшной войне, мы его не уничтожили, как сделал бы он с нами в случае его победы, а наоборот, дали Европе возродиться и вновь объединиться против нас. Одним словом, Запад нас ненавидит за само наше существование, причем в любом виде...

Но стихотворение это было написано 37 лет назад, когда нынешняя их откровенная ненависть еще так себя не проявляла по причине их страха. Ведь тогда еще существовал СССР. Но я знал об их ненависти к нам всегда, потому что всегда, во все времена они были обуреваемы нынешней к нам отвязанной ненавистью. Кое-кто в то время, когда оно было написано, прочтя его, крутил пальцем у виска, произнося: «Ты чего, с приветом?» Теперь они пальцем у виска не крутят, а снисходительно усмеваются: «Ну, это и без тебя всем понятно...» Прозрели, слава Богу!..

НЕНАВИСТЬ

И ненавидите вы нас...

А.С. Пушкин

Они ненавидят Россию
за горы, поля и леса,
за реки ее голубые,
за травы и небеса.

О, как же они ненавидят
ее непогибший народ,

которой не мстит за обиды
и Родины не предаст!

За то, что любви не взыскует
и прошлое помнит свое,
за то, что еще существует, —
они ненавидят ее.

И стоны, и вдовьи рыдания
сторицей отплатятся ей,
все раны ее и страдания
их только озлобят сильней.

Жестокости их не убудет:
хоть трижды распнут, но опять,
покуда себя не забудет,
всё будут ее распинать.

(1986)

Сегодняшняя война с Западом выросла из его ненависти к нам.

Как 100 лет назад, лупоглазые комиссары в кожанках уничтожали Православие в России, ныне евреи Порошенко, Зеленский и их прихвостни репрессируют Украинскую Православную Церковь. Бесноватые укровоыродки захватывают храмы, поносят, избивают и тащат в суды священников, а католическая церковь, как и 100 лет назад, молча поощряет эту вакханалию. Цель Зеленского и Порошенко, конечно, с подачи Запада, — полное уничтожение якобы «москальской» УПЦ, а в действительности — ликвидация на т.н. Украине канонического Православия как такового. Успеют ли? — вот вопрос. Не сомневаюсь в том, что в еще оставшихся храмах УПЦ и ее священникам властными предписаниями будут запрещены пасхальные богослужения 16 апреля этого года. Естественно, униатская и другие раскольнические «церкви» «нэзалэжной» проводят пасхальные службы по католическому календарю, т.е. на неделю раньше. Всё было предусмотрено заранее.

ПУСТЬ НЕ РВЁТСЯ КРАСНАЯ НИТЬ

К 100-летию со дня рождения Бориса Можаева

В круговерти текущего времени иногда вдруг мысленно остановишься, начнёшь вспоминать, что было прежде, и тогда память услужливо возвращает в минувшие дни, которые, чем дольше с Божьей помощью живёшь, видятся всё острее. Ныне с особо чувственным замиранием вспомнился Борис Андреевич: его походка, взгляд, интонация. И сердце защемило, будто заглянул ему в глаза, услышал его голос. И подобное ощущение приходит не только в памятные дни и даты, а всегда, потому что всегда вспоминаю и думаю об этом человеке, оставившим во мне частицу своей мятущейся души.

Да, мало мы, пишущие, вспоминаем ушедших писателей: то ли это стало не модно, то ли зачерствели душой — всё чего-то суетимся, особенно молодые, и нет уж нам никакого дела до того, кто был до нас. А вспомнить есть кого. Кто-то из писателей был ближе, кто-то дальше — тут уж сердцу не прикажешь, каждый выбирает близкого по духу, по тому, о чём тот писал, о чём болел писательской душой. Для меня таким был Борис Можаев, который олицетворял особое направление в русской лите-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ратуре. Мало с кем его можно было сравнить по знанию сельской жизни, умению докапываться до сути крестьянства. Уж сколько он копий сломал, сколько писательской энергии потратил, борясь за настоящего хозяина на земле! Начав творческую деятельность на Дальнем Востоке с выпуска книжки удэгейских сказок, бывая в разных районах Приморья, где служил военным инженером, Борис Андреевич уже тогда начинал приглядываться к жизни крестьян. Ему всегда хотелось более полно показать и хорошее, и плохое в их жизни. Но времени на всё не хватало. Поэтому писательство заставило уволиться из Вооруженных Сил, переехать в среднюю полосу и поселиться на родной рязанской земле. Здесь и была написана многострадальная повесть «Живой», а главный персонаж этой повести — Фёдор Кузькин, начиная с шестидесятых годов и до конца восьмидесятых был знаменем в руках тех, кто хотел перемен на селе.

Но в начале девяностых годов это знамя попало совсем не к тем людям, каких бы хотел видеть Борис Андреевич хозяевами на земле. Горячо принятая им идея перестройки вдруг обескуражила, заставила по-настоящему задуматься о смысле происходящего, хотя всё начиналось совсем неплохо, когда только и разговоров было о зарождающемся фермерском движении, в котором видели спасение сельского хозяйства. Сразу появились новые лозунги, и пошла писать губерния. Совхозы и колхозы стали всячески зажимать, руководство страны отвернулось от тех самых людей, которые худо-бедно, а кормили страну. Это вместо того, чтобы помочь им как можно безболезненнее сменить форму собственности, помочь и нарождающимся фермерским хозяйствам, а не бросать на произвол судьбы, думая, что личная инициатива всё сделает сама собой. В результате вместо совхозов образовались жалкие АО, ООО, большинство из которых оказались убыточными и начали один за другим разоряться. Вместо сети фермерских хозяйств — наделы единоличников-арендаторов, но никак не фермеров в привычном понимании этого заграничного слова.

Как радостно встречал Борис Андреевич во Владивостоке Александра Солженицына! Тогда возвращение этого писателя на Родину казалось знаковым, всем виделось, что это не просто приезд-возвращение, а событие, способное окончательно повернуть ход истории в нашей стране. Прокатилась волна выступлений-митингов, сопровождавших неспешное движение Солженицына по России. Можаяев, правда, лишь встретил друга и поспешил в Москву, где принимал активное участие во многих тогдашних демократических «тусов-

ках», и часто сам появлялся на телеэкранах, часто публиковался в периодике.

Мне почему-то особенно запомнилось его участие на приёме, устроенном демократической, как тогда казалось, прессой на борту теплохода, курсировавшего по Москве-реке, где он выступал в роли свадебного генерала и чувствовал себя не совсем уютно... Всё это, мягко говоря, мне не нравилось. На глазах рушился образ неподкупного писателя-правдолюбца, которому в начале восьмидесятых годов я, молодой тогда литератор, посылал на дом рассказы, надеясь получить честный и, чего скрывать, одобряющий отзыв. И получил, и был благодарен Борису Андреевичу за участие в моей литературной судьбе. Но видя такое «поведение» своего, можно сказать, кумира, во мне всё более менялось к нему отношение. И однажды, ужаснувшись, понял, что ошибся в этом писателе, потому что он, казалось, не понимал, что происходит в стране, когда это понимали все, в том числе и сами крестьяне-колхозники, за светлое будущее которых он всю жизнь рвал писательские жилы. Получалось, что всё, что он прежде делал, либо было фальшью, либо глубоким заблуждением. Но я-то знаю, что он это всё делал от чистого сердца, с искренней заботой о крестьянах. Но теперь получалось, что его старания были никому не нужны, а сам он то ли разуверился в своих же призывах, то ли понял, что ничего не может изменить. Такое поведение меня не устраивало по вполне понятным причинам. И я почти «отвернулся» от человека, которого прежде боготворил, посчитав его одним из тех, кто ловко переметнулся под новые знамёна, преследуя лишь свои, только им известные цели. Бог им судья! О них даже думать не хотелось. Но как это произошло с Борисом Андреевичем?!

Какое-то время я редко вспоминал о Можяеве, ещё реже звонил ему, пока не попала на глаза его статья в газете «Труд» под названием «Проданная деревня». В ней он описывал злоключения колхозников из рязанского совхоза «Культура», земли одного из отделений которого продали за два «лимона» дешёвых денег заезжим арендаторам. Продали вместе с людьми, жившими там! И стали они теперь работать в АО «Агродрев». И если бы работали! А то дойное стадо угнали на центральную усадьбу, туда же перегнали и один-единственный исправный трактор, оставив крестьян без работы, а значит, без зарплаты... «Чем же такая приватизация отличается от бывшей коллективизации? — задавался вопросом Борис Андреевич в своей статье. — Да ничем — и по форме и по результату. Всё так же команда сверху — и бесправие крестьян. Но раньше это делалось по «передовой теории Маркса»

для счастья всего международного «пролетарията», как говорил герой Бунина, а теперь делается по «передовой теории рынка». Для счастья кого? Обнищавших горожан или для этих отошавших деревенских жителей?..» И там же: «Прежде чем вводить земельную аренду, необходимо принять жёсткий закон землепользования, чтобы всякий арендатор, охочий до бесконтрольной эксплуатации земли и крестьян, неотвратимо предстал бы перед судом, как нарушитель закона».

В статье Можаяев подробно исследовал суть конфликта с привычным для него интересом к тем людям, какие пока остались в разорённом, униженном селе, исследовал с тем писательским негодованием, с которым прежде были написаны все его статьи и очерки на сельскохозяйственные темы, а мне подумалось: «Вот он, новый, прозревший Можаяев, дорогой мой Борис Андреевич!» И вздохнулось радостно, и на душе посветлело, хотя время тогда в стране было не самое лучезарное. И почему-то подумалось, что пока есть такие люди, как Можаяев, не всё потеряно, сумеет наш народ перемолоть в очередной раз все невзгоды, волна за волной накачивающие на него.

Чего стоил указ Б. Ельцина «О государственном земельном кадастре...», в котором приказывалось в месячный срок представить «Проект поземельной книги и порядке её ведения...»? Казалось бы, радоваться должен Борис Андреевич, всю жизнь ратовавший за создание кадастра сельхозугодий. Но прекрасно зная, что на создание полноценного кадастра нужны годы, он понял, что такая поспешность нужна лишь для растаскивания, «прихватизации» сельскохозяйственных земель. «Да и теперь мы все с тем же большевистским азартом «формируем» бег, но уже в капитализм, — возмущался он в статье «На круги своя», — и даже не замечаем, что не только надорвали свои «демократические» силы, но и довели народ до нищеты».

Эти строки Борис Андреевич писал в середине 90-х... Поднялся бы он сейчас и посмотрел, что творится в так любимом им сельском хозяйстве, взглянул бы на заросшие бурьяном и берёзами поля и настоящих хозяев на земле, к чему неоднократно призывал, не увидел бы. И не поверил бы заверениям иных ретивых господ, кричащих от восторга, что, мол, в России из-за перепроизводства хлеб девать некуда... Потому и некуда, что кормить некого. А «наверху», видимо, не знают или не обращают внимания на то, что с увеличением производства хлеба, снизились закупочные цены на него, — а это прямая дорога к окончательному разорению пока еще оставшихся крестьян. Им бы в этот момент помочь, и государство

помогает, но недостаточно! А средства, поступающие через кредитование, а также предназначенные на закупку семян, удобрений и ГСМ, зачастую разворовываются. Да в таких масштабах, что впору за голову хвататься. Поэтому почти везде, где прежде была животноводческая ферма на 200—250 коров, сейчас гуляет ветер в голых, без крыш железобетонных остовах. И это не выдумка, а всего лишь пример по одному Плотно-Пушкарскому отделению бывшего совхоза «Пронский» на Рязанщине — родине автора этих строк. И сколько таких отделений по всей России!

А «кремлевские мечтатели» не устают рассказывать о том, что Россия, как в дореволюционные годы, скоро опять завалит хлебом Европу. Но в этом оч-чень большие сомнения при нынешнем положении дел в сельском хозяйстве. Россия, как прежде, зависит от поставок мяса из-за рубежа. И неудивительно — свой-то скот похерили! Приведу ещё один пример: на территории того же Плотно-Пушкарского отделения находился животноводческий комплекс — плод кооперации нескольких совхозов — где одновременно откармливалось 12—14 тыс. голов свиней. Теперь на месте комплекса те же остовы без крыш, даже голодных воронов не видно — все разлетелись с голодухи. И никому, видимо, «наверху» не приходит в голову пустить появившийся «лишний» дешёвый хлеб на восстановление и развитие животноводства, а не продавать его за границу. Получается, что туда гоним дешёвое зерно, а оттуда везём дорогое мясо, а значит зависим от Запада.

После тех жогаевских статей я опять потянулся к их автору, стал чаще звонить ему, подолгу беседовать. А когда надумал вступать в Союз писателей России, то осмелился и попросил у Бориса Андреевича рекомендацию, и он не отказал, потому что к тому времени мы были знакомы более десяти лет, и, главное, он положительно отзывался о моих работах. За рекомендацией поехал в Переделкино, где в ту пору он отдыхал и работал, встретился с ним в номере на втором этаже нового корпуса Дома творчества. По осунувшемуся лицу было видно, что Борис Андреевич находится не в лучшей форме, в его внешнем виде мало что осталось от прежнего здоровяка, любившего пошутить, лишь живой свет добрых, с прищуркой глаз напоминал о его равнодушной душе. И говорил по-прежнему неутомный Жогаев вновь о сельском хозяйстве, о подмосковном совхозе «Каширский», где начали выращивать картофель по голландской технологии, говорил страстно, доказательно, мечтая, что когда-нибудь передовая технология будет применяться по всей стране, где это возможно, но опять же, если будет помощь государства.

Ведь без такой помощи ни одно обнищавшее АО, ни один фермер, даже самый инициативный и трудолюбивый, не выживет. И с горечью посетовал, что пока правительство раскачается, мужиков на селе совсем не останется, работать станет некому.

Постепенно во мне окончательно наладилось прежнее, доперестроечное отношение к обожаемому писателю-земляку, казалось, я заново проникался его жизненной уверенностью, силой литературного слова, и раз за разом вспоминал строчки из его письма: «Вам же я советую продолжать писать и рассылать свои рассказы в ж-лы». Эти слова, прозвучавшие когда-то заклинанием, я постоянно помнил, они помогали жить, когда вдруг наваливалась печаль-тоска от житейских невзгод. Как помнил и другие, сказанные позже при личной встрече, когда пожаловался ему, что, мол, не печатают. «А ты пиши, не останавливайся, в хозяйстве всё пригодится!» — по-крестьянски внушал Борис Андреевич. И я навсегда запомнил его внушение.

К сожалению, встреча в Переделкине оказалась последней... Было оглушительно неправдоподобно однажды услышать в вечерних теленовостях сообщение о кончине известного писателя, лауреата Государственной премии Бориса Андреевича Можаява! До сего дня помню, как задрожали руки от такого известия.

Похороны состоялись шестого марта 1996 года. Мне довелось участвовать в траурных церемониях от начала до конца. Отпевание назначили на 10.30. Я появился в церкви Святителя Филиппа у метро «Проспект Мира» минут на двадцать ранее остальных участников церемонии. Гроб с телом Бориса Андреевича стоял в стороне, будто никому не нужный. Я склонился около него со свечой. Потом начали подходить другие провожавшие. После отпевания, на котором присутствовал Александр Солженицын с женой и сыном, Юрий Любимов, Валерий Золотухин и другие достаточно известные люди, переместились в ЦДЛ на гражданскую панихиду, состоявшуюся в Малом зале при большом стечении писателей, пришедших проводить Можаява в последний путь. Было с полдюжины выступающих, как «справа», так и «слева»: Александр Солженицын, Валерий Ганичев, Фазиль Искандер, Владимир Солоухин и другие. Все они говорили об одном, но все по-разному относились к Можаяву, потому что он мало кому был удобен, всегда имел на всё своё мнение, и часто это мнение шло против шерсти.

Похороны состоялись на Троекуровском кладбище в Кунцево. После похорон поехали на поминки в «Театр на Таган-

ке». За столом я оказался рядом с Солоухиным, который дружил с Борисом Андреевичем. Во время поминок кто-то попросил меня выступить от имени учеников Можаяева... Выступать я не любитель, но в тот момент воспользовался возможностью высказать добрые слова о своём учителе, которые, конечно же, не показали всей глубины моих переживаний. «Хорошо сказал, — по-владимирски окая, тем не менее, похвалил Владимир Алексеевич, всего лишь на год, как потом оказалось, переживший своего товарища. — Наливай, помянем Бориса...»

Сколько уж лет прошло с той поры, много изменилось в сельском хозяйстве. Появились мегафермы, набрали силу фермерские хозяйства, распаханы многие поля, заросшие в годы безвременья берёзами и чертополохом и теперь спешно вводимые в севооборот с помощью государства. Хоть и поздно спохватились чиновники, но Россия уже вышла в мировые лидеры по производству пшеницы.

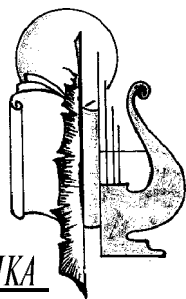
Все эти годы постоянно перечитываю книги Можаяева: то «Живого», то «Мужиков и баб», то «Историю села Брёхова...» Перечитываю и слышу голос Бориса Андреевича, вспоминаю главные события, которые прошли в наших отношениях красной нитью. Эта нить оборвалась после похорон Бориса Андреевича, но воспоминания о нём живут и будут жить, пока не оборвётся моя красная нить... Мне же остаётся всегда вспоминать Учителя, его усмешливую озорную интонацию, с которой он произносил своё «едрёнь», иногда заменяя его русским словом покрепче, помнить его взгляд с прищуркой и знать, что он где-то совсем близко, почти рядом, всё видит, слышит и переживает за нас.

«НА МЕЖЕ ОТКРОВЕНЬЯ И БОЛИ...»

Анатолий Аврутин. «Временная вечность». Избранные произведения. Минск., «Мастацкая літаратура», 2022

Вспоминая произведения русских классиков, понимаешь, почему их книги вне времени и вне пространства, почему они воспринимаются как категория чего-то вечного. Классик — тот, кто преодолевает эпоху. Сравнения — вещь опасная и противоречивая. И всё же... Целый поэтический мир открывает читателю однотомник Анатолия Аврутина «Временная вечность», в который вошли лучшие произведения, созданные автором за полвека творчества. Каждое слово поэта звучит, будто написанное сейчас, а не 30, 40, 50 с лишним лет назад! Слышится гул вечности: торжествует традиция реализма в искусстве, вобравшая в себя огромный духовный и исторический опыт славянского народа.

Поэт в своей жизни сделал неимоверно много, доказав, что есть книги на все времена. Их довольно мало, но они есть. В его сборнике чувствуется новое и бесконечное начало. Для жизни текста важно — ощущение опоздания и обновления одновременно. Классики бессмертны, и автор ведёт с ними свой нескончаемый в веках диалог: «Лев Николаевич, страшно вас нынче читать — /

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Где те характеры, где те мечты и порывы?.. / Где же, Борис Леонидыч, та горечь разлук, / Где над февральской чернильницей горькие плачи?.. / Вас я, Марина Ивановна, не понимал, / Хоть был раздавлен мрачнейшим ритмом тяжёлым... / Анна Андреевна, как вы сейчас далеки! / Реквием смолк... Над державой ветра и метели. / Мир обезумел... И чудится — с левой руки / Все мы перчатку на правую руку надели». Здесь прошлое живёт в настоящем. Эта книга выстроена тонко и профессионально — как эффект одного большого стихотворения, как одна нескончаемая тайна... На лёгком дыхании рождаются слова, непринуждённо складываются в строки — всё узнаваемо, реально, всё проецируется из прошлого в настоящее, а значит, и в наше будущее.

Надо сказать, что Анатолий Аврутин — мастер мистических загадок и зашифрованных смыслов. Пожалуй, этим объясняется и парадоксальное определение «временная вечность» — название и загадочное, и говорящее. Противоречивый оксюморон, готовый сменить время на безвременье или, возможно, раскрыть некий вневременной, метафизический план, который подразумевает многомерность, символическую смысловую ёмкость художественного мира. И жить человеку стоит не минутными потребностями, а вечностью. Это тяготение к бесконечности, к непреходящим ценностям было всегда присуще большим поэтам, что подтверждает стихотворение Анатолия Аврутина «Памяти друзей-писателей», которое тоже вне времени и которому будто нет ни начала, ни конца. Идея возвращения прошлого не нова. В современных явлениях мы с удивлением узнаём старые черты, когда предстаёт одна неразделённая жизнь. Искусство помнить — грань прозрачная и ускользающая:

*Как летят времена! —
Был недавно ещё густобровым.
Жизнь — недолгая штука,
Где третья кончается треть...
Заскочу к Маруку,
Перекинусь словом с Письменковым,
После с Мишей Стрельцовым
Пойдём на «чугунку» смотреть.*

Аврутин продолжает свои воспоминания об ушедших в вечность поэтах, имён которых не счесть: Федюкович, Сус, Крыга, Кулешов, Гречаников, Гаврусев, Кислик, как яркая вспышка памяти — Блаженный, москвич Блудилин, петербуржец Куклин... Вот и совсем недавние человеческие и твор-

ческие потери — «друзья, ушедшие во тьму»: Микола Шабович, Ганад Чарказян:

*Куды ты, Микола?.. Ур ес гнум, Ганад?..
Куда ты, Серёжа?..
И пальцы стучат по стеклу невпопад,
И холодно коже.*

Сравнивает ли автор личное в прошлом и личное в настоящем? Какой мерой? Трудно ответить. Говоря о своём сокровенном, он всегда говорит об общем, глобальном, надмирном. Ведь необозрима только вечность. Вечность таланта... Нити воспоминаний ведут его и к родовым истокам, где те же смерть — жизнь — великая тайна. Пожалуй, самая неизбежная утрата — уход близких: отца и матери. Нет замены ушедшим и «никто не придёт назад», как сказал бы Блок. Аврутин трепетно и проникновенно об этом рассказывает в других стихах «Памяти мамы»:

*Ты не мама, ты — мой ребёнок...
Всё в минувшем — краса и стать.
Ты ласкала меня с пелёнок,
Мне отныне тебя ласкать.
.....
Повторяла: «Ещё немножко
Скушай... После — ещё отрежь...»
Ты кормила меня из ложки.
Мама, с ложечки суп доешь.*

Оказывается, сыновняя любовь может быть не менее сильной, не менее пронзительной и нежной, чем материнская. Смерть, страх — равновеликий гул беспредельного небытия — перед ней отступают. Цель литературы — выразить невыражаемое. Философичное произведение «Памяти отца» — прежде всего отражение собственной судьбы:

*Родина... Родители... Рожденье...
Рожь... Россия... Розвальни... Росток...
Роковое слов кровосмешенье,
Роковое чтенье между строк.*

Родовая память концентрирует в себе вечность и непрерывность человека, постоянное движение из поколения в поколение этого исконно духовного вещества. Детство — Родина — круг замыкается. Что примечательно: книга Ана-

толия Аврутина начинается стихами о малой родине. Стоит отметить, поэт никогда не покидал Беларусь, посвящая ей такие удивительные стихи, как: «И душою хороша, / И не барыня, / Беларусь — не госпожа, / А спадарыня. / Журавлиные края, / Тишь болотная. / Ты и нежная моя, / И пшачотная... / Здесь и слова и слова / Кровью спарены. / Ты всему здесь голова, / Ты — спадарыня». Они перекликаются и со стихами «Эти светлые названья / Белорусской стороны». У каждой земли свои символы, свои образы природы, человека, мира. В Беларуси это: белый аист, зубр, пуша, поля с житом, голубые озёра, храмы и монастыри. Поэт талантливо использует словообразовательную модель вкрапления в текст белорусизмов, тем самым подчёркивая прелесть и изящество славянской речи. А красота родины незабываема...

Между тем поэзия Анатолия Аврутина отличается глубоким эпическим звучанием, преодолением непостижимых внутренних противоречий, совмещением двуполярного единства.

*Вдали от России
непросто быть русским поэтом,
Непросто Россию
вдали от России беречь.
Быть крови нерусской...
И русским являться при этом,
Катая под горлом великую русскую речь.*

Как видим, в его стихах содержится много скрытой боли. И этот дисгармоничный мир надо принять и осмыслить. Автор показывает весь трагизм исторического бытия XX—XXI веков — веков всеобщего нравственного кризиса. Многие его произведения приобретают страдальческий и одновременно просветлённый отсвет, когда наше далёкое прошлое проясняется.

*Который день, который год,
Труд не сочтя за труд,
И в урожай, и в недород
Их сумрачно ведут.
Штыками тени удлиня,
Ведут, как на убой.
Лениво чавкает земля
От поступи больной.
.....
И снова, унося в горбах
Свою святую Русь,*

*Идут кандальники впотьмах
И шепчут: «Я вернусь...»*

Принимаешь бесконечно печальный, но точный ключевой образ Родины и в стихотворении: «Стылый сумрак. / Родина у дома / Бесприютно спит на сквозняке. / Мир изломан... Линия излома / Бьётся синей жилкой на виске... / Только совесть к истине воздета, / Да порою чудится — вдали / Чей-то голос кличет Пересвета, / А в ответ: «Все наши погибли...» У поэта присутствует своя диалектика, свои неизменные моральные координаты, позволяющие говорить о его творческой эволюции, о трудном пути восхождения к истине, который постоянно находится «на изломе», «на рубеже», «на пределе», «на грани» добра и зла, «на меже откровенья и боли». Может быть, неслучайно Ницше хранил в душе необыкновенную мечту, о которой однажды обмолвился: «Я променял бы всё счастье Запада на русский лад быть печальным». Согласитесь, нечто магически притягательное в этом есть. Анатолию Аврутину характерен метафизический подход к постижению крупных событий, присущи глобальные лирико-философские обобщения — широкая историческая ретроспектива. Но история не всегда справедлива и не всегда разумно отрицать её сослагательное наклонение.

*Не брести, а скакать
по холмам помертвелой Отчизны,
На мгновенье споткнуться, ругнуть поржавелую гать,
Закричать: «Ого-го-о...»,
зарыдать о растроченной жизни...
Подхватиться и снова куда-то скакать и скакать.*

Здесь из глубин памяти всплывают спасительные строки Рубцова: «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны, / Неведомый сын удивительных вольных племён!» Аврутин безошибочно уловил этот былинный напев поэзии Рубцова, почувствовал свечение его равнинной звезды как звезды вечной русской литературы. Историческая песня и былина — это то, что рядом с нами и навсегда. Возможно ли дела давно минувших дней соединить с днём настоящим, современным и тревожным? Образ стремительно летящего коня и седока автор переносит в свои стихи:

*Только цокот копыт, только лютые сабли кривые,
Только голос, хрипящий:
«Не тронь дорогого, не тронь!..»*

*Красный бешеный конь — вот уже половина России,
А вторая — такой же, но белый взбесившийся конь.*

Кони врываются в тайну грядущего. Поэт выразил это в словах, оказавшихся пророческими: конкретные эпохальные видения — «красный бешеный конь» и «белый взбесившийся конь». Предельно ясно построение исторической, причинно-следственной цепочки, звенья которой подобраны основательно и точно.

Анатолий Аврутин — блестящий мастер художественного слова. Талант его — особого, не часто встречающегося свойства. Диапазон и масштаб тем, сюжетов безграничен. Пророк и его Отечество — вот фундаментальные истины в поэзии. Очевидно, правда, то, что знание истории никого ещё не уберегло от ошибок. Но история определяет ритм. Ритм и время, саму эпоху. «В двадцатом столетии... О, времена, / Когда не спешат предаваться итогу!.. — / В двадцатом столетии осталась страна, / Меня снарядившая в эту дорогу», — напишет он вещи строки, будто возвращая прежние забытые времена. Осколки памяти. Он и эпоху создаёт по памяти: «Как быстро всё это, как скоро!.. / Уходит эпоха. / Мальчонка стоял у забора — / Тогда еще кроха». Время скоротечно. Юрий Кузнецов был прав, зовя «в собеседники время». Зачем нам дано Время? Анатолий Аврутин интуитивно чувствует индивидуальное человеческое «я», современное, высвечивающее прошлое, пройденное им активно ради будущего, его преходящее и пространственное бытие, тесно взаимосвязанное с целым миром, вмещающее в себя время, которое дышит Вечностью. Для него самое главное олицетворяется с одной большой, когда-то неделимой страной:

*С крылечка сбежишь, а вокруг Подмосковьё,
Хоть с минской квартиры я не уезжал...
Всё просто, ведь связаны больше, чем кровью
И гомельский, и Белорусский вокзал.*

«Я с детства запомнил — всё это Отчизна, / Про карты и атласы знать не хочу», — здесь читается и вся история автора, где сама реальность на карте его жизни и судьбы вычерчивает свои верные координаты. В общем идейно-художественном контексте поэзии Анатолия Аврутина эти стихи внятно говорят о его преданности советской Державе.

Нельзя не признать, что любая традиция предполагает диалог с предшественниками и не исключает поиска новых путей. В поэзии Аврутина явственно слышится мысль и ди-

алог с Толстым, Достоевским, Пушкиным, Блоком. Именно традиция реализма привносит гармонию в его многообразное творчество. Пожалуй, главный эстетический вопрос искусства — спор между правдой и вымыслом, между жизненным взглядом на литературу и литературным взглядом на жизнь. Ведь жизнь и литература в своём обоюдном развитии стремятся к союзу, к целостному восприятию мира. Анатолий Аврутин ставит задачу: попытаться приблизиться к пониманию мыслительных гениев, интеллектуалов XX века, исследователей человеческого духа, сполна познавших истину. Окружающая действительность может выявлять множество тайн, и с поэтом начинает говорить уже сама Вечность. Аврутин прибегает к излюбленной логике парадокса. Одним словом, он человек контрастов и парадоксов жизни: разгадки глубочайших тайн находятся рядом с нами. К тому же — это человек, решительно выходящий из привычного круга вещей, который продолжает пророческие традиции Пушкина, Достоевского и сам пророчествует, с новой остротой и болью открывая нам суть уже свершившихся событий.

*«...Но жизненные органы задеты...
Да и раненья слишком глубоки...»
Своею кровью русские поэты
Оправдывали праведность строки.
.....
Любима жизнь... И женщина любима...
В строке спасенья ищет человек...
И Лермонтов опять стреляет мимо...
И снова Пушкин падает на снег...*

Пророк и философ Достоевский писал: «Пушкин унёс с собой великую тайну, которую мы ещё долго будем разгадывать». Пушкинская лира благородства, прозорливости и мудрости вдохновляет и Анатолия Аврутина. Любовь к пушкинскому гению зародилась у него в детстве, и он, ещё маленький мальчик, слушал сказки русского поэта, предаваясь мечтательной созерцательности:

*...Наш примус всё чадил устало,
Скрипели ставни... Сыпал снег.
Мне мама Пушкина читала,
Твердя: «Хороший человек!»
Забившись в уголок дивана,
Я слушал — кроха в два вершка, —*

*Про царство славного Салтана
И Золотого Петушка...*

Ощущаете, как сильно запахло детством? Пронзительный луч этого сказочного света вновь подарил нам удивительные мгновения той потерянной радости. Спустя годы, в разрушении этого маленького Рая виновато время — время, как таковое, как потеря вневременности. Впрочем, Светлана Сырнева это внутреннее состояние определяет так: «С детства воспитанный Пушкиным человек при какой угодно тяжести бытия становится счастливым». Действительно, пушкинская лира неисчерпаема по силе мысли. Золотой век был лучшим периодом в литературе, наполненном русской прекрасной мечтой, верой народа, взращённой детством и пушкинской фантазией, сказкой, проникнутой святым православием, а дальше лишь ухудшение. Анатолий Аврутин, чеканя классический слог, убедительно подтверждает это в цикле «Три века»:

*Из темных недр Истории самой
Три века на меня глядят, три века.
Век пушкинский... Дуэльный... Золотой...
Где слово недоступней человека.*

Что, собственно, в своё время доказал и патетический стиль «Пушкинской речи» Достоевского. Золотой век, олицетворяющий всемирный и всечеловеческий гений Пушкина, — вершинное проявление национального духа, выше которого Россия ничего не знала. Неповторимым и обманчиво-коварным был век Серебряный, ошеломляя своими звёздными именами:

*Ни злата не принёс, ни серебра
Поэтам век Серебряный, грозбый.
«Достать чернил...» Ну, нет... Уже с пера
Стекала кровь... Невенчаные вдовы...*

Серебряный век русской культуры — её последний ответ перед погружением во тьму века железного, за которым, по слову автора, последовал «цинкогробовый»: «Но век двадцатый перетёк / В век двадцать первый. / Вновь — всё иное, мир иной, / Не те основы. / Век не Серебряный, другой — / Цинкогробовый». Анатолий Аврутин, обращаясь к творчеству русских поэтов, довольно часто использует приём литературных реминисценций: чувствуется то

чеховская безысходность, то блоковская невысказанная тоска, то явная есенинская грусть, то пушкинский холодок совершенства, то лермонтовская фатальная неизбежность... Мы можем воочию наблюдать расширение его поэтических текстов от блоковского лирического потолка до пушкинских высот и, вне сомнения, глубже иных авторов нашей современности. Заметим, дар мистика и пророка после Пушкина был только у Гоголя. Однако мистических загадок с избытком хватало и у Лермонтова, и даже у Есенина, который так до сих пор и остался неразгаданным поэтом. В немалой степени мистический поэт и Анатолий Аврутин, его влечёт неизведанное — случай — рок — фатальность, значит — он и мыслит метафизически: «Что велено роком, / То, значит, и велено роком, / И сбудется всё, / здесь не нужно казаться пророком». Кажется, молох дара обуревают художника, сжигая изнутри. Но случайно-го нет. Автор каким-то таинственным образом обосновывает неслучайное. Есть Промысл Божий, Его участие в человеческой судьбе:

*А коль не случится того,
что должно бы случиться,
Не стоит напрасно
пред Господом Богом виниться.
Начертано так...
В том таится высокая милость,
Чтоб что-то случилось,
но всё ж ничего не случилось.
Ведь всё не случайно,
и в этом высокая тайна,
Что тайна высокая —
тоже всегда не случайно...*

Александр Блок — один из самых выдающихся поэтов Серебряного века — был увлечён мистическим символизмом. И всё же он остаётся недочитанным и недопонятым поэтом. Анатолий Аврутин, следуя своей особой логике, отнюдь не случайно берёт к своим стихам блоковский эпиграф — строки не просто поэта, но поэта-символиста: «И предо мною люди в белом / Поставят бледную свечу».

*Снега или снеги? Теней вереницы...
Неузнанной птицы медлительный лёт...
В такие часы — лишь рыдать да молиться,
Но губы не шепчут, слеза не течёт.*

*Неровная стёжка... То кочка, то яма.
И томик под мышкою... В брэнности дней
Я тоже придумал Прекрасную Даму —
Ещё не известно, какая чудней.*

Искусство недосказанности переносит нас в совершенно иную реальность. Всё оваяно атмосферой мистической тайны и совершающегося чуда. Всё в его лирике зыбко, туманно, подчас неуловимо: только намёк призрачных теней, только какая-то птица, какие-то неясные пути-дороги, какие-то «бледные свечи»... И всё это — знаки, возможно, знаки-предвестники надежд на «снега или снега» или явление того же чуда Прекрасной Дамы, в образе которой для А. Блока и для Вл. Соловьёва воплощалось некое всеединое Божественное начало. Для А. Аврутина многое выглядит иначе: ему сложнее после ушедших гениев осмыслить гораздо более широкий исторический период. Может быть, поэтому он не питает эфемерных иллюзий и не ждёт от Прекрасной Дамы никакого волшебства:

*Как долго до этого строчки молчали,
Душа обмелела до самого дна...
Я тоже послал бы ей розу в бокале,
Но роза моя ей совсем не нужна.*

Поэт полон тревожными предчувствиями. Драматургия его поэтических сюжетов охватывает существенный отрезок времени прошлого и нынешнего столетия. Личное и общественно значимое сплетается в тугой узел. Открыто и прямо он утверждает в поэзии литературную личность, своё «я». Говоря о себе, автор говорит за всех и о коллективном, поднимаясь в художественном мышлении до всечеловеческого, надмирного восприятия бытия.

*Я в этот мир пришел в своё число,
Меня сюда случайно занесло.
Я не спешил сюда... Меня не звали.
Но коль явился, значит нужно жить,
Любить, страдать... И голову сложить,
И претерпеть все страсти и печали.*

Это — почти магическая — воля одним мановением, одним росчерком пера, не прибегая ни к каким словесным хитростям, суметь обозначить в поэзии главное. А что может быть

сильнее, глобальнее, чем Слово, которое остаётся нам при всех потерях и неудачах?

*Осталось слово?.. Слово — это звук.
Оно молчит в предчувствии разлук —
Мне так казалось, Боже, так казалось...
Но голос вдруг явился наяву,
Но голос зазвучал — и я живу,
И нечто есть превыше, чем усталость...*

«Время ухватывается за нас, и ему хочется увидеть себя со стороны, отразиться в Слове — единственном организме, неподвластном смерти», — писал Валентин Курбатов. Анатолию Аврутину удаётся высветить истинную роль поэта, его предназначения, его места в истории.

Поэт и власть. Поэт и общество — темы непреходящие. Недаром Платон, встав перед выбором между свободой и диктатурой, изгоняет поэтов из своего идеального государства. В книге «Временная вечность» эта ситуация представлена автором весьма оригинальным произведением:

*Кто, временицк иль Павел
Царством правил? —
Размыты даты, спутались года.
Но всякий царь, шута встречая лаской,
Стихам внимал с тревогой и опаской
И не любил поэтов никогда.*

Вспомним строки Тютчева из его «Цицерона»: «Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые!..» И обнажаются исторические бездны, под которыми по слову русского мыслителя «хаос шевелится». Впрочем, и Аврутин умеет найти сакраментальную фразу, умеет сопоставить жизненные и творческие параллели, чтобы доподлинно раскрыть самоценность художника-творца:

*Кого же свет хвалил и так, и этак,
Тот никогда и быть не мог в поэтах,
Пусть был он государю трижды мил.
И чтобы ни творила воля злая —
Не Пушкин жил в эпоху Николая,
А Николай при Пушкине царил.*

Автор этих строк, как и Пушкин, поэт и историк. Подобная ипостась просто обязывает достигать определённых вы-

сот. Почти тридцать веков прошло, а Гомер жив, потому что написанные им три тысячелетия тому назад эпические сказания — художественная литература. Что важно: свою книгу Анатолий Аврутин завершает стихами, в которых делает акцент на то, что он прежде всего — русский поэт. Все классики русской философии стояли на том, что «гениальные художественные произведения всегда национальны». Это закон — закон природы души человека, человека творящего, обладающего таким даром, как талант, ибо «нет творчества без личности, но нет его и без национальности». Именно Россия для поэта — надежда и утешение. Эта страна не пропадёт и не сгинет, она, по его мнению, хранит в себе ещё не выявленную мощь и энергию. Ему, как и Блоку, «до боли... ясен долгий путь!..»

В стихах Анатолия Аврутина хватает как утончённой лирики, так и глубокой философии. Автор поднялся над своим временем. Век, говорил Блок, может простить художнику «все грехи», кроме единственного — «измены духу времени». Стараться постичь дух времени, быть безотказно верным ему — в этом видел он силу художника, поэта. По-блоковски «насыщена духом эпохи» и лира Аврутина. И горькая тяжесть жизни у него словно сама собой движением мысли преобразуется в свет:

*Пусть ещё не погасла закатная медь
На взъерошенных клёнах недужных,
Скоро мыслям блуждать, скоро сердцу болеть,
Скоро истина станет ненужной...
А когда заструится дождливая тень,
По сводам растекаясь коряво,
Будем завтракать — в десять, а ужинать — в семь,
И страшиться, что рухнет Держава.*

Но истина в конце концов всё равно торжествует. Автор замечателен сжатостью и энергией своего поэтического выражения. Да, его поэзия трагична, и герой его поэзии — трагический герой, болезненно переживающий трагедию раздвоения. Однако трагическое мировоззрение не имеет ничего общего с пессимизмом, беспросветным отчаянием, отрицанием самой жизни. Трагедийное всегда мужественное. Герой борется с роком. Поэт верит в свет будущего. Через все стихи, через призму ассоциаций проходит один ряд образов и метафор, воплощающих представление о борьбе двух противоположных начал: чёрного и белого. «Поэзия возникла впервые, когда человек решил высказаться», — вот сентен-

ция Гегеля. И не только высказаться, но и овладеть секретами тайнописи, в чём-то противоречащими национальной традиции. Будто невидимым контуром пишутся аврутинские зашифрованные тексты, подчас требующие неких мистических истолкований. Много чёрного: «чёрная музыка строк», «истины чёрная суть», «чёрное небо», «то ли белое в чёрном...», «чёрные слёзы», «чёрный свет», «чёрные отсветы чёрных прозрений», «чёрные птицы» и одновременно «чёрные вестники светлой печали». И всё же светлое накрывает тёмное. Мир рассыпается на осколки и фразы: заключительный аккорд практически каждого его стихотворения — это виртуозные изречения. Говорить о выдающемся произведении искусства всегда трудно. Может быть, потому, что оно умеет говорить само за себя, и говорит исчерпывающе. Должно быть, в самом деле талант — это и есть безграничная власть. Власть над фантазией и словом, над мыслью и чувством, власть над читателем. Анатолий Аврутин обладает этой властью сполна. Показательный пример — его шедевр: «Чуть растекаются лучи, / Двоясь в металле. / Гляжу на огонёк свечи / И в Зазеркалье». Зеркало судьбы — двоякие отражения. Или ещё один, который стоит привести целиком и которому, как и предыдущему, позавидовал бы сам Пастернак, — шедевр на все времена:

*Скупой слезой двоя усталый взгляд,
Вобрал зрачок проулок заоконный.
И снова взгляд растерянно двоят
В биноклик слёз забившиеся клёны.
Через слезу до клёна — полруки,
Пол трепетного жеста, полкасанья...
Сбежит слеза... И снова далеки
Вода и твердь, грехи и покаянья.
Вот так всегда...
Как странен этот мир,
Как суть его божественно-двояка!
Вглядишься вдаль — вот идол... Вот кумир...
Взглянешь назад — ни памяти... Ни знака.*

А вот ещё не менее пронзительное стихотворение об одиночестве:

*Стою на сквозняке... — Ты кто? — Аврутин...
— Зачем ты здесь? — Достали шулера...
Опять один в своей извечной смуте,
Опять один — как завтра, как вчера.*

Человек и одиночество: «Стою один... Пустых словес не слыша... / Стою один... Не понятый никак...» И его книга «Временная вечность» приходит к нам как спасение от одиночества. Других лекарств нет. Поэт прав: от одиночества не лечит даже время. Остаётся лишь обращаться к вечному. Философ Н. Лосский считал основной категорией времени именно вечность, недостижимую для нашего чисто человеческого разума — «нечто, чего мы не можем определить». Но интуитивно предчувствуем — там нет времени как такового. Скорее — вообще исчезает чувство времени. А заодно и пространства. «...Где я пред вечностью мгновенной / Стою в ничтожности своей», — предельно откровенно напишет А. Аврутин в своей лирической исповеди. Круг опять замыкается, и наш герой бредёт туда, «где всё конечно, даже бесконечность... / Где временная вечность / Со смертным о бессмертье говорит». Такое поразительное образное сочетание противоречащих друг другу понятий — созданный им самим уникальнейший оксюморон. Однако вечную жизнь надо заслужить в жизни земной. Жизнь трудна, в ней идёт жестокая, неутрахающая внутренняя борьба. Она порой мстит человеку за измену ей — мстит душевным опустошением, непоправимой утратой своего места в мире. «И кем ты стал — решит эпоха, / А вечность — кем не стал решит...» — принадлежит поэту и это удачное выражение, реалистически правдивое, быющее прямо в точку. Автор восхищает замечательной сжатостью и энергией отображения ключевых мыслей, к примеру, в стихах, также удивляющих искусно найденным оксюморонам:

*Спешите медленнее жить —
Пока глаза глядят лукаво,
Пока походка величава...
Спешите медленнее жить.*

Наше время хорошо тем, что о нём всегда можно договориться. Личное время — реальность, а общее время — чистая условность. Аврутин, имея дело с такой тонкой субстанцией Мироздания — временем, пытается уловить его идеальный ритм — без спешки, но и без ленивого замедления: идти бесшумно, накладывая на всё печать своей глубокой и спокойной задумчивости. Душевная тишина и проникновенность суждений как тайна мира и внутреннего просветления: «Спешите медленнее жить, / Пока гнездо под крышей вьётся, / Покуда жизнь не оборвётся — / Спешите медленнее жить».

Достаточно выразительную художественную плоть получили в книге любовные сюжеты, привлекающие прежде все-

го своим метафизическим изложением чувств. Так стихотворение «Родительский день» вобрало в себя несовместимые представления о человеческой жизни и памяти, которые протекают в абсолютно разных измерениях. Автор предлагает читателю совершенно неожиданный рассказ о настоящей любви — между явью и сном. Его начало, казалось бы, вполне предсказуемо: «— Сколько же можно вертеться? / Завтра ведь рано встаём... / — Шарил таблетку от сердца, / Слушал дыханье твоё. / Ты беспокойно дышала, / Даже стонала порой...» Строго говоря, семья — это всегда мистика. И необычный сюжет таинства, его мистическая черта пребывания в другой реальности, когда понимаешь, что двух влюблённых забирает вечность, открывается лишь в конце: «Мы над землёю парили, / Так полежим под землёй». Приходится думать о смерти. Она не прерывает существования человека, а только видоизменяет его. Человек с радостью принимает смерть не как итог, а как какой-то выход в вечную жизнь, обещающую некий неведомый доселе смысл. Ведь любовь — сильнее смерти:

*Главное — мы с тобой рядом,
Нам ведь иначе никак!
— Я бы от горя ослепла —
Страшно на кладбище спать.
Пепел мешается с пеплом,
Вот мы и вместе опять.*

Так бывает с теми, кто долго живёт вместе. Поэт тем и велик, что талантливее и острее иных чувствует непостижимую закономерность конечности и бесконечности жизни. Ни с чем не сравнимое изумление, подобное душевному ожогу, вызывает до боли пронзительная лиричность в стихотворении:

*Эту веру в надежду даёт мне любовь —
Лживы все ипостаси иные.
Пусть любовь безнадежна... Пусть горестно вновь...
.....
Я всё верю с надеждой в провидчество строк,
И в любовь бесконечную верю.
Пусть мне небо велит: «Небу не прекословь,
Знай в любви осторожность и меру!..»
Но я верю в надежду...
Я верю в любовь...
И они возвращают мне веру...*

«Хорошо бы начать книгу, которую нужно писать всю жизнь», — когда-то высказал несбыточную мечту Андрей Битов. Но то, что не удаётся прозаикам, могут воплотить поэты: Анатолий Аврутин именно так и пишет эту книгу. Надо признать, ещё один важный момент в его творчестве: поэтическая незаурядность автора проявилась и в переводах. Вкус его к слову безупречен. Он тонкий и взыскательный переводчик, благодаря каноническим переводам которого обрели новую жизнь творения крупных поэтов античности. Ему характерно создание поэтических вариаций известных мировых шедевров. Привлекла мастера и поэзия восточной мудрости: произведения Расула Гамзатова и нашего современника Магомед Ахмедова. Но при этом собственное слово Анатолия Аврутина, адресованное кавказским поэтам, останется навсегда:

*Всего лишь строки, в мужество одеты,
Мне отпускали смертные грехи...
Я вас люблю, кавказские поэты,
И, может быть, не только за стихи.
За гордое уменье непокорно
Парить среди седеющих вершин,
За чистоты целительные зёрна,
За языка не треснувший кувшин...
Перевожу... Стихи — подарок царский!
Их горький смысл стараюсь уберечь,
И вдруг вставляю слово по-аварски
В родную, Русью пахнущую, речь.*

Читая эти возвышенные и благородные строки, мы чувствуем живое дыхание художника поэтического слова, и невольно приходят на ум знаменитые слова Жуковского о том, что переводчик в прозе — раб, в поэзии — соперник. Аврутин же напротив — обладает даром искреннего сотворчества и глубокого сопереживания. Он, скорее всего, — Дон Кихот перевода. И по справедливости должен быть назван среди тех, кто создаёт и совершенствует традиции современной школы художественного перевода, много делая для взаимопонимания братских народов, взаимообогащения их культур. Хороший перевод — это попытка доказать, что люди, живущие в разных странах, воспитанные в разных культурных традициях, способны найти общий язык и существовать мирно, в единстве и гармонии.

Новая книга «Временная вечность» ещё раз убеждает читателя в торжестве принципов строгого и мощного поэтичес-

кого стиля. Чтобы всё не заполнила трава забвения, мы должны оставить в этом мире следы своего присутствия. Этот сборник — важная веха творческого пути автора. Ведь и с Родиной, и с поэзией Анатолия Аврутина связывает одна пуповина — та чудесная нить, которая никогда не даст разорвать свои генетические корни. Поэт раскрывает нам личное предназначение творца. Он находится во власти магической музыки стиха, как всё истинное, великое и прекрасное в искусстве, помогает и всегда будет помогать людям жить, любить, творить, предощущать завтрашний день. Слово, освещающее путь человека, даже в самые печальные времена, несмотря на все потери, разлуки, страдания, вопреки всему несёт духовное просветление:

*Ты знаешь, что напрасен этот свет,
Напрасна мысль, что болью не согрета...
Но вящий дух бездушием воздет,
И тьма — предвестье будущего света.
Но что нам свет? — Он, в общем, тоже тьма...
Для нас извечней истинность иная —
Вдруг прозревать, вконец сходя с ума,
Сходить с ума, внезапно прозревая.*

г. Минск

МАТЬ-И-МАЧЕХА

Город в поэзии Дианы Кан

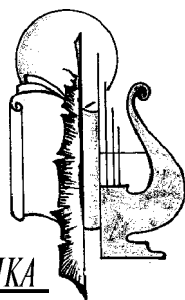
*На родину, которой одиноко,
Спешу я, под собой не чуя ног.*

Диана Кан

В современной русской поэзии пространство города неуклонно расширяется. В отличие от более консервативной деревни, город проявляет себя в культуре, ломая традиции прошлых веков и утверждая собственный закон, который при всех его просвещенческих достоинствах может быть поименован как «анти-традиция».

Вместе с тем город — главнейшее звено государства, и это нужно воспринимать как задачу, обязанность, социально-культурную функцию, которую необходимо не только исполнять, но и в полной мере ей соответствовать.

В поэзии городская лирика в последние годы ушла в интеллектуализм, накопление бытовых примет частной жизни, в отчаяние одинокой души и, по существу, в изгнание любящего сердца из пределов дигармоничной реальности. О важнейшей заботе города, призванной объединить малые и дальние земли, расширить местные пространства до границ «земли русской», в поэзии речь идёт довольно редко и,

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

как правило, вполне декларативно. Словно бы ушло ощущение просторов необъятной родины и возоблададо своего рода местничество, которое, перефразируя историческую терминологию, можно назвать патриотической раздробленностью».

В отличие от города, неотделимого от собственного имени, деревня во многом лишена тщеславного «яканья» и в значительно большей степени может восприниматься как малая часть родной земли и её полноправный представитель, в песне ли, в стихотворении — ведущий речь не «о себе любимом», но о корне народном, который пронизывает русскую почву от севера до юга и от востока до запада.

«Деревенская» и «городская» современная отечественная поэзия соседствуют одна с другой, но их приметы совершенно не сливаются, не переплетаются тематически и пейзажно, нравственно и социально. Город увлечён деятельностью современного сознания, деревня всё более отделяется от государственной риторики и погружается в самое себя. Психологические пограничные линии, отделяющие горожанина от деревенского жителя, становятся всё более жёсткими. Они могут восприниматься как духовные трещины русской цивилизации, как симптом разрушения общей нравственной традиции и знак возможной гибели русского мира. В этих обстоятельствах на художника ложится бремя метафизической ответственности за развитие событий. Он может и должен сдерживать разрушительные процессы, будто обручем, стягивая своим талантом города и веси, воспринимая родину как единую и неделимую, как пространство, в котором вся душа его изначально растворена.

В этом контексте поэзия Дианы Кан предстаёт как явление уникальное. Практически весь корпус её стихотворений связан с русским простором. Реки, леса, поля, горы, монастыри, посёлки, большие и малые города, столицы — надо всем этим многообразием будто парит взор автора, опускаясь, подобно птице, в своё гнездо и осваивая окрестности. Однако города в стихотворениях Кан показаны не только ярко, выразительно — их облик обладает собственными духовными характеристиками, социальными повадками, душевными пристрастиями. Используя олицетворение, поэтесса наделяет город узнаваемыми человеческими чертами и создаёт портрет поразительной психологической глубины. В памяти читателя такой образ остаётся как живая фигура, отчётливая и незабываемая. Наряду с реальными людьми «живые города» участвуют в житейских коллизиях и совершают поступки, которые отражаются в зеркалах истории и мифа. Лиричес-

кая героиня беседует с городами порой очень жёстко, иногда — сочувственно, прощая прошлые личные обиды.

Стихотворений, связанных с темой города, у Дианы Кан около трёх десятков. В них соединены пядь земли и государство, чувство почвы и звание столицы. Связывает стихи в одну тематическую линию, главным образом, биография автора. Маленький провинциальный азиатский город, где прошли детство и юность; Оренбург, окрашенный впечатлениями молодости; Москва как литературный мегаполис, место учёбы и творческого взросления; Самара, где окреп талант, появилась семья; Санкт-Петербург как старый имперский центр на карте России...

Маленькие города уже укладом своим склоняют жителей к трезвости ума, житейскому рационализму. В провинции героиня «научилась терпению и мужеству», «научилась не петь, не упрямиться и не видеть несбыточных снов...» Однако здесь мечта укрыта от постороннего взгляда во внутреннем мире юного сердца: «В тридевятом — моём! — королевстве так высоко плывут облака». А в отсутствии снежной белизны, которая сойдёт весной, «ничего не останется в этом городе душных ветров» — ничего, что хоть как-то похоже на идеал.

Спустя годы она возвращается сюда и, словно пытаясь преодолеть барьер прошедших лет, переодевается «в штапельное платье <...> что хранится в стареньком комод»: «Южный город на семи ветрах, принимай меня в свои объятия!..» Однако слияния давней юности и настоящего времени не происходит, поскольку началась совсем иная жизнь, для которой теплота, братство утратили прежнее значение: отвергнуто «всё, что в нашей молодости было, где братались русский и узбек, отворяя голубые жилы». «Статный и везучий» по нынешним временам, родной когда-то город отделяет себя от героини, вцепившись «в подол яростной верблюжьей колючкой», напоминающей пограничную проволоку. Упрекая его в отчуждении и жадности, в забвении давнего единения, лирическая героиня говорит от лица щедрого на труд и дружбу русского человека. И здесь — не упрёк узбеку, а самоопределение автора.

Приехавшая «гостьей в детство», она чувствует себя лишней в распорядке, который продиктован простыми бытовыми заботами. Тем не менее в них есть небесная ширь и высота: в зоне прямого доступа, чтобы можно было, попросту говоря, дотянуться рукой. «В узеньких арыках весела вода» — это образ животворящей влаги, хранительницы жизни, что так свойственно засушливому востоку. Но также и образ

скромной колыбели будущего художника, у которого потом всё станет другим — и широта, и высь, и духовное чадородие...

В маленьком городке как-то странно соседствуют замкнутость и готовность довериться приехавшему. Здесь есть терпение, необходимое для «примерки» пришлого к себе, себя — к пришлому.

*Захудалое чахлое деревце —
Дочь скупых каракумских пустынь —
Здесь джиды со мной ягодой делится,
Руку робкую тянет полынь.*

У Дианы Кан внутреннее отношение к городу охватывает почти всегда целый спектр чувств. Творческое одиночество художника, погружённого в житейские заботы, обычные для глубинки, проговаривается с несомненной горечью. Простые люди этих мест упоминаются всегда с добротой. И, словно воспаряя над скромным поселением, поэтесса с удивительной нежностью пишет:

*Городок обетованный!
Пусть тебя на карте нет —
Здесь восходит несказанный
Победительный рассвет.*

Она уподобляет горстку домов и улочек ребёнку («ты по-детски сладко спишь»; «ты обиженно бормочешь, разметавшийся во сне»; «не затепливай окошки — подрастёшь авось во сне»). Торжество рассвета становится и образом раскрывшегося таланта поэтессы, и знаком возрождения России через провинцию («здесь восходит»).

Примечательно, что многие стихотворения Кан имеют, казалось бы, локальную привязку к местности и событиям, негромкое звучание. Но с течением времени её творчество наполняется невероятным множеством примет, укрепляется художественная толща созданного автором. И эти отдельные, конкретные штрихи и детали приоткрывают своё отвлечённое значение — символическое. В них будто возникает какая-то новая прозрачность и мелодичность, слова стихотворения обретают надмирное эхо, одновременно сохраняя связь с земным, реальным и дорогим миром. Стихи словно становятся на своё место в расширившейся поэтической вселенной, обретая объём, в котором каждое стихотворение может существовать без утеснения другими.

В стихах Дианы Кан слово «родина» соединено с городом Оренбургом, где произошло её рождение как русской поэтессы. Заметим, узбекский Термез, где она появилась на свет, практически никогда не сочетается с этим корневым понятием, но упоминается в стихах как место, где прошли детство и юность. С Оренбургом связаны многие коллизии стихотворений Кан, в центре которых её литературное становление, взаимоотношения с творческой средой, восприятие своего рода «повадки» города, его пейзажи, любовь, боль. Как правило, оренбургские строки у Кан — возвращение в прошлое, воспоминание, в котором всё, что было прежде, предстаёт в кристальном виде. Упрёк и сердечность звучат почти одновременно, как в семье, когда доброта сменяется обидой, однако родной круг не разрывается.

*На родину, которая до срока
Сказала мне: «Вот Бог, а вот — порог!..»
На родину, которой одиноко,
Спешу я, под собой не чуя ног.*

*...Туда, где я сама всему виною,
Но где ещё душа моя светла.
Где под степной ковыльною звездю
Я не умела долго помнить зла.*

*Туда, где, не нашедши оправданья,
Слезою вспять седой Яик течёт...
Где над могилой мамы — звёзд мерцанье...
Всё остальное, право же, не в счёт.*

Будучи во многом жёсткой в оценках, героиня стихотворений Кан, в конечном счёте, всегда оказывается участливой и отзывчивой. Подобно матери, она как бы «удочеряет-усыновляет» своих прежних соперников и даже, условно говоря, «старших братьев» и «сестёр». Так бывает в лихолетье, когда дети остаются одни и кто-то из них принимает на себя бремя общих забот.

Это скрытое, по штрихам только угадываемое «материнство» — существеннейшая черта поздней лирики поэтессы («самое женское в мире занятие — хлебные крошки сметать со стола»; «детские слёзы в подол собирать»). Оно объёмлет собою и суровые замечания, и ласку обиженному или маленькому (теперь уже — «маленькому» в сравнении с нею).

Лирическая героиня стремится покинуть олицетворённую малую родину («мой город степной на полынном просторе»), но при этом заботливо беспокоится:

*Не слишком ли быстро, однако, бежу?..
А вдруг ты однажды меня не догонишь —
На льду оскользнёшься, увязнешь в снегу,
Пургой захлебнёшься, бураном застнешь?..*

Мотив «ухода-возвращения» распространён в городской лирике у поэтов, покинувших отчий дом в деревне. У Кан знакомая тема развивается совершенно иначе: героиня оставляет «точку на карте» и уходит в огромные пределы страны — всей русской земли, не боясь потеряться в многолюдье и просторе. Потому что её внутренний, «экзистенциальный» рост уже не только равен «величине-высоте» города, но и превышает его: героиня жалеет свой прежний городской мир, который прославили её стихи. В свою очередь, тот сетует на неё, почти зеркально повторяя прошлое, когда юная поэтесса с горечью предъявляла ему свои упреки.

Заводя речь об Оренбурге, Кан выделяет в нём две очень важные удручающие черты, которые, пожалуй, характерны и для всей России: самовластное «ханство» и мелкотравчатое «хамство». Поэт для среды, пронизанной подобными приметам, — фигура неудобная и избыточная. Его внутренняя свобода в координатах чванства и мещанства будто уличает их носителей в ложном устройении собственной и окружающей жизни.

*О, как они едины в этот миг —
И хам, и хан, клеймящие поэта...
Увы, мой город, вовсе не из книг:
Мне довелось узнать однажды это!*

В оренбургских стихах Кан почти всегда обращается к родным местам не иначе как «мой город» и жалеет его, как живое, страдающее существо, зажатое в пыточных, раскалённых клещах «меж пошлым хамством и надменным ханством». Эти два ненавистных обстоятельства терзают отчий край из года в год, из века в век. Художник, не отрекаясь от горьких слов, «обнимает» родину своей затаённой любовью, растроганно говорит о ростках чистоты и искренности, которые видны в детях нового времени, продолжающих традиции «эпохи верности старинной»:

Оренбург для Дианы Кан стал слепком с облика современной России. Детали этих мест вошли в душу автора одновременно с первыми стихами, накрепко связав её с той пядью земли, от которой началось глубокое, непрерывное врастание поэтессы в русскую культурную и духовную почву. Она постоянно ведёт беседу со своим городом:

- «мой город степной на полынном просторе»;
- «мой город — мой данник и кровник, и брат»;
- «мой город, как ты без меня»;
- «мой Оренбург, ну в чём ты виноват».

Перед нами — отношения близкие, когда стойкая душа способна преодолеть ссору и восстановить разорванные связи посредством собственной воли. В данном случае — воли художественной.

У Дианы Кан образ города всегда подразумевает его обитателей, хотя порой замещает их, отодвигая на второй, общий план, и «очеловечивается», вбирая в себя многие частные черты характеров. Сравнительно редко город превращается в отчётливые декорации, на фоне которых разыгрываются людские коллизии.

*Осенний выбор невелик...
Кто там лицом к стеклу приник,
Расплющив нос курносый?
Неужто это наша дочь
Наивно хочет нам помочь,
С окна стирая слёзы?*

*Она глядит, а мы идём...
Вон, мама под руку с дождём,
В обнимку с ветром папа.
И ветер, папин друг, вот-вот,
Сорвавши с папы, унесёт
Единственную шляпу.*

*Сорвёт с озябшей мамы шаль
(А маме шаль ничуть не жаль!)
И унесёт на небо.
А поутру её вернёт,
И шаль на город упадёт
Пушистым первым снегом.*

Только то, что связано с героиней, здесь может видоизменяться, подобно шали, превратившейся в утренний снег — все остальные образы привязаны к сюжету стихотворения.

Они могут быть развёрнутыми, однако способности к метаморфозам у них нет. И этот небольшой смысловой штрих содержит скрытое указание на возможности героини влиять на пространства и явления.

В стихотворениях Дианы Кан самых разных лет то явно, то исподволь звучит тема первородства. Для нынешнего времени, когда рынок стремится представить нравственный закон как что-то умозрительное и искусственное, такое внимание поэтессы к понятию библейскому оказывается и охранительным по отношению к своей земле, и в какой-то степени наступательным — в координатах духа. По существу, эта тема связана с непрерывностью жизни, её смыслом и системой ценностей.

*В междуречье Самарки и Сока,
Своевольем своим знаменит,
Закалённый ветрами с востока,
Избочась, гордый город стоит.*

*Задохнувшись в пути от удушья —
Так спешили! — Самарка и Сок,
Прибывшие из Оренбуржья,
Вопрошают: «Ну, как ты, сынок?..»*

*Мрачно буркнет: «А вы что-то долго.
Да, к тому ж, обмельчали вконец.
Полноводная тётушка Волга
Мне отныне и мать, и отец.*

*Нет реки знаменитее Волги!
Рядом с ней буду я на виду.
И в предания, и в каталоги
Гордым городом волжским войду...»*

*Молча слушали горькие речи
Сок с Самаркою... В чём их вина?
Междуречье, моё междуречье:
Меж речами царит тишина.*

*Ну, а город у Волги склонился...
Сколь таких по Руси у неё,
Что родством достославным гордится,
Позабыв первородство своё.*

*Что с того, что давно он не молод?
Своевольем своим знаменит
Талым снегом умывшийся город,
Что у пристани волжской стоит.*

*Герб с козлом поместивший на знамя,
Европейские шпильки вознёс.
Азиатски горит куполами —
Тяжело удержаться от слёз!*

На примере действующих лиц автор практически дал картину современной России, пренебрегающей собственными корнями и достоинством, кланяющейся западному респектабельному миру. Свободно написанная история склоняется к народной сказке. И это приметы сознательно выбранной интонации — ненавязчивой, лишённой декларативности и дидактики и определённо сплетающейся с притчей, имеющей универсальное смысловое поле. Стихотворение геополитического ракурса, который дан простыми средствами. Поэтому поэтическое письмо Кан здесь заслуживает более пристального внимания.

Уже в самом начале сюжета поэтесса в четырёх строках представляет читателю характеристики города:

- географическую («в междуречье Самарки и Сока»);
- историческую («закалённый ветрами с востока»);
- по репутации («своевольем своим знаменит»);
- по реальному нраву («избочась, гордый город стоит»).

«Избочась» — чрезвычайно важная реальная черта города, отчасти показывающая и рассказчика, его угол зрения. Не отказываясь от собственного видения, Кан соединяет личное с общим, тем самым объективируя картину и олицетворённого героя. В результате портрет города не кажется частным «высказыванием» портретиста.

С теплотой воплощены в стихотворении образы рек Самарки и Сока. Будто оправдывая свою фамилию и биографию, поэтесса представляет их, «прибывших из Оренбуржья», в виде хлопотливых любящих родителей, старомодных и простосердечных, потрясённых отречением сына («задохнувшись в пути от удушья — так спешили!»; «ну, как ты, сынок?»; «молча слушали горькие речи»; «в чём их вина?»).

В момент отказа потомка от кровных уз материнства и отцовства первый раз звучит подчёркнуто собственный голос автора: «Междуречье моё, междуречье: меж речами царит тишина». В этом приглушённом вздохе — молчание, павшее на землю после отречения сына от родителей; нравственное «от-

сутствие» родового звена-города в пространстве между реками; порушенное чувство преемственности поколений — беда сегодняшней России.

Впоследствии город, взявший себе родство «достопауное», но не получивший предполагаемых выгод и «талым снегом умывшийся», начал присматриваться к иным вельможным именам, будто продолжая прежнее отречение и утверждая собственное «своеволие»: «европейские шпили вознёс» — «азиатски горит куполами». И заключительные строки автора — «тяжело удержаться от слёз» — как будто продиктованные взглядом на слепящие «купола», на самом деле — о горьком смехе сквозь слёзы: и от глупого, самочинного совмещения Запада с Востоком, и от глубокой печали, отсылающей современника к ветхозаветному рассказу о том, как первородство поменяли на чечевичную похлёбку.

Похожие отношения складываются у Кан с Москвой. Находя совершенно безжалостные слова, характеризующие столицу, забывшую о собственном высоком предназначении, автор подчас адресует ей и сердечные строки. Это разговор на равных.

Способность Дианы Кан говорить о большом и малом содержательно позволяет ей охватывать самые разные стороны реальности. Вместе с тем в её стихах совершенно отсутствует избыточность деталей, что для многих современных авторов оказывается творческим тупиком, поскольку, по народной поговорке, «за деревьями леса не видно». И почти всегда личное отношение к предмету, событию, человеку в поэзии Кан выходит за рамки частного и становится художественным обобщением, в котором присутствует и автор, и кака-то высшая гармония: «Пускай я лгу... Но этот стих правдивей моего дыханья».

С пережжённой в душе отчаянностью лирическая героиня говорит о столице, жестокой к «приблудно-беспортошным»: «Таких, как я <...> смеясь, прицельно бьющая с носка». В её словах — горечь душевно-сильного художника из провинции, израненного в столкновениях с антагонистами — носителями московского гонора. В стихотворном изображении первопрестольная выглядит как вполне хищная территория, но именуется: «мать Москва». В свою очередь, старый имперский центр («батяня добрый Питер») предстаёт в виде неуклюжего подвыпившего разбойничка («хоть все бока поободрал-повытер»). Грубоватый папаша, который и прибить может для порядка, для почтения — «так это ж ты совсем не по злобе».

Примечательно, что Москва-мать тут как не родная, буд-то мачеха — рациональная и чёрствая. Питер — и простоват, и недалёк, но ему «от всей Руси земной поклон». Тогда как о нынешней столице, словно сквозь сжатые зубы: «А всё же хороша ты» — своего рода красота зла, душепагубная прелесть.

В этой семье Самара — золовка, красующаяся собой, усвоившая все порочные «столичные науки»: «Лупить с носка, чужие драть бока, с наскака двери открывать без стука». Самара оказывается очень похожей на Москву своим женским началом, нереализованным в должной полноте и доброте. И потому-то для Самары героиня находит слова беспощадные:

*Раскрашенная вся и расписная,
Как шлюха, от бровей и до пупа...
Да что сказать? Столица запасная,
Как девка загулявшая, глупа.*

В стихотворении заметен отголосок сказочного сюжета о глупом отце, злой мачехе и тщеславной мачехиной дочке (не смотря на то, что золовка по старой родовой росписи — сестра мужа или жена сына). Главной положительной фигурой в подобном несчастливом семейном кругу становится идеальный образ столицы. Он сияет в надмирном пространстве, но в действительности — увы! — только контрастно подсвечивает эгоизм и тщеславие современных российских «центров», на деле предавших своё предназначение: столицы — быть матерью городов русских, а запасной столицы — их родной сестрой.

В сознании героини Оренбург и Самара постоянно спорят, обладая собственными изысками и достоинствами. Точно так же вступают в противоречия Москва и Питер, столица и провинция. В фокусе судьбы поэтессы пространства, в которых ей довелось вступать в борения, сосредоточены в этих четырёх городах. Южный, азиатский Термез, где прошло детство, оказывается за пределами координат, в которых мыслится родина, лишь приметы прошлого иной раз заденут сердце. Но небольшие городки, станционные посёлки, как и скромные реки, во множестве текущие по русской земле, принимают от героини сочувствие и нежность. Они покорны, лишены глупого чванства и живут своей незнаменитой жизнью, которая становится фундаментом исторического существования России («девочка со станции Налейка»; «чудная станция с названьем Пачелма»).

Вместе с тем в стихах Кан противостояние Оренбурга и Самары соединено с реками, которые их омывают. Урал и Волга — союзницы героини, они принимают её в свои воды, в своё мистическое тело: «Я вброд Урал переходила, переплывала Волгу ввласть». Тогда как города исторгают её, будто занозу: «Ждут — не дождутся, что уеду... Спасибо, влух не говорят!»

«Самость» Самары отзывается и в речках-воложках, претендующих на звание главного истока великой реки. Но здесь поэтическая интонация теплеет и приобретает материнские оттенки, образ автора почти совпадает с образом «Волги — матушки родной».

*Ах, эти воложки! Галдят,
Стекая прямо с небушка.
Живой водицею поят
Самарский скусный хлебушко.*

*Одна другую вразной
Перекричать стараются...
И с Волгой — матушкой родной —
В объятиях сливаются.*

У реки есть течение и перемены её состояний, реки — протяжённые. Тогда как города — локальны и эгоистичны по своей сути. Героиня дышит воздухом всего огромного российского пространства, вдыхая его невероятную массу и выдыхая, будто возвращая её земле и воде. И потому в городе ей тесно, здесь дыхание затруднено. Поэзия Кан определённо отличается широтой пространств, в которых автор не гостит, а живёт («Я в реке живу, а не купаюсь», — говорит она в раннем стихотворении от лица русалки — существа воды). И это расширяет читательское понимание её лирической героини как существа земли: не стихии, но бескрайнего мира, в котором есть место и почве, и влаге речной. В отличие от города, граница которого заметна не только физически, но и духовно.

Развивая образ своеобразной Самары, Кан уходит от жёсткой инвективы и насыщает стихотворную речь мягкой иронией («всё у Самары — самое»; «в Самаре и скворец свистит громче, чем соловушка»). С печалью говорит она об «огненных зачистках» старой «деревянной лепоты», о новорусских домах, напоминающих «кичливо вставленные зубы». И замечательно точно роняет «очеловеченные» слова в адрес города-антагониста: «Всё молодиться?» Олицетворение Сама-

ры в образе собеседницы с неровным характером даёт возможность Кан произнести и скрытое глубоко в душе: «Мне не за что любить тебя, Самара! А вот, поди ж ты — всё-таки люблю!»

И возникает абрис фигур двух соперниц, одна к другой — нетерпимых, но на мгновение чуть обнявшихся и уронивших взаимную слезу. В этом, очень женском, стихотворении поэта сознательно предстаёт как героиня с земной биографией: она словно подводит черту под частными коллизиями, отделяя их от противоборств духовных. И город теряет свою непомерную гордыню и обретает домашнее тепло и красоту («твой поныне несравненны стати и улочек пленителен изгиб»; «прильнешь к ногам то сквером, то бульваром»).

Иначе взаимоотношения художника и города предстают в сфере духа. Косная среда отторгает свободное парение мысли и слова, поэт здесь напоминает нищего изгоя. И всё же — в нём живут чувство собственного предназначения и способность не потеряться в земном распорядке.

*Эх, дородна матушка Самара!
Здесь в чести купеческий уют.
Матушке Самаре я не пара.
Нищим здесь, увы, не подают.*

*Для меня ты и такая — праздник!
За тебя хоть в омут, хоть в огонь.
Серебрит мороз — седой проказник —
Мне мою развёрстую ладонь.*

*Прячься за вуаль от взоров шальных...
Бог с тобою! Я не жду чудес,
Кутаясь в морозный полушалок
Выцветших простуженных небес.*

*Не вступлю с тобою в поединок...
Господи тебя благослови!
Служат мне подошвами ботинок
Мостовые стёртые твои!*

Тут отчётлив мессианский акцент, когда странник — пророк или певец — незаметен всем остальным, но и неподвластен им. Он способен видеть окружающее почти с высоты небес, тогда как его босая стопа сквозь стёртую уличную брусчатку соединяется с родной землёй. В душе у него нет современности по отношению к городу: «кто — кого?» И его

песня проникнута душевной щедростью и глубокой печалью. Исчезает узкий, местный предмет спора — мифологический и творческий, и Самара через свои предместья поэтически соединяется с остальным земным пространством — традиционным, спокойным, по-семейному уютным.

*Судьбы драгоценный подарок —
Усталая Волга... За ней
Мерцает ночная Самара,
Как горсть самоцветных камней.*

*...Под пенью дремучей калитки,
Смирная душевную дрожь,
Беспечным младенцем с улыбкой
Небесной дремоты вдохнёшь.*

*Тот путь, что тобою был пройден,
Стал Млечным Путём, говорят...
А взгляд черноглазых смородин
Не есть ли твой истинный взгляд?*

Жёсткость многих строк Дианы Кан сочетается с мягкостью и примирением, которые адресованы тому же поэтическому персонажу. В отличие от живых литературных фигур, художественные характеристики которых почти графичны, разговор автора с городами обладает палитрой самых разных оттенков. Он часто возобновляется, отталкиваясь от однажды обозначенной позиции, и не продолжает прежнюю поэтическую мысль одномерно, что во многих почвенных стихах сегодня стало, увы, дурным кликушеским правилом, но придаёт ранее сказанному объём — исторический, нравственный, личностный. Таковы темы Оренбурга и Самары, провинции и столицы.

Отзываясь о Москве конца 80-х годов почти с нежностью, Кан связывает образ весенней столицы с пробуждением собственного поэтического дара. Столица тех лет пока ещё хранила очарование своих маленьких улиц и отблески прежней доблести, давней святости, хотя уже близились обманные перестроечные времена, а за ними — подлость и бесчеловечность 90-х. Но уже тогда в студентке, с восторгом взирающей на цветущую возле университета майскую сирень, начало оформляться духовное правило, которое в более поздние годы окажется своего рода императивом стихотворений Дианы Кан: «Сквозь смуту, морок, маету цвести победным пятицветьем».

Олицетворение городов и весей, окружающего пространства, рек, явлений — любимый поэтический троп Кан, которым она пользуется виртуозно. Однако подобное мастерство никогда не лежит на поверхности её стихотворения — оно спрятано внутрь его «художественного организма» и подтверждено естественной авторской интонацией, в которой печаль и сочувствие переключаются с гневом и негодованием.

Обезумевшая, изо дня в день пирующая столица контрастно сопоставляется с «глубинкой» («трудись, родная, дотемна»). У Кан «глубинка» — «русская»; «родная»; терпеливая («крепись»). В ней видится некий духовный базальт, на котором стоит российское государство. Называя её русской и родной, поэтесса неявно обращается к первородству. Чувству, которое нуждается в утверждении и уважении, даётся единственно возможное имя.

Привычной задачей провинции издавна считалось сохранять связь с почвой и нравственный закон. Столица же призвана быть центром государства и опекать провинцию. Свой родовой долг «глубинка» исполняет — где лучше, где хуже. Древняя Москва же ныне от своего державного назначения почти отреклась. Хотя и в ней ещё остаются точки жизни и духа, однако они почти подпольны и факультативны. Не случайно Кан говорит о себе:

*Я — подданная русских захолустий.
И тем права пред Богом и людьюми.
И приступаю провинциальной грусти
Моя любовь к отечеству сродни.*

*...Лицо слезой кровавой умываю,
Впадая временами в забытьё...
Но ни на что вовек не променяю
Божественное подданство своё.*

Её упрёк первопрестольной («когда я из глубинной дали клянусь тебе, моя Москва») содержит властное требование хранить прошлое и вести родовую нить в будущее, то есть исполнить предназначенное (к слову, «предназначение» — одно из самых существенных понятий для Кан):

*Услышь! Но снова вранья стая
Обсела сорок сороков.
Услышь, оглохшая от грая,
Меня на рубеже веков.*

Подобные слова несутся к столице со всех концов отчей земли.

«Сорвётся стаяй соколиной <...> призыв о доблести былинной с воспламенённых уст» — уточним, уже не поэтессы, а проникновенного русского певца, образ которого угадывается в духовном абрисе собственно женского лица автора.

Перед нами — «не стон, не всхлип и не рыданье, не о пощаде жалкий торг», что закономерно могло бы исходить от провинции, униженной и ограбленной городом нуворишей. Но перефразированное наставление гениального полководца А.В. Суворова: «Я — русская! Какой восторг!» По статусу его должна бы озвучивать или хотя бы понимать о себе «моя Москва».

Это «из-под сердца восклицанье», произнесённое поэтессой с азиатским разрезом глаз, свидетельствует о многом: о единстве русской континентальной земли, о соседстве и сотрудничестве многих культур России; наконец, о самоопределении души и сердца Дианы Кан как художника.

Корпус её стихотворений о городах отличается стиливым разнообразием и лёгкостью речи, в которой содержатся смыслы важнейшие, как правило, литературой проговариваемые весьма невнятно. Прозрачность личностной позиции, эмоциональная широта и нравственная определённость позволяют автору поддерживать редкую по искренности интонацию, которую узнаёт и ценит тонкий, умный читатель. К тому же, её строки почти всегда диалогичны, что по нынешним временам — свойство не частое. Оно сообщает стихам подлинный литературный демократизм: «Знай, скрипи своим оралом. Знай, шурши своим пером Между Волгой и Уралом, Между Доном и Днепром».

*Пусть меж Тигром и Ефратом
Сладко соловьи поют.
Нам с тобой туда не надо.
Мы с тобой сгодимся тут.*

*Утечёт рекой по древу
Серебро словес людских.
И степняцкие напевы
Укротят надменный стих.*

*А когда слова умолкнут,
Воцарится вновь покой
Меж Урал-рекой и Волгой,
Меж Днепром и Дон-рекой.*

*Потому что между речью
Свыше Господом дана
Православному наречью
Золотая тишина.*

Поэзия Дианы Кан неуклонно расширяет собственное художественное пространство и свободу, становится литературным явлением несомненным и, возможно, уникальным для нашего сегодняшнего времени.

Вышли в свет две книги Валерия Хатюшина

«Русский свет. Стихи о войне за Россию».

Сборник составили стихи, написанные с 2014 по 2023 год, посвященные событиям на Украине.

Стоимость с учетом почтовой доставки — 250 руб.

«Третий снег». Стихотворения.

В книгу вошла лирика, написанная после выхода в свет шеститомного Собрания сочинений. Твёрдый переплёт.

Стоимость с учетом почтовой доставки — 500 руб.

Деньги необходимо перечислить на карту Сбербанка номер: 2202 2005 6546 0175 или на номер телефона, привязанного к банку: 8 916 939 22 69.

А так же — сообщить свой полный почтовый адрес по указанному телефону или на эл. почту: mg0002015@yandex.ru

Дорогие друзья!

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на вторую половину 2023 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

В каталоге «Почта России» подписной Индекс «МГ»: П6410 — как для индивидуальных подписчиков, так и для предприятий и организаций.

Во втором полугодии 2023 года редакция планирует выпустить следующие номера: №7-8, №9, №10, №11-12.

Уважаемые подписчики «Молодой гвардии»!

У вас есть возможность подписаться на наш журнал на второе полугодие 2023 года непосредственно через редакцию. Для этого необходимо перечислить 1200 руб. на нашу карту Сбербанка (цена подписки на весь год соответственно — 2400 руб.). Номер карты: 2202 2005 6546 0175. А также сообщить свой полный почтовый адрес по телефону: 8 916 939 22 69 или на эл. почту: mg0002015@yandex.ru